ЛЕОНИД

МЛЕЧИН

ДИНАСТИИ КЛАНЫ И СЕМЬИ В РОССИИ

ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему одни вожди остаются при должности до смерти, а другим это не удается? Вождь сохраняет власть, пока окружение — сотрудники специальных служб, военные, высшие чиновники — хранят ему верность. В своей новой книге Л. Млечин рассказывает о законах жизни аппарата, номенклатуры, кланов, правящего класса. Наиважнейший принцип кадрового отбора — родная кровь. Поэтому, когда кого-то назначают на высокую должность, первый вопрос: из какой он семьи или клана? Дело не только в естественном желании порадеть родному человечку, уважить старых друзей. Свой — не подведет! Не предаст! Не переметнется на другую сторону! Сто лет нашей истории свидетельствуют: родная кровь — гарантия верности.

- Леонид Млечин
  - От автора
  - Глава первая. Кому же еще доверять?
  - Глава вторая. Жены. Надежда Крупская и далее
    -
    - Крупская против Сталина
    - Подруги вождей
    - Ночной выстрел
    - Муж в Кремле, жена в лагере
    - Домашние хозяйки
    - Женщины с мужским характером
    - Георгий Маленков и Валерия Голубцова
    - Екатерина Фурцева и Николай Фирюбин
    - Алексей и Клавдия Косыгины
    - Юрий Лужков и Елена Батурина
    - Раиса и Михаил Горбачевы
    - Первый развод в Кремле
  - Глава третья. Любовницы
    -
    - Любимая женщина главного революционера
    - Подружки Лаврентия Павловича
    - Страсть к балеринам
    - Тайное свидание
    - Последняя любовь маршала
    - «Вы наша главная проститутка»
    - И вновь балерины
    - Заменил сына
    - Стюардессы и медсестры

- Глава четвертая. Дети
  -
  - Трагедия первенца
  - Генерал Сталин
  - Дочка вождя
  - Яблоко от яблони
  - Сын Жданова
  - Сын Берии
  - Дети Маленкова
  - Дети и зять Хрущева
  - Дети и зять Брежнева
  - Дочь и зять Косыгина
  - Сыновья и дочери Андропова
  - Сын и дочь Щелокова
- Глава пятая. Семейные отношения в новой России
  -
  - Ельцины. Дочери и зятья
  - Путины. Дочери и зятья
  - Дети одаренных родителей
  - Министр Сердюков. Зять премьера Зубкова
- Глава шестая. Борьба кланов
  -
  - Питерская команда
  - Противостояние двух столиц
  - Комсомольцы Шелепина
  - Ельцин боялся кланов
- Глава седьмая. Новая номенклатура
  -
  - Только по команде сверху
  - Избираемый монарх и его двор
  - Клановый капитализм
  - Верхом на асфальтовом катке
  - Обслуживание на высшем уровне
  - Старая площадь и Лубянка
  - Войны спецслужб продолжаются
  - Кадровый лифт остановлен
  - Относительно неприкасаемых
  - Законы барской любви
- Глава восьмая. Правила престолонаследия
  -
  - Есть ли польза от завещаний?
  - Преемники и сменщики
  - Кому достается кресло?
  - Рецепт бессмертия

Леонид Млечин
Династии, кланы и семьи в России. От Ленина до Путина

От автора

Когда нынче кого-то — совсем еще юным — назначают на высокую должность, первый вопрос — он чей? Чей сын, зять, племянник? Из какой семьи или клана? Где и когда вошел в ближний круг?

«Чужих меж нами нет» — сказано в коротком японском стихотворении, полюбившемся мне со студенческих лет. Родная кровь — наиважнейший принцип кадрового отбора. Дело не только в естественном желании порадеть родному человечку, уважить старых друзей. Свой — не подведет! Не предаст! Не переметнется на другую сторону! Родная кровь — гарантия верности. А ничто так не ценится в высшем эшелоне власти, как верность.

Когда Никиту Сергеевича Хрущева в один день внезапно лишили кресла руководителя партии и правительства и отправили на пенсию, многоопытный Анастас Иванович Микоян, который несколько десятилетий провел на политическом олимпе, наставительно сказал его детям:

— Хрущев забыл, что и при социализме бывает такая вещь, как борьба за власть.

Думаю, изучен и учтен неудачный опыт Михаила Сергеевича Горбачева, который, возглавив страну, не расставил первым делом на ключевые посты тех, кого знал много лет, кто лично предан. Не привез с собой надежную команду — ставропольцев на высоких постах раз-два и обчелся. И Горбачев повторил ошибку Хрущева — не поставил во главе КГБ человека, который был бы кровно заинтересован в благополучии вождя.

Политика — это и есть непрерывная борьба за власть. Ни одна, пусть самая убедительная, победа не может считаться окончательной. Знавший в этом толк Иосиф Виссарионович Сталин в одном из писем своим помощникам сформулировал один из постулатов успеха:

— Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти!

Совершенно очевидно, что политика — это особое искусство, талант. Ему не научишься, на университетской скамье не освоишь, у старших товарищей не переймешь. Уверен, это врожденное качество. И оно проявляется в нужный момент.

Когда в августе 1999 года мало кому тогда известный Владимир Владимирович Путин внезапно возглавил правительство России, кто мог предположить, что он так надолго останется у власти?

Нового председателя Совета министров мало кто знал. У его

предшественников служба в Белом доме решительно не ладилась. От премьер-министров избавлялись бесцеремонно и неуважительно. Сергей Владиленович Кириенко продержался в премьерах четыре месяца, Евгений Максимович Примаков — восемь, Сергей Вадимович Степашин — пять.

Убитый выстрелом в спину у стен Кремля Борис Ефимович Немцов, который сам был первым заместителем главы правительства, говорил мне:

— Белый дом — опасное место. Многие в него входили улыбаясь. Но никто из него с улыбкой не выходил.

В девяностых годах кресло премьер-министра казалось со стороны незавидным и несчастливым — не успел обжиться в кабинете, как приходится паковать чемоданы и освобождать место преемнику. Однако же не нашлось ни одного политика, который бы отказался от предложения возглавить правительство, даже сознавая мимолетность сей славы. Верно, есть что-то упоительное в возможности — хотя бы ненадолго — взяться за штурвал управления страной. Власть — это сильнейший наркотик. От власти устает только тот, у кого нет власти.

В те годы я каждый вечер в главном выпуске новостей телекомпании «ТВ Центр» выступал с комментарием к главному событию дня. Телесуфлером я никогда не пользовался, но текст писал и клал на стол перед собой — на всякий случай… Вот как я тогда оценивал новое назначение:

«Замену Сергея Степашина Владимиром Путиным не сравнишь с обвалом рубля в 1998 году, но предсказания все же сбылись: и нынешний август не обошелся без потрясений. Разница между прошлогодними событиями и нынешними состоит в том, что смена кабинета министров больше не влечет за собой радикальные перемены в экономической политике.

Путин возглавил правительство в благоприятных условиях роста цен на нефть, стабильного рубля и некоторого оживления в экономике. Прошлогодняя девальвация валюты способствовала росту собственного производства.

Сергей Степашин возглавлял правительство немногим дольше Сергея Кириенко. Общество увидело в нем достойного, порядочного и интеллигентного человека. Но он, видимо, показался Кремлю излишне независимым.

Сам Путин напоминает недавнего главу президентской администрации генерала Николая Бордюжу. Такой же спокойный, надежный и симпатичный офицер. А Ельцин чем дальше, чем больше видит идеал руководителя в человеке, способном навести порядок. Но с тем же генералом Бордюжей Ельцин быстро расстался».

В последний период своего правления Борис Николаевич Ельцин упорно искал человека, который бы его устроил, и сильно нервничал. Вот и казалось, что пришел еще один калиф на час. Сомнения одолевали и самых верных ельцинских сторонников.

Недавний руководитель президентского аппарата Анатолий Борисович Чубайс, по словам дочери первого президента Татьяны Борисовны Дьяченко, был уверен: «Путина Дума никогда не пропустит. После трех голосований — роспуск парламента. Коммунисты вместе с Лужковым и Примаковым на следующих выборах набирают твердое, может быть, и конституционное большинство. После этого страна катится к катастрофе, вплоть до гражданской войны».

А вот новый глава президентской администрации Александр Стальевич Волошин уверенно отстаивал ельцинский выбор: «Дума считает, что Путин слабый, никакой. Они его пропустят, потому что не воспринимают его серьезно. Сейчас парламент мало волнует, кто будет накануне выборов премьером. Они уже заняты своими декабрьскими выборами в парламент».

Александр Волошин, человек более изощренный, оказался точнее в прогнозах. Путин набрал всего 233 голоса при утверждении его кандидатуры в Государственной думе — меньше всех своих предшественников. Сидя в зале заседаний, депутаты снисходительно думали: ну, и этот ненадолго.

Сильно ошиблись!

Через два месяца Владимир Путин отмечал день рождения — в Белом доме. Отпустить его пораньше с работы, как положено в таких случаях, было некому, и он полностью отстоял трудовую вахту.

Уже тогда стало ясно, что Путин серьезно относится к себе, думает о своем месте в истории и подсчитал, что он двадцать девятый премьер-министр в истории России, поставив себя в один ряд с дореволюционными премьерами Петром Аркадьевичем Столыпиным и Сергеем Юльевичем Витте.

Виктору Степановичу Черномырдину услужливый аппарат устраивал по случаю его дня рождения пышную церемонию — с подарками, доставленными со всех концов необъятной страны, красиво оформленными адресами и цветами и с кучей людей в приемной, жаждущих лично обнять главу правительства и поклясться ему в вечной любви и верности.

Сменивший Черномырдина Кириенко отметил свой день рождения проводами американского вице-президента Альберта Гора, побывавшего в Москве, поездкой к Ельцину в Карелию, где президент отдыхал, и назначением Владимира Путина на пост директора Федеральной службы безопасности.

Примаков не терпел подарков от подчиненных, поэтому в день своего рождения просто уехал из Москвы во Владикавказ, где вел переговоры с тогдашним чеченским лидером Асланом Масхадовым, а также с главами Осетии и Ингушетии. А Степашин так недолго занимал пост премьер-министра, что не успел отпраздновать день рождения в Белом доме.

Лучшим подарком Путину был быстро растущий рейтинг и слова Анатолия Чубайса, который теперь уже высоко оценивал перспективы нового премьера и называл его «максимально реальным» кандидатом на пост президента.

Когда Путин возглавил правительство, закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не подозревали. Но в тот день, когда удивленная страна узнала, что появился новый глава правительства, и началась эпоха Путина.

Конечно же, в нашей стране взоры всегда прикованы к первому лицу.

Почему одни вожди остаются при должности до смерти, а другим это не удается? История свидетельствует: вождь сохраняет власть, пока в состоянии облагодетельствовать свое окружение — это сотрудники специальных служб, высокопоставленные военные, высшие чиновники. Главная их задача — держать страну под контролем, безжалостно подавлять любую оппозицию. И они готовы служить, когда их хорошо вознаграждают.

Поэтому успешные властители заботятся не о народе, а о своей команде, об аппарате, о подручных. Пока команда уверена в своих привилегиях, режим неприступен. Как только возникают сомнения, приказы перестают выполняться.

Каких властителей предают? Неумелых новичков. Новенькие еще не знают, кому раздавать должности, привилегии и материальные блага и чью лояльность нужно покупать в первую очередь… Поэтому, например, Дмитрий Анатольевич Медведев в бытность президентом утратил симпатии многих высших чиновников, когда в марте 2011 года запретил вице-премьерам и министрам входить в советы директоров государственных компаний, а за этот тяжкий труд неплохо платят — шестизначными суммами.

Еще большая опасность подстерегает стареющих и теряющих хватку властителей. Если вождь очевидно слабеет, болеет, теряет интерес к происходящему, окружение чувствует, что больше не может рассчитывать на высокие должности и завидные привилегии: из могилы он их точно не вознаградит за преданность.

Вот почему вождю так важно до последнего не показывать свою слабость. Когда создатель Советского государства Владимир

Ильич Ленин тяжело и неизлечимо заболел, его истинное состояние тщательно скрывали. В октябре 1923 года нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко, выступая в Одессе, весело рассказывал партийному активу о вожде, выздоравливающем не по дням, а по часам:

— Речь его настолько улучшилась, что он почти совершенно свободно говорит. Ильич шутит, интересуется общественными делами, чувствуя, что скоро будет принимать в них непосредственное участие. Ильич рвется к работе…

Жене вождя Надежде Константиновне Крупской показалось, что это уж слишком! Она возмутилась: «Ужасно безответственно сообщения печатаются в газетах и делаются товарищами о здоровье В.И. Мы просили ЦК постановить, чтобы так не было, так что теперь будут печататься только бюллетени». В дальнейшем сами разговоры о недугах вождей станут табу.

Стареющий Сталин после войны не мог примириться с тем, что силы ему изменяют и он все чаще болеет. Когда он себя плохо чувствовал, то никого к себе не допускал, даже самых близких соратников. Он не нуждался в чисто человеческом сочувствии. И не хотел, чтобы кто-то проведал о его недугах и видел больным, тем более лежащим в постели.

Анализы, которые у него брали, выписывались на имя дежурного офицера главного управления охраны Министерства госбезопасности. Сталинские недуги были государственной тайной. Все должны были считать, что вождь полон сил и работает.

Но иностранные корреспонденты писали, что Сталин стар, болен и, возможно, скоро покинет Кремль. Для Сталина эти статьи были невыносимы! Читая обзоры иностранной прессы, он выходил из себя и требовал, чтобы чекисты выяснили, от кого американцы получают эти сведения.

Леонид Ильич Брежнев поставил во главе ТАСС доверенного человека — Леонида Митрофановича Замятина. Объяснил ему главную задачу:

— ТАСС — это то, что дает нам информацию. Я хочу, что ты отбирал информацию, чтобы я первым узнавал, что происходит.

Генеральный секретарь хотел, чтобы главный источник сведений о положении в стране и мире перешел в руки преданного ему человека. В том числе и для того, чтобы контролировать информацию, поступавшую членам политбюро. Среди служебных вестников ТАСС была самая секретная серия — ОЗП (обзор зарубежной печати), распространявшаяся только среди высшего руководства. В ней помещались все «антисоветские» сообщения, в том числе приводились

нелицеприятные оценки, которые за рубежом давали советским лидерам.

Замятин бдительно следил за тем, чтобы ничего плохого лично о Брежневе на страницы ОЗП не попадало. И члены политбюро не знали, что западная пресса пишет о состоянии здоровья Леонида Ильича. Чем хуже он себя чувствовал, чем очевиднее были признаки его дряхления, тем важнее было скрывать все это не только от народа, но и от товарищей по партии.

Летом 1979 года Брежнев и президент США Джимми Картер встретились в Вене, чтобы подписать важнейшее соглашение об ограничении стратегических вооружений. Видно было, что Леонид Ильич в неважном состоянии. На первой же пресс-конференции корреспондент английского телевидения спросил Замятина, каково состояние здоровья Брежнева.

Замятин не скрывал своего недовольства:

— Поставленный вопрос не имеет отношения к делу. Он не имеет никакого отношения к предмету нашей пресс-конференции. Тем не менее я отвечу. Наш президент Леонид Брежнев выполняет огромный объем государственной и партийной работы в нашей стране. Здесь, в Вене у вас появится возможность наблюдать за его работой, а эта работа, естественно, требует отменного здоровья. И на свое здоровье он не жалуется. Появляющиеся в вашей прессе сообщения на этот счет — всего лишь домыслы.

И тут поднялся специальный корреспондент «Известий» находчивый Мэлор Георгиевич Стуруа и в порядке взаимности поинтересовался у пресс-секретаря американского президента:

— Расскажите нам, каково политическое здоровье господина Картера?

Вопрос тоже был с очевидным подтекстом: Джимми Картер утратил поддержку американского общества и на следующий год проиграет выборы Рональду Рейгану.

— Без особых перемен, — буркнул пресс-секретарь американского президента.

К Мэлору Стуруа подходили потом высшие советские чиновники, уважительно трясли руку и благодарили за то, как ловко он дал отпор американцам.

Смена эпох в этом смысле ничего не изменила.

Проблемы с сердцем в 1995 году несколько раз укладывали Ельцина в постель. Кремль пустился во все тяжкие для того, чтобы скрыть детали его болезни. О том, что ему необходимо аорто-коронарное шунтирование — серьезная и тяжелая операция на сердце, — я прочитал не в российской, а в американской

прессе. Официально было объявлено, что Борис Николаевич страдает от стенокардии, или, точнее говоря, от ишемической болезни сердца. Предполагали, что у президента России был инфаркт, а может быть, и два. Потом оказалось, что их было больше…

Перед вторым туром президентских выборов, в ночь с 25 на 26 июня 1996 года, у Ельцина вновь развился тяжелейший инфаркт. Борис Николаевич в прямом смысле не мог встать с постели. Когда президент пропал с телеэкранов, страна забеспокоилась. Тогда организовали специальную съемку.

Для комнаты, где под неусыпным присмотром врачей лежал Ельцин, изготовили деревянные панели — такие же, как в его кремлевском кабинете. Президента посадили в постели, подложив под него подушки, надели на него рубашку, галстук, пиджак. Вокруг стола расселись только свои, те, кто знал истинное положение дел… Эту картинку показали по телевидению.

Уроки извлечены. Владимир Владимирович Путин уделяет необычно большое внимание своему здоровью и внешнему виду, чем заметно отличается от предшественников. В советской традиции — скорее нарочитое пренебрежение и тем и другим. Путин поразил публику — отечественную и зарубежную — готовностью позировать, что называется, без галстука. Прежде политики не рисковали представать перед фотообъективами неодетыми.

Лишнего себе он не позволяет. Журналисты из президентского пула описали приготовленный для него поварами Особой кухни (подразделение службы охраны) завтрак: творог с медом, перепелиные яйца, коктейль из свеклы с хреном.

Руководитель медицинского центра управления делами президента рассказывал журналистам, что Путин предпочитает собственный комплекс гимнастических упражнений, плавает в бассейне, любит ездить верхом. И главное — умеет расслабляться, сбрасывать напряжение, может отключиться и подремать, использует любую свободную минуту для отдыха.

В распоряжении президента все достижения современной медицинской науки. И он явно уважительно относится к ее возможностям, не пренебрегает услугами здравоохранения, не считает зряшной тратой времени необходимую терапию или иную помощь лучших в стране врачей. Усилиями — собственными и медицины — Владимир Владимирович выглядит все лучше и лучше, что создает надежную основу для его политического долголетия.

И другой урок тоже усвоен. Необходимо окружать себя теми,

кто готов преданно служить (и привык язык держать за зубами), потому что отчетливо сознает: при новом хозяине лишится всего.

От Горбачева уходили, хлопнув дверью, с оскорблениями и проклятиями в адрес Михаила Сергеевича. Ельцинская команда постоянно менялась. Покинувшие Кремль, не стесняясь, открывали самые интимные детали жизни хозяина. Некоторые потом возвращались, и Борис Николаевич на них зла не таил, принимал и ставил на заметные посты.

От Владимира Владимировича не уходят… Несколько человек, с которыми он сам расстался, крайне осторожны в высказываниях. Даже оказавшись в оппозиции и критикуя политические решения Путина, воздерживаются от личных оценок и рассказов о президенте, не предают гласности то, чему были свидетелями в коридорах власти.

«Человек — это стиль» — говорят французы. Продолжая эту мысль, можно сказать, что политик — это его команда.

С приходом нового вождя столоначальников меняют в массовом порядке, потому что сразу же выстраивается очередь за должностями из числа старых знакомых и друзей. Иногда чистка аппарата маскируется под идеологическую, но, как правило, это просто замена чужих начальников на своих ребят.

Аппарат, номенклатура, кланы, правящий класс незаслуженно остаются в тени, потому что все внимание достается первому человеку. Но в нашей стране — во всяком случае, в последнее столетие — аппарат всевластен. Однако же мы мало знаем наш истеблишмент! Лишь иногда приоткроется занавеска и общество видит мир, который разительно отличается от жизни обычных людей. И тут уж речь не о привычных привилегиях правящей элиты. Помню, как жена одного из руководителей комсомола, пылко призывавшего молодежь ехать в дальние и необжитые края на стройки коммунизма, жаловалась, что временно осталась без прислуги и это невыносимо.

Но жизнь прежней элиты несравнима с нынешней, и не только потому, что научно-технический прогресс открывает новые возможности. То в объектив фотокамеры попадут диковинные часы чиновника высшего ранга, чья стоимость сравнима с бюджетом здравоохранения целого города. Но когда к чиновнику подступают с вопросами, неужто на казенную зарплату купил, он искренне обижается: а какие часы он должен носить? Ведь все, кто вокруг него, носят такие же или много лучше и дороже!

То появятся кадры пышной вечеринки на огромной яхте, арендовать которую не хватит заплаты и самому президенту. И опять очевидное удивление в ответ на вопросы: а где же отметить радостное событие, как не на яхте? Все так делают!

То выясняется, что один из руководителей правительства летает только на частных самолетах. Лайнеры государственной авиакомпании, предназначенные для первых лиц, недостаточно для него хороши…

Знатоки углубились в юридические и экономические тонкости: действительно ли первый заместитель главы правительства Игорь Иванович Шувалов использовал ведомую только чиновникам его уровня информацию (инсайдерскую, как говорят профессионалы), чтобы его жена Ольга Викторовна, невероятно успешная в банковских делах, заработала не то пятьдесят, не то семьдесят миллионов долларов? Сам Игорь Шувалов объяснил, что все было сделано по закону. И претензий ему никто не предъявил.

Так ведь это вопрос для профессионалов. Поражает-то сама сумма заработка от одной удачной бизнес-операции! Десятки миллионов долларов — умопомрачительная сумма для основного населения России, живущего до невозможности скудно.

При этом просто денег недостаточно. Истеблишмент по-прежнему жаден до привилегий. Надо понимать, что с борта океанской яхты или частного самолета жизнь видится иначе. И это обстоятельство многое объясняет.

Разумеется, аппарат вовсе не монолитен, а состоит из различных кланов. Разделяют их, впрочем, не политические противоречия, а ведомственные. Ведомственный, а то и личный интерес обыкновенно берет верх над государственным.

Глава первая. Кому же еще доверять?

Люди, добравшиеся до вершины власти, кажутся нам особенными. В определенной степени это так и есть. Многие видные фигуры в мире политики или бизнеса совершили непоправимые для себя ошибки, не потрудившись понять, кто стал хозяином сначала Белого дома, а затем и Кремля.

А ведь поначалу Владимир Путин говорил о себе достаточно откровенно. Ему, может быть, даже хотелось высказаться. Ведь вокруг него собрались люди, которым он был так интересен.

Некоторые убеждения, которые явно определяют его политические методы, у Путина сложились в юные годы. Он рассказывал:

— Я понял, что в любом случае — прав я или нет — надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить… Всегда надо быть готовым мгновенно ответить на причиненную обиду. Мгновенно!.. Если хочешь победить, то в любой драке нужно идти до конца и биться, как в последнем и самом решающем бою… В принципе, это известное правило, которому меня позднее учили в комитете госбезопасности, но усвоено оно было значительно раньше — в детских потасовках… Не надо никого пугать. Пистолет необходимо вынимать только тогда, когда вы приняли решение стрелять.

Вот об этом качестве чаще всего и вспоминают одноклассники и соседи Путина: «О последствиях драки он не размышлял: сразу бил в морду, и все». И дрался до последнего, поэтому чаще всего побеждал, и его старались не задевать.

Юному Путину хотелось быть лидером.

— Желание не уступать крепким ребятам ни в чем у меня существовало… Я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было.

Это, выходит, всегда имело значение: положение, репутация, мнение окружающих…

В седьмом классе к ним перевели второгодника, который не вписался в коллектив, всем грубил, в том числе ребятам.

«Вдруг вижу, — вспоминала классная руководительница, — Путин стоит чуть в стороне, а ребята все кольцом вокруг второгодника, который лежит, не может подняться. Вызывали «скорую» — у него оказался перелом ноги».

На следующий день классная руководительница строго

спросила Путина:

— Зачем сломал ему ногу?

— Не ломал и не собирался этого делать, я его просто поднял и бросил. Не знал, что он такой хиляк.

Учительница стала объяснять, что если кто-то не прав, то надо не силу применять, а поговорить, объяснить.

— Понимаете, Вера Дмитриевна, — убежденно ответил Путин, — есть люди, которые никаких слов не понимают или не хотят понимать. Они понимают только силу.

Будущему президенту было четырнадцать лет.

Сначала решил стать боксером, потом перешел на самбо. И наконец, взялся за дзюдо. Его приняли в спортивную секцию одного из заводов. Ему повезло с тренером. Анатолий Соломонович Рахлин, блокадник, бывший военный моряк, не только разглядел в мальчике спортивные таланты, но и приходил к его родителям и терпеливо объяснял, как полезно их сыну заниматься спортом.

Отец хотел, чтобы сын занимался музыкой, купил ему баян, под настроение просил сыграть «Амурские волны». Но к музыке у мальчика душа не лежала. Матери спортивные увлечения сына тоже не нравились — и не без оснований. В марте 1972 года на первенстве высших учебных заведений Ленинграда, которое проходило в спортивном зале сельскохозяйственного института в Пушкине, случилась трагедия.

Путин приехал туда вместе с ближайшим другом и однокурсником Владимиром Черемушкиным, который еще не был готов к таким соревнованиям, но ему тоже хотелось выйти на ковер. Первая же схватка с незнакомым соперником оказалась для него последней. Он не встал. Вызвали врачей, они констатировали перелом шейного позвонка. Владимира Черемушкина парализовало. Он прожил еще одиннадцать дней.

Путин сильно переживал эту трагедию, плакал на могиле. Винил себя в смерти друга. Хотя в реальности это была вина тренера, который выпустил на ковер неподготовленного борца. Владимир Путин навещал его родителей чуть не каждый день, пока не уехал на работу в ГДР.

Путин спорт не бросил, тренировался каждую свободную минуту. Успехи в спорте помогли обрести уверенность в себе. Он стал мастером спорта по самбо и дзюдо, в 1976 году выиграл чемпионат города. В его комнате висел портрет знаменитейшего самбиста — чемпиона мира и многократного чемпиона СССР Давида Львовича Рудмана. Познакомится со своим кумиром Владимир Путин, уже когда станет президентом — на турнире по самбо в Москве, — и пригласит к себе в ложу, чтобы поговорить…

Уже взрослым человеком Путин несколько раз сталкивался на улице со шпаной. Заступался за друзей. Драки не боялся. Однажды даже сломал при этом руку. Одна из его знакомых той поры вспоминала, как они гуляли поздно вечером по городу:

«Вдруг — огромный пьяный человек, бежит прямо на меня и ругается. Я похолодела — куда деваться? Володя делает одно какое-то движение — и эта туша падает передо мной на колени… Володя на прощание смешно ему так пальцем грозит: «Не шали!» Он, кстати, никогда не ругался. Не слышала, чтобы он кому-нибудь грубил».

Его считали перспективным спортсменом. Наверное, он бы добился большего. Но интерес к спорту угас. Возможно, исчезла потребность утверждать себя с помощью физической силы. Служебное удостоверение сотрудника КГБ открывало куда большие перспективы, чем значок мастера спорта.

Вместе с Путиным самбо и дзюдо занимались братья Аркадий и Борис Ротенберги. Братья окончили Ленинградский институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта, работали тренерами. После перестройки свойственные профессиональным спортсменам сила, воля, решительность, а также хорошие друзья помогли им, и ныне братья Ротенберг входят в число крупнейших бизнесменов России.

Спорт в этой семье любят по-прежнему. Борис Романович Ротенберг, мастер спорта по самбо и дзюдо, вместе с Аркадием Борисовичем руководят клубом дзюдоистов, почетным президентом которого является Путин. Сын одного из братьев — Борис Борисович Ротенберг — играл за футбольный клуб «Зенит», в 2011 году перешел в московское «Динамо».

Надежные друзья, те, кому можно верить, — важнейшая в жизни ценность.

Принцип кадровых дел: высшие посты тем, кого знаешь и кому доверяешь. Заметно, что Владимир Владимирович нуждается в комфортном окружении. Рядом должны быть знакомые лица. Сразу стало ясно, что Путин требует беспрекословного исполнения своих приказов и что в его команде ценится полная преданность первому человеку.

Ощутимо присутствие на руководящих должностях работников спецслужб, чекистов. Путин не раз говорил, что полагается на своих недавних коллег по ведомству госбезопасности. А они верят в то, что твердое управление, жесткий контроль, неукоснительное исполнение приказов — залог успеха.

Открылись пути для чиновников, прежде казавшихся серыми, невыразительными, незаметными. Они преобразились, не узнать.

Обрели власть, которой у аппарата давно не было. Один из руководителей «Единой России» в своем кругу уверенно сказал:

— Мы — политработники.

Они ощутили себя комиссарами, призванными навести в стране порядок. Но не забывая и о себе. Сравнительно молодые, современные, они хотят наслаждаться той жизнью, о которой, поездив за границу, хорошо осведомлены. Желание поставить повсюду своих людей продиктовано желанием самим получить в руки управление финансовыми потоками, самим распоряжаться богатой государственной собственностью.

Друзья — хорошо, а родная кровь — еще лучше. О родных надо заботиться, потому что родственник, как правило, на твоей стороне. Кому же еще доверять, как не родным людям? Это давняя традиция, заведенная еще Лениным. Ничто не рождается на пустом месте. Нынешние вожди учитывают богатый опыт своих предшественников.

В первом советском правительстве важнейший для нашей необъятной страны пост наркома по железнодорожным делам (путей сообщения) оставался вакантным до 20 ноября 1917 года, когда его занял Марк Тимофеевич Елизаров, женатый на старшей сестре Ленина Анне Ильиничне. Владимир Ильич его и сделал министром. Но поставленная перед ним задача казалась невыполнимой: взять под контроль дороги в ситуации, когда Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профессионального союза (Викжель) выступил против большевиков. В январе 1918 года Марк Тимофеевич попросился в отставку, принял более скромную должность главного комиссара по делам страхования. В марте 1919 года умер от сыпного тифа.

Младшего брата Ленина Дмитрия Ильича Ульянова в 1914 году мобилизовали в армию и отправили военным врачом в Крым — старшим ординатором Севастопольского крепостного временного госпиталя № 2. После революции положение скромного крымского врача переменилось. 5 мая 1919 года в Симферополе провозгласили создание Крымской Социалистической Советской Республики и образовали Советское Временное Рабоче-Крестьянское правительство. Наркомом здравоохранения и одновременно заместителем председателя Совнаркома назначили Дмитрия Ульянова.

А вот для того, чтобы порадовать министерским портфелем брежневского свояка Константина Никитовича Беляка, осенью 1973 года образовали новое Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства. Беляк получил ленинскую премию и «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. Отзывались о министре плохо: пустой, амбициозный и

хамоватый. Но Беляк был женат на сестре Виктории Петровны Брежневой.

Едва Константин Устинович Черненко стал генеральным секретарем, его родного брата Александра утвердили членом коллегии Министерства внутренних дел. А брежневского зятя, Юрия Михайловича Чурбанова, напротив, лишили высокой должности первого заместителя министра. Его-то тесть уже ушел в мир иной.

Старшая дочь Ельцина, Елена Борисовна, вышла замуж за Валерия Михайловича Окулова, штурмана Свердловского авиаотряда. Когда Ельцин получил назначение в ЦК КПСС, Окулова тоже перевели в Москву, он стал летать на международных рейсах. Летом 1996 года прямо с должности штурмана стал первым заместителем генерального директора «Аэрофлота». Через несколько месяцев генерального директора маршала Евгения Ивановича Шапошникова Ельцин перевел в свои помощники и очистил зятю место руководителя «Аэрофлота».

В наше время высокие должности передаются и по наследству.

Президента Чечни Ахмада Кадырова, бывшего муфтия, который в первую чеченскую войну именем Аллаха вдохновлял сепаратистов, но потом перешел на сторону федеральных сил, убили 9 мая 2004 года, во время празднования годовщины Победы. Взорвали на стадионе в Грозном, когда он принимал военный парад. Наличие мощных служб безопасности (федеральных и собственных) его не спасло.

Ахмад Кадыров стал жертвой умело подготовленного теракта, что еще раз подтвердило: в определенном смысле террористы всегда обладают преимуществом первого удара, в их руках инициатива, они выбирают время и место преступления.

Республику возглавил его сын Рамзан Кадыров, которому Путин присвоил звание Героя России. Этот выбор президент явно считает крайне удачным.

Глава вторая. Жены. Надежда Крупская и далее

Сразу же после того, как в октябре 1917 года большевики взяли власть, Ленин задумался над тем, какой пост получит в первом советском правительстве его жена. Поскольку Крупская по образованию учительница, то записал для себя: «Надежда Константиновна — товарищ министра при Луначарском». Анатолий Васильевич Луначарский был включен в состав первого советского правительства народным комиссаром просвещения.

Деликатный вопрос. Как должна вести себя жена советского вождя? Опыта не было. В старой России жены политиков не работали. Да и в других европейских государствах сто лет назад первые леди старательно держались подальше от политики. Знали, что это навлечет на них критику и ухудшит позиции их мужей. В ту пору исходили из того, что роль первой леди — создать мужу комфортные условия. Но для Ленина значительно важнее было видеть на всех видных постах тех, кого он знал и кому доверял.

Крупская против Сталина

Благодаря Крупской Наркомат просвещения обрел власть, которой это ведомство никогда не имело. Надежда Константиновна возглавила собственную империю, в дела которой никто не смел влезать. Эта империя родилась из подведомственного ей внешкольного отдела наркомата. 12 ноября 1920 года правительство (то есть Ленин) утвердило декрет «О Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвет)». Возглавила пропагандистский главк Крупская, намеренная создать орган идейного влияния диктатуры пролетариата на массы, коммунистического воспитания трудящихся.

Она старалась превратить свое ведомство в мощный пропагандистский аппарат. В Главполитпросвете работало две тысячи человек. Главк, по существу, конкурировал с партийным аппаратом. X съезд в 1921 году разделил сферы влияния. Агитационно-пропагандистским отделам партаппарата поручили сосредоточиться на партийной массе, Главполитпросвету оставили беспартийных, то есть всю страну.

Съезд наделил ведомство Крупской очень широкими полномочиями. Образовали военную секцию, то есть в ее аппарат включили смежников — армейских политработников. Ей передали систему учебы партийных кадров.

Крупская бдительно охраняла свою сферу влияния от конкурентов. Она считала, что отдел агитации и пропаганды ЦК партии слишком разросся и вышел за пределы своих полномочий. 24 ноября 1921 года Надежда Константиновна обратилась в ЦК. Ленин как вождь партии ознакомился с ее письмом. Свои замечания переправил Сталину, который по распределению обязанностей в политбюро курировал отдел агитации и пропаганды ЦК. Полагал, что Иосиф Виссарионович, как и другие его помощники, привычно примет его пожелания к сведению и исполнению.

Но Сталин столь же бдительно охранял ведомственную территорию и не терпел покушений на свои полномочия. Знал, что в аппаратных делах нельзя уступать — даже жене вождя. Он отозвался на послание Крупской с нескрываемым раздражением:

«Т. Ленин!

Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием.

Неверно, что «партия в лице агитотдела создает орган в 185 человек». По штатам, мною проверенным и подлежащим

утверждению Оргбюро, должны быть не 185, а 106 человек, из них нацмен 58 человек… Крики о «разрушении» Главполитпросвета — сущие пустяки…

Корень недоразумения в том, что т. Крупская (и Луначарский) читали «положение» (проект), принятый в основном комиссией Оргбюро, но мной еще не просмотренный и Оргбюро не утвержденный, он будет утвержден в понедельник. Она опять поторопилась.

Сегодняшнюю записку вашу на мое имя, в Политбюро, я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из агитпропа. Вы помните, что работу в агитпропе мне навязали, я сам не стремился к ней. Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если вы ставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя, и меня.

Троцкий и другие подумают, что вы делаете это «из-за Крупской», что вы требуете «жертву», что я согласен быть «жертвой» и пр., что нежелательно».

В этом письме — характерные для Сталина методы полемики: во-первых, оппонент (Крупская) в принципе не прав, во-вторых, я к этому не имею отношения (не утвердил проект), работы этой (руководство отделом) я не хотел, но с нее не уйду… И мгновенно вырвавшаяся ненависть к Троцкому, который вообще не имел к этой истории никакого отношения.

Сталин откровенно шантажировал Ленина: будете настаивать, в партии решат, что вы убираете меня из-за жалобы жены.

Никто не решался назвать Владимира Ильича подкаблучником, который пляшет под дудку своей жены. Но, возможно, не одного Сталина раздражала активная роль Крупской, то, что Ленин подчеркнуто интересуется ее мнением, то, что она слишком самостоятельна. Некоторые чиновники были уверены, что жена вождя слишком вмешивается в политические дела, влияет на мужа, а иногда играет ключевую роль в решении кадровых вопросов.

Все остались при своем. Сталин твердой рукой управлял аппаратом ЦК, который рассматривал как свою монополию. Надежда Константиновна руководила Главполитпросветом. А после смерти Ленина Сталин расквитался со вдовой вождя и обкорнал полномочия главка. Главполитпросвет преобразовали в скромный сектор массовой работы Наркомата просвещения. Его структуры на местах раздали разным ведомствам.

— Рассыпался горох по тысяче дорог, — огорченно констатировала Крупская.

Подруги вождей

После революции жены других советских вождей тоже вовлеклись в практическую политику. Вакантных должностей оказалось много, а проверенных большевиков значительно меньше, поэтому посты нашлись для всех.

Жена члена политбюро, хозяина Петрограда и всего Северо-Западного края Григория Евсеевича Зиновьева, Злата Лилина, стала народным комиссаром социального обеспечения Северной Коммуны. Маленькая, с коротко остриженными волосами, живыми и строгими серыми глазами, не знающая усталости — такой ее увидели иностранные поклонники Октября. Приехавших в Петроград из-за границы коммунистов спрашивала:

— Вы привезли семьи? Я могу поселить вас во дворце, знаю, что иногда это доставляет удовольствие, но будуары там не отапливаются. Домашних лучше отправить в Москву, наш город на осадном положении. Могут начаться голодные бунты. От тифа столько покойников, что не успевают хоронить. Но мы работаем и будем работать до последнего часа. Если хотите помогать — дел хватит!

После Гражданской войны Злата Лилина заведовала в Петрограде губернским отделом народного образования.

Вторым человеком в стране был Яков Михайлович Свердлов, секретарь ЦК партии большевиков и председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это и был высший орган власти в Советской России — ведь вся власть перешла к Советам. То есть Свердлов одновременно управлял и партийным, и государственным аппаратом. Он был очень молодым. В 1917 году ему исполнилось тридцать два года. Волевой и — большая редкость для революционеров — умелый организатор. Такие люди были на вес золота.

30 августа 1918 года в Ленина стреляли. Он был тяжело ранен. Думали, что он не переживет ночь. В ленинскую квартиру пришел Свердлов, вспоминала Надежда Константиновна Крупская, «с серьезным и решительным видом». К нему бросились растерянные и напуганные соратники:

— Как же теперь будет? Свердлов уверенно ответил:

— У нас с Ильичом все сговорено.

Пока Ленин лежал, власть полностью перешла к Свердлову. Яков Михайлович руководил заседаниями ЦК и правительства. Каждый день приходил в кабинет Ленина и там проводил совещания. Никто, кроме Якова Михайловича, ни тогда ни после

не смел занимать ленинское кресло. Ленин на диво быстро оправился. Но характерно, что в его отсутствие страной управлял именно Свердлов.

О нем глава профсоюзов Михаил Павлович Томский на партийной конференции почтительно заметил:

— Он смело мог сказать, что ЦК — это я.

О влиянии Свердлова говорит такой эпизод. Руководитель саратовских коммунистов Владимир Павлович Антонов, войдя в кремлевский кабинет Свердлова, снял шапку, бросил ее на пол и произнес:

— Саратовский мурза челом бьет великому князю Московскому!

Свердлова послали на Украину — навести порядок среди украинских большевиков, там царил раздрай. Но поездка в Харьков стала для него роковой. Он подхватил инфекцию и скоропостижно скончался в марте 1919 года. Если бы он не умер, то стал бы наследником Ленина. Он бы точно не пустил к власти Сталина, которого не высоко ставил. Был бы он хуже Сталина? Трудно себе представить, что могло быть хуже…

Его вторая жена Клавдия Тимофеевна Новгородцева, пока муж был жив, работала вместе с ним в аппарате ЦК партии, заведовала общим отделом. После его смерти из аппарата ее убрали.

Сын Свердлова — Андрей Яковлевич, женатый на дочери видного деятеля революции Николая Ивановича Подвойского, служил на Лубянке. Получил погоны полковника госбезопасности. Но его несколько раз самого арестовывали. Дважды в годы Большого террора, но быстро выпускали. А в последний раз — в 1951 году, когда вычищали евреев из аппарата госбезопасности. Отпустили после смерти Сталина и даже вернули на Лубянку, но потом демобилизовали и подыскали ему работу в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Племянник Свердлова Леопольд Леонидович Авербах в шестнадцать лет стал членом партии, в девятнадцать — редактором журнала «Молодая гвардия», в тридцать три — руководителем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), образованной в январе 1925 года. Это была крайне агрессивная организация, которая считала, что главное для литературы — переводить стоявшие перед советской властью задачи «с политического языка партийных документов на художественный язык образов». В ассоциацию входили писатели-коммунисты, поставившие перо на службу партии.

В период Большого террора Леопольда Авербаха отправили секретарем Орджоникидзевского райкома партии в Свердловск.

4 апреля 1937 года его арестовали, 14 июня приговорили к высшей мере наказания в особом порядке, то есть без суда…

Племянница Свердлова — Ида Авербах вышла замуж за Генриха Григорьевича Ягоду, который был троюродным братом Якова Михайловича. В 1915 году Генриха Ягоду призвали в царскую армию. Ефрейтор Ягода служил в 20-м стрелковом полку, был ранен на фронте. Активно участвовал в октябрьском вооруженном восстании. На Лубянке Ягода стал правой рукой Дзержинского, который его отличал и отмечал. В 1934 году Сталин сделал Ягоду наркомом внутренних дел. А в 1936-м, проводя очередную чистку чекистского аппарата, убрал его из госбезопасности и приказал расстрелять.

Жену недавнего наркома, Иду Авербах, арестовали и приговорили к пяти годам. А через год, уже в лагере, расстреляли. Она была юристом и написала книгу на модную в те годы тему «От преступления к труду» — о роли трудовых лагерей.

Жена создателя Красной армии — председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам Льва Давидовича Троцкого, Наталья Ивановна Седова, с лета 1918 года заведовала музейным отделом Наркомата просвещения. Она была надежной спутницей Льва Давидовича и вместе с ним покинула Советскую Россию.

Почти всю семью Троцкого по приказу Сталина убили. Это был сталинский принцип — за врага отвечают все его родные.

Его первая жена Александра Львовна Соколовская, которая жила в Ленинграде с внуком, была выслана в Сибирь.

Младший сын Троцкого инженер Сергей Седов (оба сына носили фамилию матери, не хотели незаслуженно пользоваться славой отца) интересовался не политикой, а наукой. Сергей Седов отказался уехать с отцом, остался в Советской России. Жил скромно, преподавал в Высшем техническом училище в Москве, подчеркнуто не участвовал в разговорах на политические темы, наивно полагая, что к нему у власти претензий быть не может. Сергея Седова расстреляли. Это была личная месть вождя.

Расстреляли также обоих зятьев Троцкого. Одна его дочь умерла от чахотки в 1927 году в Москве, вторая — в 1933 году в Берлине. Третья сидела с 1937 года в сибирских лагерях, но выжила. Только в 1961 году КГБ перестал за ней следить.

Бойцовский характер унаследовал от отца старший сын Троцкого — Лев Седов. Он последовал за родителями и стал верным помощником отца. Он жил в Париже, издавал «Бюллетень оппозиции» и пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки. Сына Троцкого чекисты собирались похитить и тайно — судном

или на самолете — доставить в Советский Союз. Но в начале 1938 года Льва Седова оперировали по поводу острого аппендицита. Операция прошла благополучно, однако через четыре дня его состояние внезапно ухудшилось, понадобилась повторная операция. Сын Троцкого умер в парижской клинике. Ему было всего тридцать два года.

Ольга Каменева, сестра Троцкого и первая жена члена политбюро Льва Борисовича Каменева, работала вместе с Крупской в Наркомате просвещения. В 1920 году театральный отдел наркомата расформировали. Ольга Каменева руководила Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. После опалы Каменева ее лишили должности. В решении политбюро от 30 апреля 1929 года записали: «О.Д. Каменеву снять с ВОКС без объяснения причин». Хотя с Львом Борисовичем она разошлась, ее все равно посадили вслед за ним, а осенью 1941 года расстреляли в Орловской тюрьме.

Уничтожили и вторую жену Льва Каменева — Татьяну Ивановну Глебову. А в 1938 году расстреляли двух детей бывшего заместителя Ленина в правительстве — Александра и Юрия Каменевых.

Ночной выстрел

Судьбы жен вождей складывались по-разному. О многих из них в стране практически ничего не было известно. О второй жене Сталина (первая рано умерла) узнали, когда она покончила с собой.

В ту ночь в Кремле прозвучал одинокий выстрел — из дамского пистолета «вальтер», привезенного Надежде Сергеевне Аллилуевой в подарок братом Павлом, работавшим в торгпредстве в Германии. Все спали. В те времена руководители партии и государства квартировали в Кремле. Семья генерального секретаря располагалась в Потешном корпусе. Выстрела за толстыми кремлевскими стенами никто не услышал. Смерть наступила сразу.

В тот день Сталин и Аллилуева побывали в Большом театре. Надежде вроде бы показалось, что муж уделяет слишком много внимания одной из балерин. Увлечение балеринами было модным в советском руководстве. Потом члены политбюро и высшие командиры Красной армии отправились ужинать к наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Все пришли с женами. Вечеринка затянулась, веселились до упаду, крепко выпили. Сталин находился в превосходном настроении, чему способствовало не только привезенное с Кавказа красное вино, но и приятное общество. Потом уверяли, что Сталин еще и заинтересовался женой одного из военачальников. Это не прошло незамеченным для окружающих, прежде всего для Надежды Аллилуевой.

Обычно скупая в эмоциях и даже несколько суховатая, Надежда Сергеевна не могла сдержать своих чувств. Разгоряченный вином и самой атмосферой удавшейся вечеринки, Сталин не придал значения ревности жены. Увидев, что она недовольна, Сталин бросил ей в тарелку корку от апельсина и в своей грубоватой манере обратился к ней:

— Эй, ты!

Надежда Аллилуева вспылила:

— Я тебе не «эй ты»!

Вскочила и вышла из комнаты. За ней последовала Полина Семеновна Жемчужина, жена Молотова. Они дружили. Долго вдвоем гуляли по осеннему Кремлю. При Сталине он был закрыт для посещения. Никто, кроме охраны, их не видел.

Жемчужина расскажет потом, что Надежда жаловалась на мужа. Она ревновала Сталина и считала, что у нее есть для этого основания. Дочери Сталина — Светлане — Полина Семеновна

говорила:

— Твой отец был груб, ей было с ним трудно — это все знали. Но ведь они прожили уже немало лет вместе, были дети, дом, семья, Надю все так любили… Кто бы мог подумать! Конечно, это не был идеальный брак, но бывает ли он вообще?

Аллилуева вроде бы успокоилась и пошла домой. О том, что произошло позже, можно только догадываться. Сталин и Аллилуева спали в разных комнатах. Она — у себя. Он — в кабинете или в небольшой комнате с телефоном возле столовой. Там он и лег в ту ночь после банкета. Это значит, что в те роковые часы, часы отчаяния, тоски, сжигавшей ее ревности, Надежда Сергеевна оставалась одна.

Если бы Сталин, вернувшись, захотел объясниться или вообще посмотреть, что там с женой, она, возможно, осталась бы жива. Он вернулся от Ворошилова в прекрасном настроении и, надо полагать, не хотел его портить неприятными объяснениями с женой.

Утром Надежду пришла будить экономка и нашла ее мертвой.

«Известия» 10 ноября 1932 года сообщили о кончине «активного и преданного члена партии, слушательницы отделения искусственного волокна химического факультета Промышленной академии Надежды Сергеевны Аллилуевой».

Надежда Аллилуева родилась в Баку, выросла на Кавказе. Ее принимали иногда за грузинку. Хотя, по словам ее дочери, она скорее походила на болгарку или гречанку и в ней было что-то цыганское. Наивная и романтическая девушка когда-то всем сердцем влюбилась в «несгибаемого революционера», вернувшегося из Сибири, а потом в нем разочаровалась. Однако любить не перестала и ревновала, хотя не очень известно, давал ли Сталин для этого повод. Но скандалы вспыхивали часто.

Скромная, приветливая, сдержанная, она старалась ничем не показать, что она жена генерального секретаря. К мужу обращалась на «вы». Была очень требовательной к себе, строгой с собственными детьми — Светланой и Василием и ласковой с пасынком — Яковом (сыном Сталина от первой жены Екатерины Семеновны Сванидзе, умершей в 1907 году от туберкулеза или брюшного тифа, всего через два месяца после рождения сына).

Надежда Аллилуева была занята учебой, работой, партийными поручениями. Большая разница в возрасте, занятость мужа не способствовали хорошим отношениям в семье. Сталин не мог и не умел уделять внимание жене. После ее смерти сказал:

— Я был плохим мужем, мне некогда было водить ее в кино.

Но дело было не в этом. Сталин был резким, грубым и

невнимательным человеком. А Надежда, младший ребенок в семье, привыкла к заботе и ласкам. Этого в браке ей не хватало.

Говорят, что Надежда Аллилуева была больным человеком, страдала от депрессии, жаловалась на постоянные головные боли, приступы тоски и оказалась неудачным партнером для Сталина, который в свободное время жаждал развлечений в большой компании. Вроде бы тоска, снедавшая Надежду, подталкивала ее к мысли о самоубийстве. Она ездила в Германию лечиться. Советская элита доверяла немецким врачам. Она не давала воли своим чувствам, не жаловалась, не любила признаваться, что ей плохо, хотя от природы была впечатлительной и ранимой. В последние месяцы часто говорила, что «ей все надоело» и что она хочет уйти от мужа.

Его дочь Светлана Аллилуева писала, что в последние годы жизни Сталин вновь и вновь возвращался к этой трагедии, пытаясь понять, почему его жена застрелилась. Он искал виновного, думал, кто же мог внушить ей мысль о самоубийстве. Но он не понимал Надежду — ни тогда, когда она была с ним, ни тем более после ее смерти.

Светлана полагала, что если бы мать осталась жива, то ничего хорошего ее не ждало: «Рано или поздно она бы оказалась среди противников отца. Невозможно представить себе, чтобы она молчала, видя, как гибнут лучшие старые друзья… Она бы не пережила этого никогда».

Муж в Кремле, жена в лагере

В 1939 году в Свердловске в пересыльной тюрьме писательница Галина Иосифовна Серебрякова (ее посадили как «члена семьи врага народа») встретила много москвичек, осужденных как члены семьи изменника родины. Галина Серебрякова дважды была замужем — сначала за секретарем ЦК Леонидом Петровичем Серебряковым, затем за наркомом финансов Григорием Яковлевичем Сокольниковым. Обоих расстреляли.

— Вы знаете, кто вон там, в углу, сидит на мешке с вещами и пьет кипяток? Не узнаете? — спросила ее одна из давнишних знакомых.

Серебрякова внимательно посмотрела на высокую худую простоволосую женщину:

— Не знаю.

— Да что вы? Это же Екатерина Ивановна Калинина, жена Михаила Ивановича.

Серебрякова была поражена.

— Ну да, она самая. Муж — наш президент, а она осуждена как шпионка. Вот судьба… А ведь прожили они всю-то жизнь в согласии! Каково ему теперь?..

Серебряковой понравилась эта простая женщина, говорившая с легким приятным эстонским акцентом.

— Главное, не горюй, — внушала ей жена Калинина, — быть не может, чтобы нас скоро не выпустили, год потерпи, не больше. Убедили Сталина пробравшиеся в органы враги из иностранных разведок, что кругом измена, но он скоро разберется в этом. Партию не обманешь.

Екатерина Ивановна Калинина была арестована 25 октября 1938 года 2-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД по обвинению в антисоветской деятельности и связях с троцкистами и правыми.

Калинин — формально президент Советского Союза! — не посмел замолвить за жену словечко. Боялся, что и его самого посадят. Знал, что у чекистов заготовлены материалы о его мнимых связях с недавними членами политбюро Николаем Ивановичем Бухариным и Алексеем Ивановичем Рыковым, которых уже расстреляли. Сталин распорядился ознакомить Калинина с материалами следствия.

Что касается его жены, то в справке, которую Берия представил Сталину, говорилось:

«Калинина с 1929 года была организационно связана с

участниками антисоветской вредительской и террористической организации правых и содействовала им в их антисоветской деятельности.

Сблизившись с рядом враждебных ВКП(б) лиц, осужденных впоследствии за правотроцкистскую деятельность, Калинина предоставляла им свою квартиру для контрреволюционных сборищ, на которых обсуждались вопросы антисоветской деятельности организации, направленные против политики и руководства ВКП(б) и Советского правительства.

В предъявленных обвинениях Калинина Е.И. виновной себя признала.

Осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР 22 апреля 1939 года по статьям 17-58-6, 17-58-8 и 58–11 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет».

9 мая 1945 года, в День Победы, жене всесоюзного старосты позволили обратиться к Сталину:

«Я совершила тяжкую ошибку, усугубленную тем, что Вы своевременно мне на нее указывали, а я эти указания не учла. Такое несознательное отношение к своему положению и к окружающим людям повлекло за собой тяжкие поступки, за которые я несу суровое наказание.

Я полностью сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Эти проступки совершены мной не из сознательной враждебности, а из-за непонимания обстановки и некритического отношения к окружавшим меня людям. Уже несколько лет я нахожусь на полной инвалидности. Моя единственная надежда на Ваше великодушие: что Вы простите мне мои ошибки и проступки и дадите возможность провести остаток жизни у своих детей».

Сталин смилостивился над женой члена политбюро и председателя Президиума Верховного Совета СССР. Екатерина Ивановна к тому времени уже почти семь лет находилась в заключении. Сталин написал на письме: «т. Горкину. Нужно помиловать и немедля освободить, обеспечив помилованной проезд в Москву».

Александр Федорович Горкин был секретарем Президиума Верховного Совета СССР и оформлял все нужные решения. Президиум, рассмотрев «ходатайство о помиловании Калининой Екатерины Ивановны», постановил: «Помиловать, досрочно освободить от отбывания наказания и снять поражение в правах и судимость».

Внезапное милосердие вождя объяснялось тем, что дни смертельно больного Михаила Ивановича Калинина были сочтены. И держать его жену в лагере больше не имело смысла.

Но вместе они пожили недолго. 15 марта 1946 года Калинина освободили от должности, которую он занимал почти тридцать лет, но оставили членом Президиума Верховного Совета СССР, чтобы он не лишался всех жизненных благ. В июне Михаил Иванович скончался…

Самого Калинина вождь ни в грош не ставил. Но, отправив в лагерь его жену, Сталин преподнес всем урок: никто не застрахован от гнева вождя…

26 января 1949 года арестовали Полину Семеновну Жемчужину, жену Вячеслава Михайловича Молотова, которого считали вторым человеком в стране. Всем членам ЦК Министерство государственной безопасности разослало материалы из ее дела. Там было много гнусных подробностей, придуманных следователями с явным желанием выставить Молотова на посмешище. В материалах МГБ утверждалось, что Жемчужина, уже не юная дама и вовсе не легкомысленная по характеру, была неверна мужу, и даже назывались имена ее мнимых любовников…

Когда в 1953 году судили Берию и его подельников, следователи нашли людей, из которых выбивали показания на Полину Жемчужину. Одного арестованного, бывшего директора научно-исследовательского института, просто пытали. Арестованный выжил и в пятьдесят третьем году рассказал, что вытворяли следователи:

«Избивали по три-четыре раза в день и даже в выходные дни. Избивали резиновыми палками, били по половым органам. Я терял сознание. Прижигали меня горящими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали…

От меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гражданкой Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь и, кроме того, я импотент с рождения. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут…»

Когда на заседании политбюро Жемчужину исключали из партии, Молотов не посмел и слова сказать в защиту жены. И лишь при голосовании позволил себе воздержаться.

Исключение из партии было предвестием скорого ареста. Сталин сказал Молотову:

— Тебе нужно разойтись с женой.

Вернувшись домой, Вячеслав Михайлович пересказал жене

разговор с вождем. Жемчужина твердо сказала:

— Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся.

Характера ей тоже было не занимать. Она собрала вещи и переехала к родственнице — это был как бы развод с Молотовым.

Молотов всю жизнь страстно любил Полину Семеновну. Она была столь же пламенной коммунисткой, как и Молотов, а Сталина любила даже больше, чем мужа. Жена и дочь Светлана были единственными людьми, к которым Вячеслав Михайлович относился с нежностью. Через год после свадьбы, в 1922 году Молотов направил молодую жену лечиться в Чехословакию, потом сам ее навестил. Большевики быстро осваивали все приятные преимущества власти.

В начале тридцатых Сталин очень прислушивался к мнению Полины Семеновны. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика. Жемчужина сначала возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом 1936 года — главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности Наркомата пищевой промышленности. Через год она уже заместитель наркома пищевой промышленности. В январе 1939 года Сталин сделал ее наркомом рыбной промышленности, распорядился избрать кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета СССР. Ее наградили орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Но в тот же год отношение Сталина к Молотову резко изменилось. Вячеслав Михайлович получил неожиданное назначение в Наркомат иностранных дел, а у его жены возникли куда более серьезные неприятности. На нее завели дело в Наркомате внутренних дел по обвинению в связях с «врагами народа и шпионами». Хотя по этому обвинению следовало судить прежде всего самого Сталина — это он назначал на высокие должности тех, кого потом сам объявлял врагами…

Ветераны — Молотов, Микоян, Ворошилов — надоели Сталину. Он хотел видеть вокруг себя новых людей. Методично отстранял ветеранов от власти. Лишал ключевых должностей. Подрывал их авторитет.

Вячеслав Михайлович, пытаясь спастись, написал Сталину покаянное письмо: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным…»

Письмо Молотова — это предел человеческого унижения, до которого доводила человека система. Самые простые человеческие чувства, такие как любовь к жене и желание ее

защитить, рассматривались как тяжкое политическое преступление.

Полину Семеновну допрашивали на Лубянке. Каждый день Молотов проезжал мимо здания Министерства госбезопасности в черном лимузине с охраной. Но он ничего не мог сделать для своей жены. Не решался даже спросить о ее судьбе. Она, правда, была избавлена от побоев — ведь судьба Молотова еще не была окончательно решена.

У Сталина не было вечных друзей. У него был только вечный интерес — сохранение полной и единоличной власти. А друзья и соратники менялись. И он предпочитал держать их в страхе, в том числе арестовывая их жен, детей и других близких родственников.

Разные люди работали в секретариате Сталина. Одних он выдвинул на повышение, от других избавился. Только Поскребышева постоянно держал возле себя. Человек малообразованный (окончил фельдшерское училище), но исполнительный оказался идеальным помощником. Аппаратный склад ума помогал ему угадывать желания вождя, когда речь шла о внутриполитических интригах.

Должность Александра Николаевича называлась по-разному. В 1923–1924 годах он руководил управлением делами ЦК. С 1924 по 1929 год был помощником секретаря ЦК, затем его сделали сначала заместителем заведующего, а затем и заведующим секретным отделом ЦК (делопроизводство политбюро и личная канцелярия Сталина). В соответствии с новым уставом ВКП(б), который был принят на XVII съезде в 1934 году, секретный отдел ЦК переименовали в особый сектор. Поскребышев был поставлен заведовать этим сектором решением политбюро от 10 марта 1934 года.

Поскребышев рассказывал, как он руководил канцелярией: «Все документы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались мною и моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту его нахождения».

Хозяин одарил Поскребышева генеральскими погонами (хотя тот и дня не служил в армии), четырьмя орденами Ленина, сделал членом ЦК, депутатом Верховного Совета и даже председателем комиссии законодательных предположений Совета Союза. После XIX съезда (октябрь 1952 года) Поскребышев стал именовать себя секретарем президиума и бюро президиума ЦК. Его обслуживали автомобили из гаража особого назначения управления охраны МГБ, который обеспечивал машинами только руководителей партии и правительства. Постановлением

политбюро за сталинским помощником закрепили «кадиллак» и «паккард».

Но спасти собственную жену, Брониславу Металликову, врача-эндокринолога, он не смог. В 1939 году ее арестовали вслед за старшим братом — хирургом Михаилом Соломоновичем Металликовым, который руководил Лечебно-санитарным управлением Кремля, пока его не обвинили в том, что он вместе с другими «врачами-убийцами» будто бы приложил руку к умерщвлению Алексея Максимовича Горького, начальника ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского и члена политбюро Валериана Владимировича Куйбышева. В середине тридцатых годов Бронислава Металликова ездила в Париж и Берлин. Вспомнив эту поездку, ее обвинили в том, что за границей она встречалась со старшим сыном Троцкого — Львом Седовым.

Без матери остались две дочки (старшей было пять лет, младшей — год и три месяца). Жизнь помощника вождя была слишком хороша, чтобы рисковать ею даже ради матери своих детей, поэтому Поскребышев не посмел не только заступиться за свою жену, но и выразить сомнение в правоте Сталина, санкционировавшего ее арест. Продолжал преданно служить. Может быть, еще более рьяно — понимая, на какой тонкой ниточке висит муж врага народа.

Жену Поскребышева расстреляли в октябре 1941 года, когда немецкая армия стояла под Москвой. Сталинский помощник женился вновь…

Домашние хозяйки

Совсем молодым человеком в Юзовке Никита Сергеевич Хрущев женился на Ефросинье Ивановне Писаревой, красивой рыжеволосой женщине, дочери его старшего товарища. Она скоропостижно скончалась в 1919 году от тифа, оставив Никиту Сергеевича с двумя детьми — Юлией и Леонидом.

Закончив рабфак и вернувшись в Юзовку в 1922 году, Хрущев женился во второй раз на юной девушке. Брак оказался недолгим, Никита Сергеевич о второй жене вспоминать не любил, поэтому известно только ее имя — Маруся.

Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук, более образованная, чем ее муж, и столь же твердо верящая в коммунистические идеалы. Осенью 1922 года она приехала в Юзовку преподавать в окружной партшколе и познакомилась с Хрущевым.

Нина Петровна была спокойной женщиной с очень твердым характером. С советами к мужу не приставала, занималась домом и детьми. И она всегда была поддержкой мужу — особенно в те трудные для него времена, когда, отправленный в отставку, он оказался почти в полном одиночестве. По словам дочери, Хрущев ожидал худшего. На оставленной ему даче метался по дорожкам, предполагал, что его могут арестовать или сослать.

Томился от одиночества. Фотограф Петр Михайлович Кримерман вспоминал, как навестил Хрущева в Петрово-Дальнем. Ему пришлось преодолеть два пропускных пункта. Он показал Никите Сергеевичу фотографии, которые сделал Юрий Гагарин. Хрущев заинтересовался:

— Петр, а нельзя ли Гагарина пригласить ко мне? Очень хочу с ним увидеться.

Кримерман передал приглашение Гагарину, которого Хрущев послал в космос. Тот обрадовался — конечно, съезжу. Через какое-то время фотограф напомнил Юрию Алексеевичу, что тот согласился навестить Никиту Сергеевича. Первый космонавт потупился:

— К сожалению, не могу. Не время.

Слетать в космос оказалось проще, чем навестить опального вождя.

Его имя перестали упоминать. Словно и не было такого человека. Александр Трифонович Твардовский записал в дневнике: «Хрущев в больнице. Выйдет в коридор, все ныряют в палаты, чтобы не здороваться, — гнусь. Вот кому пришлось испить чашу. Сталин умер в присутствии своего величия и, если

бы мог знать, что было после него, был бы доволен: газеты, речи, Мавзолей. А этот живым увидел, как можно просто-напросто быть сброшенным с площадки истории — ни развенчания, ни доклада о культе личности Хрущева, ни даже упоминаний»…

Из всех жен российских властителей Виктории Петровне Брежневой не повезло больше других. Ей как-то вовсе не досталось добрых слов.

Во внешности Виктории Брежневой бдительные сограждане обнаруживали семитские черты и считали ее еврейкой. До крайности озабоченный этой темой академик-математик Игорь Ростиславович Шафаревич рассказал в интервью, как однажды пришел к Солженицыну. Александр Исаевич с пятимесячным сыном гулял во дворе. О чем же вы говорили, поинтересовался корреспондент.

— Честно? О национальности жены Брежнева, — признался академик Шафаревич. — Тогда в народе ходили упорные слухи, что ее девичья фамилия Гольдберг. Александр Исаевич считал, что она украинка.

Помешавшихся на евреях у нас немало. Викторию Петровну прямо спрашивали о ее происхождении. Она отвечала, что не еврейка. Объясняла, что имя Виктория ей дали потому, что рядом жило много поляков, среди соседских девочек это имя было распространено. Леонид Ильич ласково называл жену «Витей».

Другим она не нравилась внешне. Третьи находили ее замкнутой и холодной. Сходились только в одном: Леониду Ильичу она точно не пара.

Так считали, кажется, решительно все. Кроме самого Брежнева.

Совсем молодым человеком, в декабре 1928 года, перед отъездом на Урал Леонид Ильич Брежнев женился. Остановил свой выбор на Виктории Петровне Денисовой. Она была годом моложе. Ее отец, Петр Никифорович, работал машинистом на железной дороге. Мать, Анна Владимировна, сидела с детьми — у Виктории Петровны были еще четыре сестры и брат.

Познакомились на танцах. Причем Брежнев пригласил ее подружку, но та отказалась, а Виктория согласилась. Подружка отказала будущему главе государства, потому что он не умел танцевать. А Виктория его научила…

Виктория Денисова училась в Курском медицинском техникуме. После трехлетнего романа они с Леонидом Ильичом поженились и всю жизнь были вместе. Ее запомнили уже немолодой, располневшей и страдавшей различными недугами. А тогда Виктория Петровна была юной и симпатичной.

Виктория Петровна получила диплом акушерки. Но не

работала. Занималась мужем и домом, а потом и детьми. На Урале у них родилась дочь Галина. Сын Юрий появился на свет в 1933 году, когда они вернулись на Украину.

Жизненные успехи мужа всегда были для нее на первом месте. Но она никогда не подталкивала Леонида Ильича, не давила на него, не требовала от него делать карьеру и зарабатывать деньги. И он был ей за это благодарен, заботился о ней.

Виктория Петровна сопровождала его за границу. Присутствовала на государственных приемах вместе с мужем. Как положено, принимала жен иностранных политиков. Посещала иностранные посольства. Приходила на съезды партии, сессии Верховного Совета, торжественные собрания, когда выступал Леонид Ильич. Ей присылали специальные приглашения.

Каждое 8 Марта в особняке на Воробьевском шоссе устраивался прием в честь Международного женского дня. Поначалу хозяек было двое: жена Брежнева и жена Николая Викторовича Подгорного, председателя Президиума Верховного Совета СССР, то есть формального главы государства. Со временем Брежнев избавился от раздражавшего его Подгорного, и Виктория Петровна осталась единственной хозяйкой.

На этот прием приглашали только женщин — жен послов и крупных советских чиновников, а также небольшое число деятельниц культуры. Устраивались танцы, но мужчин не было, поэтому женщины танцевали с женщинами…

Став первой леди, Виктория Петровна мало изменилась. Ей претила публичность. Заграничные визиты воспринимала как обременительную обязанность.

В доме у Виктории Петровны было уютно, она прекрасно готовила. Поваров, которые полагались Леониду Ильичу, научила готовить так, как ему нравилось. Хотя к еде он был достаточно равнодушен и вкусы у него были простые.

По отзывам людей, ее знавших, Виктория Петровна была женщина не только доброжелательная и хлебосольная, но и тактичная и даже мудрая. Оттого Брежнев постоянно с ней советовался. Где бы он ни находился, поднимал трубку спецкоммутатора и просил телефонистку соединить его с женой:

— Алло! Позовите, пожалуйста, Викторию Петровну.

Виктория Петровна полностью посвятила себя мужу, дому, детям, внукам, многочисленным родственникам, которым надо было помогать. Не тщеславная и не амбициозная по характеру, она политикой не интересовалась, кадровых советов Леониду Ильичу не давала и своего мнения не навязывала.

Столь же благоразумно вела себя жена первого президента

России.

Борис Николаевич Ельцин будущую спутницу жизни встретил в институте. Анастасия Иосифовна Гирина, которую в своем кругу звали просто Наина, на год моложе Бориса Николаевича. Родилась в Оренбургской области. Детство у нее было таким же трудным, как и у мужа, — в семье шестеро детей. В 1950 году поступила на строительный факультет Уральского политехнического института, тот самый, где учился Борис Ельцин.

Студенческий роман перерос в крепкое чувство. Он, наверное, по-своему всегда ее любил, но был слишком занят своей карьерой. Наталья Константинова, бывший работник пресс-службы Кремля, пишет о Наине Иосифовне:

«Возможно, все эти сорок с лишним лет ей не хватало тепла и заботы, хотя какая женщина признается в этом вслух. Только однажды у нее вырвалось в разговоре с младшей дочерью Татьяной о семейном житье-бытье:

— Если бы меня мой муж каждую минуту так целовал, как твой Леша…»

В 1956-м они поженились, через год родилась Елена, еще через три года — Татьяна. Ельцин хотел сына, но вырастил двух девочек. Отсутствие наследника в семье со временем сделает более обостренным поиск наследника политического…

Наина Ельцина прошла рядом с мужем весь его трудный путь. Ее присутствие было особенно важным в годы политической опалы, когда казалось, что жизнь кончилась. «Если бы не Наина и дочери, не знаю, как бы со всем справился, — вспоминал Борис Николаевич. — Мои «коллеги» только и ждут момента ударить сзади посильней, чтобы упал и никогда не смог подняться».

Наина Ельцина подчеркнуто не вмешивалась в политические дела. Но, конечно же, не оставалась равнодушной к тому, что происходило. Когда VII Съезд народных депутатов в декабре 1992 года утвердил председателем Совета министров Виктора Степановича Черномырдина, Егор Тимурович Гайдар, который до этого возглавлял правительство, попросил всех министров оставаться на своих местах, а сам подал в отставку, не захотел оставаться первым вице-премьером.

Ельцин тяжело переживал прощание с Гайдаром. Вечером Егору Тимуровичу позвонила расстроенная Наина Иосифовна Ельцина. По его словам, «говорила примерно следующее: вы такие молодые, такие умные, ну придумайте что-нибудь, помогите Борису Николаевичу, он немолодой человек, ему тяжело…».

Борис Николаевич — не тот человек, который безоглядно

прислушивается к просьбам и пожеланиям родных. Его бывший помощник Георгий Александрович Сатаров вспоминал:

— Ельцин по натуре домостроевец. Мне приходилось слышать, что, когда дома ему пытались что-то сказать, он резко осаживал родных: не лезьте, бабы, не в свое дело! Вот это в его натуре… Понятно, что у близких больше возможностей ему что-то сказать, повлиять на настроение. Думаю, что это влияние преувеличивается и демонизируется, потому что в таком возрасте поздно перестать быть домостроевцем, поздно переучиваться. Ельцин — человек, который решения принимал самостоятельно.

О намерении уйти в отставку Ельцин сказал жене только 31 декабря 1999 года, уезжая в Кремль. Наина Иосифовна была довольна:

— Какой ты молодец!

В интервью «Известиям» Наина Ельцина уже после отставки мужа призналась:

— На протяжении всей жизни о всех решениях, какие он принимал, я узнавала последней.

Золотую свадьбу Борис Николаевич и Наина Иосифовна Ельцины отметили в очень узком кругу. Погубила его сильная простуда — результат еще одной зарубежной поездки. 25 марта 2007 года он полетел в Иорданию, где несколько дней отдыхал на Мертвом море, потом перебрался в Израиль и осмотрел то место на реке Иордан, где, как считается, был крещен Иисус Христос. Опустил в реку руки, омыл лицо святой водой.

2 апреля вернулся в Москву. Резкая смена климата — серьезное испытание для не очень здорового человека. Для Бориса Николаевича путешествие оказалось роковым. На сей раз старания врачей не увенчались успехом. Самочувствие резко ухудшилось. В субботу ему стало совсем плохо. А утром в понедельник как будто бы отпустило. Но это было лишь временное облегчение. Его старший телохранитель Анатолий Иванович Кузнецов зашел в палату, чтобы помочь ему умыться, и у него на глазах Борис Николаевич потерял сознание. Больше он в себя не пришел.

Сердце остановилось. Реанимационная бригада запустила сердце, но вторая остановка оказалась последней. Наина Иосифовна все время находилась рядом. Когда ей сказали, что все усилия медицины оказались бесполезны, она с тоской в голосе произнесла:

— Я никогда не думала, что потеряю самое дорогое. И так быстро.

Женщины с мужским характером

Иногда жены оказывались более сильными политиками, чем их мужья. И эти женщины, как и мужчины, мечтали о власти. Но мужской шовинизм, процветающий в нашей стране, не оставлял им шансов. Роль их и влияние почти полностью зависели от мужчин, которые их любили. Чтобы завоевать положение в обществе и иметь возможность влиять на страну, они должны были завоевать мужчину.

Георгий Маленков и Валерия Голубцова

После смерти Сталина хозяином страны стал Георгий Максимилианович Маленков. При жизни вождя он был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, в аппарате воспринимался как заместитель Сталина.

Своей карьерой Маленков был обязан жене. Они познакомились в 1920 году. Он служил политработником в Красной армии. Валерия Алексеевна Голубцова работала библиотекарем в агитпоезде. Эта встреча оказалась для Маленкова редкостной удачей. Жена стала для него другом и опорой. Наделенная сильной волей и характером, Валерия Алексеевна всю жизнь толкала вперед вялого и инертного Георгия Максимилиановича.

Неуверенный в себе и податливый по натуре, он не был способен на неожиданные и самостоятельные поступки. Ему не хватало воли, силы, хитрости. По словам человека, который его хорошо знал, «Маленков был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив и испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей».

В 1921 году Маленковы переехали в Москву. Георгий Максимилианович поступил в Высшее техническое училище имени Баумана на электротехнический факультет. Еще студентом стал секретарем партийной организации. Пока муж грыз гранит науки, Голубцова нашла себе работу в организационно-инструкторском отделе ЦК, которым руководил будущий член политбюро и верный сталинский помощник Лазарь Моисеевич Каганович.

В обязанности Голубцовой входило изучение и обработка материалов, поступавших в ЦК из местных партийных организаций. Потом она привела в ЦК своего мужа. Он медленно поднимался по ступенькам партийной лестницы. Обладатель прекрасного почерка, он был фантастически аккуратен, во всех бумагах у него был идеальный порядок. Он был вежлив, спокоен и корректен, говорил мягко, но убедительно. Когда входил посетитель, обязательно вставал. Умел слушать.

«Георгий Маленков был муж Леры (Валерии) Голубцовой, — писал Борис Георгиевич Бажанов, автор изданной в эмиграции книги «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». — Он был года на два моложе меня, но старался придавать себе вид старого партийца. Затем умная жена, которой он, в сущности, и обязан

был своей карьерой, втянула его в аппарат ЦК и толкнула его по той же линии, по которой прошел и я, — он стал сначала секретарем оргбюро ЦК, потом, после моего ухода, — секретарем политбюро. Жена его, Лера, была намного умнее своего мужа».

Понимая, что семейственность невозможна, Валерия Алексеевна пожертвовала собой ради мужа. Она покинула аппарат ЦК и по партийному набору поступила в Московский энергетический институт, с которым надолго связала свою жизнь. В 1943 году ее назначили директором МЭИ. После войны она построила целый городок Московского энергетического института, благодаря ее энергии появились новые учебные корпуса, опытный завод, Дворец культуры, общежития и жилые дома для преподавателей. В голодное время под Москвой институту выделили подсобное хозяйство, чтобы улучшить питание в столовых. Она ввела для отличников и больных студентов талоны на усиленное питание. После войны Голубцова проявила интерес к ракетным исследованиям. Открыла у себя факультет электровакуумной техники и специального приборостроения и уговорила поступить туда сына Хрущева Сергея Никитича.

Когда в 1957 году Маленков выступил против Хрущева, но проиграл эту схватку, бывшего главу правительства сослали на Алтай директором Усть-Каменогорской ГЭС. Жена поехала за ним. Маленков и Голубцова поселились в маленьком поселке Аблакетка — до лета 1958 года, когда Георгия Максимилиановича перевели в шахтерский город Экибастуз и назначили директором ТЭЦ. Соседнюю квартиру занял сотрудник госбезопасности.

В 1968 году в возрасте восьмидесяти четырех лет умерла мать Маленкова Анастасия Георгиевна, которая с тридцатых годов работала директором санатория под Москвой в поселке Удельное. Маленков написал заявление о выходе на пенсию и вернулся в Москву, чтобы похоронить мать.

Жить бывшему главе правительства было негде. Остановились у дочери. Потом Валерии Алексеевне Голубцовой разрешили вступить в кооператив, и в 1973 году они обосновались в двухкомнатной квартире на 2-й Синичкиной улице. В 1980 году, когда отношение к опальному предсовмина стало спокойнее, им дали квартиру получше (тоже двухкомнатную) на Фрунзенской набережной. На пенсии Маленков интересовался экологией, биосферой, физикой. Много читал. Мемуаров не писал.

Голубцова страдала от стенокардии и болезни Паркинсона. Маленкова мучила почечно-каменная болезнь. В больницу их

положили одновременно. Валерия Алексеевна скончалась 1 октября 1987 года. Георгий Максимилианович, более крепкий, умер в ночь на 14 января 1988 года.

— Пришло сообщение о смерти Маленкова, — сказал генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев на заседании политбюро. — Нужно ли публиковать официальное сообщение?

Решили не публиковать. Для членов политбюро Маленков оставался членом «антипартийной группы». Стали обсуждать, где хоронить одного из руководителей партии и правительства? Разрешили похоронить Маленкова рядом с телом жены на Новокунцевском кладбище.

Екатерина Фурцева и Николай Фирюбин

Была на политическом олимпе еще одна заметная супружеская пара, где жена играла большую роль, чем муж… Когда Екатерина Алексеевна Фурцева работала в московском партийном аппарате, то влюбилась в коллегу — секретаря горкома Николая Павловича Фирюбина. Он был всего на два года ее старше. Его считали капризным и избалованным женским вниманием.

Но тут карьера Фирюбина прервалась. Сталин устроил чистку столичного руководства, и Фирюбин был с треском снят с должности. В 1949 году его отправили на курсы переподготовки руководящих партийных и советских работников при Высшей партийной школе. Через два года выпускнику курсов подобрали должность — начальник технического управления исполкома Моссовета. Потом повысили — сделали заместителем председателя Моссовета. Одному из недавних руководителей города не очень приятно было подчиняться тем, кто еще недавно просиживал в его приемной, ожидая, пока их вызовут…

Роман Фурцевой и Фирюбина был предметом пересудов в Москве. Разводы не поощрялись. Женщина должна была исполнять одну роль — самоотверженной жены и матери. Любовница — понятие отрицательное. А Николай Павлович не спешил рвать с прежней жизнью, уходить из семьи. Екатерина Алексеевна переживала, хотя больше всего старалась не показать своей слабости.

Когда брак стал возможным, Екатерина Алексеевна была счастлива, хотя в доме ее сообщение о том, что она выходит замуж за Николая Фирюбина, встретили, мягко говоря, без восторга. Теща и падчерица его сразу невзлюбили.

Фирюбина перевели в Министерство иностранных дел, отправили послом в Прагу. В принципе посла всегда сопровождает жена. Она помимо всего прочего играет важную роль в работе посольства, нужна послу для организации приемов, для налаживания отношений с дипломатами других стран. Но Екатерина Алексеевна не захотела пожертвовать карьерой, отказаться от своей роли хозяйки Москвы и удовлетвориться ролью жены. Она не поехала с мужем в Прагу. Учитывая особую ситуацию, в ЦК разрешили послу жить одному, что не дозволялось другим дипломатам.

Для брака длительная разлука не благо. Фурцева переживала, не хотела отпускать надолго молодого мужа. Но и отказываться от посольского назначения было нельзя. Это же была

реабилитация, знак того, что старое забыто. Конечно, Николай Павлович предпочел бы видеть жену рядом. Но быть женатым на самой Фурцевой — это тоже льстило его самолюбию. Екатерину Алексеевну точно можно было назвать первой дамой страны, поскольку жены руководителей государства оставались в тени.

При этом в отношениях с женой Фирюбин держался уверенно или, как говорят люди знающие, самоуверенно. Это была характерная для властных и высоко себя ценящих мужчин борьба за право быть хозяином в семье. Плюс состоял в том, что Прага была европейской столицей, и благодаря Николаю Павловичу жена стала современно одеваться. Уже в пятидесятых годах Екатерина Алексеевна выглядела много лучше московских дам. Конечно, в роли секретаря городского комитета партии не могла позволить себе экстравагантных и вызывающих нарядов, но завидная фигура как минимум позволяла ей не отставать от моды.

Фирюбина вернули в Москву и в октябре 1957 года назначили заместителем министра иностранных дел. Более высокой должности он уже не занял. Но, по крайней мере, теперь ничто не мешало Николаю Павловичу и Екатерине Алексеевне жить вместе. На XX съезде Фурцеву избрали членом ЦК, Фирюбина кандидатом в члены ЦК КПСС. Они были единственной супружеской парой, которая посещала пленумы Центрального комитета.

Семейных пар в высшем эшелоне власти не было с 1917 года, когда Александра Михайловна Коллонтай вошла в первое советское правительство наркомом государственного призрения, а ее любимый мужчина Павел Ефимович Дыбенко стал наркомом по морским делам.

Конечно, заместителю министра Фирюбину не очень нравилось, что жена занимает более высокое положение — Хрущев сделал Фурцеву членом президиума и секретарем ЦК. Для советской семьи, прямо скажем, это было нетипично. Но Фирюбин оставался заместителем министра иностранных дел до смерти — его ценили, а Фурцеву Брежнев недолюбливал.

Теперь уж не узнать, что именно произошло поздним вечером 24 октября 1974 года, когда Фурцева вернулась домой. Они с Фирюбиным жили на улице Алексея Толстого. Говорят, что именно в тот день стало известно, что ее ждет пенсия, а Николай Павлович встретил другую женщину. Екатерина Алексеевна не выдержала двойного удара. Тоскливая жизнь брошенной мужем пенсионерки была не по ней…

Одни говорили, что Екатерина Алексеевна отправилась в ванную и приняла горячий душ после немалой дозы алкоголя.

Последовал сердечный спазм и… Другие уверяли, что, вернувшись домой, она проглотила горсть люминала… Все это слухи. Реанимационная бригада поставила диагноз: острая сердечная недостаточность.

Николай Павлович Фирюбин ушел к Клеопатре Гоголевой, вдове Александра Васильевича Гоголева, покойного секретаря московского обкома партии. Они жили на соседних дачах. Клеопатра Гоголева, которую знакомые называли Клерой, была значительно моложе Екатерины Алексеевны…

Алексей и Клавдия Косыгины

Летом 1947 года Сталин отдыхал в Ливадийском дворце. А рядом с Ялтой, в местечке Мухолатка, проводил отпуск кандидат в члены политбюро и заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин с семьей.

Сталин, надо понимать, захотел посмотреть на нового человека. За Косыгиными приехал начальник сталинской охраны генерал Николай Сидорович Власик и доставил их к вождю. В послевоенные годы овдовевший Сталин приглашал к себе соратников без жен. С тем большим любопытством он разглядывал жену Косыгина, Клавдию Андреевну. Она за словом в карман не лезла, охотно и откровенно беседовала с вождем.

Сталин не спешил расставаться с гостями. Он даже взял их с собой на крейсер «Молотов», на котором вышел в море. Военные моряки не любят женщин на боевом корабле, но Сталин попросил сделать для Клавдии Андреевны исключение. Во всех газетах появились фотографии Сталина среди моряков Черноморского флота, рядом с ним — Косыгин. И вроде бы Клавдия Андреевна обреченно заметила:

— «Они» тебе это не простят.

«Они» — это коллеги по политбюро, ревниво следившие за возвышением молодого Косыгина. Наверное, она была права. А с другой стороны, те дни, проведенные вместе со Сталиным, возможно, его и спасли: когда по всей стране сажали выходцев из Ленинграда, Косыгина вождь помиловал. Клавдия Андреевна явно произвела впечатление на стареющего вождя. Ему понравилось, как на вопрос о роли жены в семье она убежденно ответила:

— Жена — это судьба.

В жизни Алексея Николаевича Косыгина это было именно так. Они прожили вместе с Клавдией Андреевной сорок лет. Косыгин с ней и без нее — это разные люди. И еще не известно, стал ли бы он главой правительства, если бы рядом не было такой жены.

Алексей Николаевич Косыгин родился в Санкт-Петербурге. После окончания Всероссийских продовольственных курсов, переименованных в кооперативный техникум, его в 1924 году командировали в Сибирь. Должность его называлась так — «инструктор-организатор по первичным потребительским кооперативам». Еще два года он заведовал орготделом кооперации в городе Киренске на Лене.

Кооператоры скупали у крестьян сельскохозяйственную продукцию и поставляли промышленные товары, инвентарь,

оборудование. Работа была хлебной, зарабатывал Косыгин много. Выгодный жених. В Новосибирске в 1927 году он вступил в партию и женился на Клавдии Андреевне Кривошеиной.

Она была женщиной властной, с сильным характером и волей. Алексей Николаевич, такой жесткий и неуступчивый на работе, полностью подпал под ее влияние. И не она думала о том, какой счастливый билет вытащила — вышла замуж за человека, который шестнадцать лет руководил советским правительством. А он никак не мог поверить своему счастью — что такая женщина пошла за него!

В конце сороковых Косыгины приезжали в Ереван. Пришли в гости к первому секретарю ЦК компартии Армении Григорию Артемьевичу Арутинову. Жена Косыгина запомнилась хозяевам.

«Нас поразило, что женщина пьет коньяк, — вспоминала племянница Арутинова Нами Микоян. — Клавдия Андреевна была сильной, волевой женщиной. На ее красивом, скуластом лице отражались и ум, и властность.

В Ереване в тот приезд с мужем Клавдия Андреевна еще была молодой, захотела после обеда потанцевать. У нас дома танцев не бывало, срочно привезли управляющего делами Совета министров Армении Шуру Ашхарумова, «красавца-мужчину», для партнерства в танце с Клавдией Андреевной и откуда-то патефон с пластинками.

Косыгин слегка подвыпил, покраснел, сидел молча. После танцев гостья, узнав, что я играю на рояле, попросила аккомпанировать ей. Пели они с сестрой в два голоса:

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина…

Я эту песню слышала впервые, аккомпанировала кое-как, но с удовольствием».

Сталинские годы наложили неизгладимый отпечаток на характер Косыгина и даже на выражение лица — «устало-досадливое», говоря словами Солженицына.

Впрочем, лицо главы правительства не всегда хранило выражение легкого разочарования. В хорошей компании и после дозы горячительных напитков обычно зажатый, напряженный, даже угрюмый Алексей Николаевич разительно менялся. Он предпочитал молдавский коньяк. Жена не позволяла ему слишком часто расслабляться. Да и сам он побаивался давать себе волю.

В конце августа 1970 года Косыгин был в гостях у первого секретаря ЦК компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста. Тот записал в дневнике:

«Пригласил Косыгина поехать посмотреть рисовые поля и некоторые колхозы и хозяйства Крымской области. Он, против обыкновения, дал согласие с большой охотой, это, очевидно, потому, что в Крыму в это время не было Брежнева. Рисовые поля посмотрели в Красно-перекопском районе на Северо-Крымском канале. Рис отличный, огромные плантации. Косыгин подробно всем интересовался.

Затем посетили комплексное хозяйство — колхоз «Дружба народов». Здесь осмотрели виноградники, сады, животноводческий комплекс, винзавод и консервный завод, новый поселок городского типа. Косыгин заявил, что он нигде и никогда такого хозяйства не видел.

Вечером в Симферополе хорошо посидели. Косыгин изрядно выпил, поздно ночью я его едва довез на дачу. Он попросил меня никому о его состоянии не говорить. Как можно это сделать, если был вместе? Не стоит об этом просить, должна быть честность».

Судя по словам Шелеста, выпивая, Алексей Николаевич быстро терял контроль и становился другим человеком. Поэтому жена и не любила, когда он брался за рюмку.

«Смысл жизни Косыгина заключался в работе, — рассказывал глава Госплана Николай Константинович Байбаков. — Даже на прогулках в Кисловодске в дни отпуска или в командировках по стране или же за рубежом разговоры мы вели, как правило, о делах.

За много лет ни я, ни другие его заместители, которые жили в одном доме по Воробьевскому шоссе, ни разу не бывали в его квартире. И только дважды, в два его последних юбилея, я побывал у него на даче».

Однажды Косыгин отдыхал в Пицунде вместе с Микояном. Анастас Иванович пригласил Косыгина поужинать. В Пицунде при Хрущеве бетонным забором отгородили огромный участок земли с реликтовым сосновым лесом. Построили три двухэтажных особняка для членов президиума ЦК и общий пятидесятиметровый бассейн со спортивным залом. Три стены бассейна, которые смотрели на лес и море, были стеклянными, и в хорошую погоду их раскрывали.

В конце хрущевской эры там одновременно отдыхали Микояны и Косыгины. Анастас Иванович через охрану деликатно выяснил, когда Косыгин любит ходить в бассейн, чтобы они поменьше встречались. И гуляли они по разным дорожкам, чтобы друг другу не надоедать. Но как-то приехал брат Анастаса Ивановича Артем Микоян, известный авиаконструктор. На ужин пригласили Косыгина.

«Предлогом было шутливое пари о погоде на бутылку

коньяка между Анастасом Ивановичем и Косыгиным на берегу, — писала невестка Микояна Нами. — Ужин был с коньяком. Косыгин выпил немного, но быстро стал очень оживленным, уходить не хотел. Анастас Иванович распорядился принести вторую бутылку. Клавдия Андреевна на это рассердилась и ушла. Косыгин остался, выпил еще, я вышла его проводить до их дачи. Алексей Николаевич в дороге был очень разговорчив, контактен. Но следующий день, как и обычно, Косыгин ходил один, молча».

Когда у Клавдии Андреевны обнаружился запущенный рак, Косыгин страшно переживал. Он обвинял врачей — слишком поздно диагностировали смертельную болезнь. Ее оперировал один из лучших хирургов, но поделать ничего было нельзя.

Однажды уже смертельно больная жена Косыгина пригласила домой начальника 4-го главного управления (кремлевская медицина) при Министерстве здравоохранения Евгения Ивановича Чазова. Он ожидал упреков, которые должен выслушивать врач, даже если медицина бессильна. Но Клавдия Андреевна сказала мужу:

— Алексей Николаевич, ты знаешь, как трудно приходится врачам. У них очень многого не хватает. Я тебя хочу попросить: ты всегда помогай медицине.

Она умерла 1 мая 1967 года, когда ее муж стоял на трибуне мавзолея, приветствуя колонны демонстрантов, которые несли его портреты. После ее смерти Косыгин настоял на том, чтобы средства от субботников передали на строительство сначала онкологического центра, а затем и кардиологического центра в Москве. Такой вот памятник он поставил своей жене.

Алексей Николаевич был однолюбом. После смерти Клавдии Андреевны ни одна женщина не появилась в его жизни. Хотя ходили слухи, будто у него был роман с известной певицей Людмилой Георгиевной Зыкиной. Уже позже ее спросили, действительно ли между ними что-то было.

— Нет, — ответила певица. — Просто на каком-то официальном торжестве Алексей Николаевич произнес в мою честь тост, сказал очень теплые слова. Это взяли на заметку. А через некоторое время умерла жена Косыгина. Я пришла на похороны, принесла цветы. И кто-то решил, что у нас тайная связь. Ничего подобного никогда не было. Я с большим уважением относилась к Косыгину, но не более.

Оставшись вдовцом, Косыгин очень сблизился с дочерью. Людмила Алексеевна ездила с ним за границу, была хозяйкой в доме главы правительства.

Юрий Лужков и Елена Батурина

Уже в наше время появилась супружеская пара, в которой мужчина даже и не хотел казаться главой семьи, а постоянно подчеркивал невероятные достоинства своей жены, искренне полагая, что без него она бы добилась большего.

В 1991 году, когда все рушилось и менялось, Москва обрела новых руководителей. Известный экономист и народный депутат СССР Гавриил Харитонович Попов 12 июня был избран мэром Москвы, а Юрий Михайлович Лужков — вице-мэром.

Когда Москвой руководил Ельцин, он оценил Лужкова и сделал первым заместителем председателя Мосгорисполкома. Лужков руководил в том числе и городской комиссией, которая давала разрешения на кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность. Секретарем комиссии была Елена Николаевна Батурина. Она выйдет замуж за Лужкова, займется бизнесом и станет самой богатой женщиной России.

Профессор Гавриил Попов быстро ушел из политики. Впрочем, многим москвичам и сегодня есть за что его благодарить: он разрешил московским пенсионерам ездить на общественном транспорте бесплатно. Кресло мэра занял Юрий Лужков. Он руководил городом восемнадцать лет. Столько же, сколько Леонид Ильич Брежнев — всей страной.

Его живой, необычный стиль стал символом обновления. Он ходил по городу, разговаривал с горожанами. Выступал без бумажки. Мог от души расхохотаться. Поверил в свой певческий дар и пел дуэтом с Иосифом Давидовичем Кобзоном. Не изощренный в интригах холодный и равнодушный чиновник, а живой и открытый, наделенный чувствами и эмоциями. Он напоминал Хрущева взрывным темпераментом, склонностью к новым идеям и готовностью, ни с кем и ни с чем не считаясь, немедленно воплощать их в жизнь.

Москвичи оценили его стремление сделать родной город удобным. Не красивым напоказ, не пышным — в праздники, а комфортным, практичным и приятным для жизни. Тогда появились разнообразные магазинчики и кафе, рынки и киоски, чтобы не надо было далеко тащиться, чтобы те, у кого нет машины, все необходимое могли купить рядом с домом. Москва стремительно менялась.

Но появились и новые социальные недуги. Поднялась преступность, возникли новые способы обмануть и надуть. Советская система распределения дефицита, основанная на личных связях, легко приспособилась к новым условиям.

Изменились только масштабы добра, которое распределялось среди своих. Без связей на всех этажах бюрократического механизма нельзя было много заработать, большие деньги раздавали крупные руководители, и чиновники с каждым годом все дороже оценивали свои услуги бизнесу. Выделение земли под строительство, передача зданий в аренду, получение выгодных заказов и кредитов, защита от бандитов и от правоохранительных структур — все эти услуги покупались. Вместо жесткого соблюдения единых правил игры постоянно делались исключения — для «хороших людей». Им предоставляли льготы. Чиновники осознали, как выгодно помогать бизнесу, который щедро расплачивался за оказанные ему услуги. Процесс был неостановим. И федеральные чиновники, и местные встраивались в эту коррупционную систему. Мафиозные структуры, семьи, кланы делили сферы влияния и жили по своим, неписаным законам. Они не только оказывали за взятки разовые услуги, но и становились тайными совладельцами крупных предприятий.

Появление олигархов было бы невозможно, если бы за каждым из них не стояли сильные мира сего, получавшие свою долю. Не бизнес покупал власть в России, а власть выращивала большой бизнес, который подчиняла себе.

В феврале 2012 года жена уже бывшего московского мэра Елена Николаевна Батурина призналась в интервью, что делилась с чиновниками:

— Брали у меня, как у всех остальных. Принцип очень простой: мало ли что она — жена мэра, что, я должен терять на этом?

Наверное, Елена Николаевна хотела этим показать, что муж не помогал ей в бизнесе и она была как все. Но возникает другой вопрос: почему же она не обратилась к мужу, одному из влиятельнейших людей в стране, с требованием наказать коррупционеров? А, выходит, их финансировала?

Состояние Батуриной оценивается в миллиард долларов. Она богатейшая женщина России. Оппозиционные политики и независимая пресса писали, что ошеломительными успехами в бизнесе она в значительной степени обязана высокому положению мужа.

Елена Николаевна неизменно подавала на своих критиков в суд и требовала опровержения. Пока Лужков был мэром Москвы, столичные суды выносили вердикт в ее пользу. Когда Лужков был отправлен в отставку, ее аргументы перестали казаться московским судьям убедительными. После ухода Лужкова из высшего эшелона власти Батурина перенесла бизнес за границу.

Похоже, Юрий Михайлович, которого возмущала тогдашняя

кремлевская команда, сам примеривался к президентскому креслу. Но отказался от этой мысли и заключил союз с Евгением Максимовичем Примаковым, которого Ельцин только что отправил в отставку с поста премьер-министра. Этот тандем многих напугал. А и без того было немало людей, ненавидевших Лужкова: его самостоятельность — как бельмо на глазу.

Они быстро перешли в контратаку. Ответ был симметричный. Поскольку жена московского мэра Елена Батурина занимается бизнесом, то принялись за нее. Московские прокуроры и чекисты, надо понимать, к этому не захотели иметь отношения. Нашли более исполнительных людей во Владимире, где Елена Батурина тоже имела свои деловые интересы. По указанию владимирского прокурора сотрудники областного управления Федеральной службы безопасности, расследуя дело о незаконном переводе денег за границу, занялись и компанией «Интеко», которую возглавляет жена московского мэра.

В офис компании явились чекисты, забрали документы. Об этом рассказали по телевидению: жена Лужкова подозревается в незаконном вывозе денег за границу!.. Чем же в таком случае семья Лужкова лучше семьи Ельцина?

Разразился скандал. Лужков меньше других был готов к тому, что на него выльют такие ушаты грязи. Директором ФСБ был тогда Николай Платонович Патрушев. Действия владимирских чекистов были восприняты как ответный удар по Лужкову, хотя на Лубянке это отрицали. «Дело Елены Батуриной» со временем оказалось липой, ничего противозаконного не нашли, но ущерб репутации Лужкова был нанесен серьезный. Мощная пропагандистская кампания против мэра завершилась успехом. Из солидного и уважаемого хозяйственника он превратился в предмет насмешек.

Вокруг московского мэра крутились люди, которые сознательно подогревали его амбиции. Трудно противостоять откровенной лести. Сначала он был капитаном команды, первым среди равных, а со временем превратился в вождя. И сотрудники аппарата с придыханием повторяли: вождь сказал, вождь распорядился…

«Увы, в конце своей деятельности симпатичный всем Лужков, прораб города, превратился в старика Батурина — персонаж анекдота, — вспоминает создатель московского телевидения Анатолий Григорьевич Лысенко. — Конечно, тут и усталость и его, и москвичей от девятнадцати лет совместной жизни, и всепроникающая коррупция, и мини-культ с лозунгом: «Спасибо, Юрий Михайлович, за наше все». И конечно, супруга, по темпам роста капитала обогнавшая Билла Гейтса».

Раиса и Михаил Горбачевы

В советское время жены политиков были практически не известны. Они, как правило, появлялись только на устраиваемых государством похоронах своих мужей.

Когда в феврале 1983 года американская делегация прилетела на похороны Юрия Владимировича Андропова, эксперты по Советскому Союзу даже не знали, был ли генеральный секретарь женат — настолько мало было о нем известно. На похоронах они впервые увидели его вдову.

Жен вождей недолюбливают. Если они незаметны, их считают ничтожествами, серыми личностями, недостойными своих мужей. Если они привлекают внимание, то вызывают раздражение. Принято считать, что энергичная и активная женщина только вредит мужу-политику. Многим не нравилось то, что первый и единственный президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнуто интересовался мнением Раисы Максимовны, что она слишком часто оказывалась на первом плане, что она слишком самостоятельна.

— В мире положение, права и обязанности жены главы государства как-то очерчены, — делилась Раиса Максимовна с журналистами. — В России в отношении жен руководителей страны существовала одна традиция — отсутствие права на гласное, официальное существование. Жены главы государства как понятия вообще не было. Поэтому мое появление рядом с Горбачевым и восприняли как революцию.

25 сентября 1953 года Сокольническое районное бюро ЗАГСа Москвы зарегистрировало брак между уроженцем села Привольное Ставропольского края Михаилом Сергеевичем Горбачевым и уроженкой города Рубцовск Западно-Сибирской области Раисой Максимовной Титоренко.

На самом деле этот брак явно был заключен не в ЗАГСе, а на небесах. Они не клялись любить друг друга, пока смерть не разлучит их. Но получилось именно так. Они были вместе, пока Раиса Максимовна не ушла из жизни. Они любили друг друга. Им никогда не было скучно вместе.

«Если сначала была молодая страсть, — вспоминал Михаил Сергеевич, — то потом добавились сотрудничество, дружба, когда мы друг другу могли сказать все. Мы оказались единомышленники во взглядах на жизнь».

Но в основе была любовь. Самая настоящая. Они волновали друг друга как мужчина и женщина — и через десятилетия после заключения брака, когда многие пары сохраняются лишь в силу

привычки.

Школу в Стерлитамаке Раиса Титоренко — единственная в городе — закончила в 1949 году с золотой медалью, которая дала возможность поступить на философский факультет Московского университета без экзаменов. Получила койку в студенческом общежитии на Стромынке. Послевоенная жизнь была тяжелой и неустроенной. Теплой одежды не хватало: не было ни денег, ни возможности что-либо купить. Раиса тяжело заболела, попала в больницу. Врачи поставили диагноз — ревматизм — и запретили иметь детей. Но она все равно родит дочку.

Михаил Сергеевич был на год старше, но на курс младше — из-за войны позже закончил школу. Рядом со вчерашней школьницей успевший поработать и получить орден Горбачев — уже взрослый и состоявшийся мужчина.

«Он был неотразимым красавцем, — признавалась Раиса Максимовна. — У его бабушки по материнской линии были прекрасные завораживающие черные глаза. Они и «достались» Михаилу Сергеевичу».

Эти двое точно были рождены друг для друга. Тем не менее роман был долгим. Два года ходили по Москве, держась за ручку. Нравы были целомудренными, правила строгими: до свадьбы не целоваться.

Ее появление рядом с мужем сразу вызывало недовольство в обществе, где женщине отводилось строго определенное место.

— Никогда в его государственные или политические дела я не вмешивалась, — вынуждена была оправдываться Раиса Горбачева. — Считала лишь своим долгом поддержать, помочь. Мы с Михаилом Сергеевичем спорим, и очень часто по самым разным вопросам… Мы, как и все нормальные люди, обсуждаем, спорим, иногда ссоримся.

Все ждали, как Раиса Максимовна использует свое положение?

Семья академика Дмитрия Сергеевича Лихачева не на шутку перепугалась, когда к их даче в Комарово под Ленинградом подъехала черная машина и из нее вышел офицер в фуражке с синим околышем. Лихачев сидел в Соловецком лагере, политзэки ненавидели чекистские фуражки. Но это был всего лишь фельдъегерь, доставивший академику письмо от Раисы Максимовны Горбачевой. По ее предложению академик Лихачев стал главой Советского фонда культуры — это была одна из первых в стране негосударственных, неправительственных организаций. Сама Раиса Горбачева удовлетворилась должностью члена президиума Советского фонда культуры.

Единственная дочь Горбачевых Ирина окончила Второй

медицинский институт имени Н.И. Пирогова, защитила диссертацию, стала кандидатом медицинских наук. Высоких должностей не занимала. Она вышла замуж и носит фамилию первого мужа — Анатолия Олеговича Вирганского, ставшего профессором медицины. В последние годы Ирина Вирганская — вице-президент Фонда Горбачева.

Раиса Максимовна, вероятно, оказала влияние на целое поколение первых леди. Хотя они и не должны следовать за мужьями на приличном отдалении — как прежде, на горьком опыте Раисы Горбачевой осознано, что равенства женщины и мужчины в мире все еще нет!

Первые леди старательно держатся подальше от политики. Знают, что иначе навлекут на себя критику и ухудшат позиции своих мужей. Твердят заученный текст:

— Люди голосуют за президента, а не за его жену, она всего лишь партнер. Роль первой леди состоит в том, чтобы создать мужу комфортные условия для жизни и работы.

Как правило, берутся за приличествующее жене президента дело — благотворительность. Не дай бог напугать избирателей, которые решат, что первая леди намерена играть какую-то роль в политике. Первые леди знают свое место: быть заметными, но не производить впечатление амбициозных, быть близкими к власти, но не становиться властью.

Первый развод в Кремле

В советские времена развод безусловно осуждался. Крепкая семья — неотъемлемая часть жизни настоящего коммуниста. Если речь шла о члене партии, то это могло стать предметом публичного разбирательства — на заседании партийного бюро, а то и на партсобрании. Развод мог подпортить карьеру, помешать выезду за рубеж. Скажем, член политбюро и первый секретарь ЦК компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий не терпел разводов. Нелады в семье почти всегда вели к увольнению из аппарата ЦК.

В партийных характеристиках писали: «обстоятельства развода партбюро известны». Иначе говоря, партийное бюро во всем разобралось и все же считает возможным доверять разведенному коммунисту. Поэтому видные фигуры предпочитали терпеть, но не подавали на развод.

Владимир Путин стал первым хозяином Кремля, который развелся со своей женой, что называется, при исполнении обязанностей. Хотя и до него во главе страны стояли люди, которые не единожды вступали в брак: Сталин, Хрущев, Андропов, Черненко…

Жена Владимира Владимировича привыкла вести себя незаметно. Приоткрыть завесу над личной жизнью четы Путиных помогла немка Ирен Питч, жена заместителя председателя правления общества дружбы «ФРГ — СССР». Среди ее русских знакомых оказалась Людмила Путина.

Книга Ирен Питч «Пикантная дружба» переведена на русский язык. Автору жена Путина очень понравилась, она оценила вкус и стиль Людмилы Александровны:

«Благородная осанка, прелестное лицо, маленький, чуть вздернутый носик, выразительный рот. Припухлая нижняя губка придавала всему ее облику неповторимое своеобразие. Гордая осанка свидетельствовала о сдержанности, а внимательные зеленовато-голубые глаза — о готовности раскрыться перед собеседником. Она производила впечатление человека, который знает себе цену».

28 октября 1993 года Людмила Александровна попала в тяжелую автомобильную аварию. С переломом позвоночника ее отвезли в больницу. По просьбе Путина вмешался начальник Военно-медицинской академии Юрий Леонидович Шевченко. Он прислал своих хирургов и забрал ее к себе. Ей сделали операцию на позвоночнике, потом у нее оказался еще и перелом основания черепа… Хорошие хирурги ее спасли. Семь дней она провела в

реанимации. Три месяца ходила в корсете. Долго приходила в себя. Юрий Шевченко со временем стал министром здравоохранения России.

Людмила Шкребнева, будущая жена Путина, выросла в Калининграде, играла в драмкружке в районном Доме пионеров, на всех школьных собраниях декламировала стихи, пела. У нее очень хороший голос, на конкурсах чтецов она получала первое место. Мечтала стать актрисой. Ездила в Ленинград поступать в театральный, но не сдала экзамены. Поступила в Калининградский технический институт, но ушла со второго курса, чтобы стать стюардессой. Это казалось красивой жизнью, хотя зарплата была маленькой.

В марте 1980 года она с подругой поехала в Ленинград. Приятель подруги привел Путина и познакомил с Людмилой. Ему было уже двадцать семь лет, ей — двадцать два. Они вместе пошли на выступление Аркадия Исааковича Райкина. Попасть на его спектакль было немыслимо, но чекист Путин мог достать билеты в любой театр. Будущей жене, впрочем, сказал, что работает в уголовном розыске. У него действительно было — для прикрытия — удостоверение сотрудника уголовного розыска.

Людмила не была обижена вниманием молодых людей, но сразу решила, что непьющий и серьезный молодой человек — это то, что нужно. Она оценила его надежность и влюбилась впервые в жизни.

Что касается Путина, то однокурсники вспоминали, что никогда не видели его с девушкой. Им даже казалось, что он их сторонится. Потом выяснилось, что у него серьезный роман, он собирался жениться на студентке из другого учебного заведения.

— Она очень любила Володю, — вспоминал его близкий друг Сергей Павлович Ролдугин, — и опекала его, как настоящая жена. Заботилась о нем, хотя характер у девушки был тяжелый. Уверенная в себе домовитая женщина. Следила, чтобы он правильно питался. Она говорила: «Пиво пьете — зачем вам это надо? А у Вовы еще и с желудком не очень хорошо, ему нельзя». Хотя с желудком у него все было нормально. Или: «Вова спину на тренировке надорвал. Ему нужен покой». Она дома у него бывала, маме его нравилась.

Они уже готовились к свадьбе, но в последний момент Путин передумал…

А Людмила летала к нему на свидания из Калининграда. Он умудрялся опаздывать на встречи с девушкой — часа на полтора! Она плакала от обиды, но ждала.

Ленинград, рассказывала она журналисту Олегу Блоцкому, показался ей мрачноватым городом, что наложило отпечаток и на

ее мужа: «Есть все-таки у мужа некая закрытость, которая, кстати, была свойственна и его родителям».

Летом 1980 года Людмила поступала на филологический факультет Ленинградского университета, но провалилась на вступительных экзаменах. Это, видимо, на нее сильно подействовало. На вечеринке они с Путиным поссорились. Он решительно сказал, что между ними все кончено. Она улетела в Калининград, думая, что они больше не увидятся.

Вдруг его отправили в Калининград в командировку. И они встретились. Людмила, плача, призналась ему в любви. Осенью она приехала в Ленинград и поступила на рабфак. Путин подыскал ей комнату в коммунальной квартире и работу — оператором электронно-вычислительной машины. На следующий год ее приняли на испанское отделение филфака.

Она мечтала о семье. Путин не спешил.

«То, что Владимир Владимирович всю нашу совместную жизнь меня испытывал, — совершенно точно, — призналась она Олегу Блоцкому. — Всегда было ощущение, что он все время как бы наблюдал за мной — какое я сейчас приму решение, верное или нет, выдержу ли я то или иное испытание… Фактически я всегда подчинялась пожеланиям Владимира Владимировича».

Он увлекался разными видами спорта: теннисом, горными лыжами, подводным плаванием. Людмиле Александровне приходилось соответствовать. Как она сама выразилась, «все время надо было с чем-то бороться: с лыжами, горами, водой».

Роман продолжался три с половиной года, прежде чем он решился сделать ей предложение в своей манере:

— Ну вот, дружочек, ты знаешь мой характер. Он достаточно тяжелый. И сейчас ты должна определиться в жизни.

— Ты мне нужен, — ответила Людмила Александровна.

— Раз так, предлагаю тебе выйти за меня замуж…

Женился он сравнительно поздно. Кадровики, наверное, на него посматривали косо — в КГБ опасались холостых. Свадьбу играли два дня — 28 июля 1983 года с друзьями в ресторане «Поплавок», на следующий день с его сослуживцами в ресторане гостиницы «Москва».

Вскоре после свадьбы Путины отправились за границу, в существовавшую тогда Германскую Демократическую Республику, в город Дрезден. Путин служил в составе небольшой группы офицеров КГБ СССР, осуществлявших миссию связи с окружным управлением министерства госбезопасности ГДР. Это была куда более комфортная жизнь, чем на родине.

«Владимир Владимирович в еде человек прихотливый, — признавалась Людмила Путина. — Если какое-то блюдо не

соответствует его представлениям, то он предпочтет от него вообще отказаться… Постепенно я стала испытывать отвращение к кухне. В том числе и потому, что нельзя было дождаться хоть какой-то похвалы… Хотя, с другой стороны, есть же известная фраза: не хвали женщину, чтобы ее не испортить. Так что Владимир Владимирович меня всегда тренировал, держал, так сказать, в тонусе».

И еще она никак не могла привыкнуть, что муж ничего не рассказывает о своих делах. На вопрос, чем занимался сегодня, отвечал стереотипно:

— До обеда ловили, после обеда отпускали.

Но Людмила Александровна понимала, какую жизнь муж создал для нее. Особенно когда они вернулись домой, и он стал в Питере видной фигурой. Подруга повела ее в оперу. Сидя в зрительном зале, Людмила гордо заметила:

— Мне больше нравится в царской ложе.

Людмиле Путиной нравилось путешествовать, и муж доставлял ей это удовольствие, несмотря на достаточно скромную зарплату муниципального (после переезда в Москву — государственного) служащего. Во Францию, Швейцарию, Австрию — если сам Владимир Владимирович был занят — Людмила ехала с детьми. За границей чувствовала себя уверенно, брала машину напрокат.

Людмила Александровна Путина впервые показалась на публике, когда пришла на похороны Раисы Максимовны Горбачевой вместе с Наиной Иосифовной Ельциной. Когда Путин стал президентом, Людмилу Александровну стали видеть чаще. Она побывала в нескольких женских колониях, считая важной проблему детской преступности и наркомании. И занялась защитой русского языка, для нее создали специальный Центр русского языка.

— Я никогда не буду Раисой Горбачевой, — повторяла Людмила Путина, имея в виду, что она не намерена участвовать в политике, у нее другой склад характера.

Людмила Александровна рассказывала, что и в Питере старалась избегать публичных мероприятий. Ей не раз с недоумением и легким упреком говорили:

— Рядом с Собчаком его жена. А что же вы?

«Меня это немного задело, — рассказывала она Олегу Блоцкому. — Я решила переломить себя и сходить на несколько презентаций. А поостыв, думаю: «Зачем время попусту тратить?» Там страшно скучно. Да и не мое это. Я люблю откровенное человеческое общение, а политическая тусовка — там все насквозь фальшиво».

Летом 2013 года, после трех десятилетий совместной жизни, Путины разошлись. Журналисты выяснили, что Людмила Александровна вновь вышла замуж. О личной жизни президента ничего не сообщают. Правда, одна газета написала, что президент намерен вступить в новый брак, и даже назвала имя предполагаемой невесты.

Владимир Путин на пресс-конференции в Италии ответил на статью:

— Общество, конечно, вправе знать, как живут люди, которые занимаются публичной деятельностью. Но и в этом случае существуют, конечно, какие-то ограничения. Существует частная жизнь, вмешиваться в которую никому не позволено. Я всегда отрицательно относился к тем, кто с каким-то гриппозным носом и со своими эротическими фантазиями лезет в чужую жизнь.

Газета закрылась.

Глава третья. Любовницы

В советские времена политические решения принимались исключительной мужской компанией — большей частью в бане, на охоте, в дружеском застолье. Так что чем выше поднимался советский руководитель, тем меньшую роль в его жизни играла оттесненная от главных дел жена.

Дети, трудно устраиваемый быт, домашние заботы затягивали — и самая милая женщина быстро теряла привлекательность, блекла, переставала интересовать мужа в постели. Рано постаревших и располневших жен стеснялись. Интимная жизнь высокопоставленного чиновника или вовсе прекращалась, заменяясь горячительными напитками и чревоугодием, или же радость на скорую руку доставлял кто-то из подсобного персонала.

Сотрудник президиума Верховного Совета СССР с сорокалетним стажем, выпустивший мемуарную книгу «Кремлевский советник», описал сытую, комфортную, но тоскливую и пустоватую жизнь аппарата, завидовавшего соседям из Совета министров, которым и живых денег больше платили, и блага отпускали щедрее. Для сотрудника мужского пола страшнее всего было пропустить ошибку в бумаге, для барышни — отказать местному начальнику.

Характерный эпизод: приходит к автору «работница среднего звена», расположения которой добивается человек номер два в президиуме, и просит совета — как быть? Автор искренне посоветовал:

— Надо — значит, надо. Не убудет, помоги человеку.

Но любовниц следовало скрывать.

В конце пятидесятых дипломат (и сын не менее известного дипломата) Олег Александрович Трояновский был помощником Хрущева по международным делам. Однажды Трояновскому позвонил председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин, с которым они были знакомы еще по институту.

— Олег Александрович, — дружески сказал председатель комитета, — брось ты встречаться с этой (он назвал незнакомую Трояновскому женскую фамилию. — *Авт.*). Она путается с иностранцами и вообще пользуется дурной репутацией. Разве нельзя найти других баб?

Трояновский ответил, что впервые слышит это имя. Шелепин ответил, что к самому Олегу Александровичу претензий нет, но он рекомендует порвать с этой женщиной. Олег Трояновский не был чужд радостей жизни, но других. Вечером он пересказал

разговор жене. Она не заподозрила мужа в неверности, но сразу почувствовала, что история весьма опасная для его репутации.

На следующий день встревоженный не на шутку Трояновский перезвонил Шелепину и повторил, что произошло недоразумение. Председатель КГБ уже недовольно заметил, что у него нет оснований сомневаться в точности имеющейся у него информации. А если Трояновский намерен упорствовать, то можно вместе сходить к Хрущеву и пусть Никита Сергеевич примет решение…

Это звучало уже как угроза.

Трояновский пошел советоваться к другим помощникам Хрущева. Григорий Трофимович Шуйский работал с Хрущевым с пятидесятого года, Владимир Семенович Лебедев — с пятьдесят четвертого. Оба рекомендовали младшему товарищу не бросать этого дела. Иначе в досье, которое лежит в КГБ, останется соответствующая запись, и в какой-то момент она сломает Трояновскому карьеру.

Григорий Шуйский как старший помощник Хрущева сам связался с председателем КГБ и попросил перепроверить информацию. Отказать влиятельному Шуйскому Александр Николаевич не мог.

Через несколько дней Шелепин позвонил Трояновскому и попросил зайти. В кабинете председателя КГБ находились начальник столичного управления госбезопасности и «испуганная девица весьма вульгарного вида». На очной ставке девица призналась, что с Трояновским незнакома, но в разговорах с друзьями называла его имя, как и имена других высокопоставленных персон, набивая себе цену…

На этом история закончилась, но Трояновский на всю жизнь запомнил, каких усилий ему, помощнику главы правительства, стоило добиться истины в отношениях с КГБ. Обычный советский человек был беззащитен перед тайной властью системы госбезопасности. В его досье делалась пометка, и ничего не понимавшего человека лишали работы — это как минимум.

Одного ответственного работника аппарата ЦК КПСС внезапно убрали со Старой площади. Он вернулся из отпуска, а на столе выписка из решения секретариата ЦК: «Освободить от занимаемой должности…» Много позже его начальник объяснил причину: спецтехника КГБ зафиксировала откровенный разговор этого сотрудника ЦК с проституткой. Сам по себе факт никого не смутил, но он, как это бывает с мужчинами после интимной близости, расслабился и похвастался, где работает и кого из сильных мира сего знает лично.

На свою неудачу цековец выбрал даму, постоянно

работавшую на спецслужбы. В принципе чекистов интересовали иностранцы, под которых ее и подкладывали. Аппаратчик же оказался случайной жертвой. Доложили начальству. Со Старой площади его убрали, но подыскали недурное место. Наказывали ведь не за аморальность, а за болтовню, за несдержанность, за то, что не сумел скрыть.

Любимая женщина главного революционера

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда прежде, какое большое место ты занимал в моей жизни.

Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась бы без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать?

Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Надеждой Константиновной. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала особенно дорога и близка лишь недавно. А я ее полюбила почти с первого знакомства. По отношению к товарищам в ней есть какая-то особая чарующая мягкость и нежность.

В Париже я очень любила приходить к ней, сидеть у нее в комнате. Бывало, сядешь около ее стола — сначала говоришь о делах, а потом засиживаешься, говоришь о самых разнообразных материях. Может быть, иногда и утомляешь ее».

Это единственное сохранившееся личное письмо Инессы Федоровны Арманд Владимиру Ильичу Ленину. Остальные письма она уничтожила. Такова была просьба Ленина. Он уже был лидером партии и думал о своей репутации. А она думала о нем и продолжала его любить:

«Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умерла бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил к Надежде Константиновне, я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только затем в связи с переводами и прочим я немного попривыкла к тебе.

Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал…»

Ленин был одним из самых знаменитых политиков той эпохи. Люди шли за него на смерть, горы сворачивали и правительства

свергали, расталкивали друг друга только ради того, чтобы увидеть его одним глазком. Наверное, он, став таким популярным, нравился и женщинам. Но только одна из них любила его так сильно, горячо и бескорыстно, так слушалась его во всем. И потому погибла.

«Ну, дорогой, на сегодня довольно. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Крепко тебя целую.

Я написала также Надежде Константиновне».

И это, пожалуй, самый интересный пассаж в письме. Выходит, жена знала о романе мужа с Арманд и не порвала не только с ним, но и с ней?

Вся жизнь Ленина с юности была посвящена революции. Если бы он не думал о ней двадцать четыре часа в сутки, он бы не совершил Октябрьской революции! Обратная сторона такой всепоглощающей целеустремленности — ослабленный интерес к противоположному полу, пониженное влечение. Словно сама природа помогала ему сконцентрироваться на чем-то одном. Это нередкое явление в политической истории.

Ему просто было не до женщин! Понадобился невероятно сильный импульс, чтобы пробудить в нем яркое чувство. В 1910 году в Париж приехала молодая революционерка Инесса Арманд, элегантная, жизнерадостная, необычная.

«Те, кому довелось ее видеть, — рассказывал современник, — надолго запоминали ее несколько странное, нервное, как будто асимметричное лицо, очень волевое, с большими гипнотизирующими глазами».

В ней удивительным образом сочеталась жажда революции с жаждой жизни. Это и привлекло Ленина! Просто красивые дамы его не волновали. А это было как удар молнии. Ему исполнилось тридцать девять лет, ей тридцать пять. Свидетели вспоминали: «Ленин буквально не спускал своих монгольских глаз с этой маленькой француженки…»

Страстная и опытная, она открыла Ленину новый для него мир наслаждений. Выплеснулась вся его нерастраченная страсть. Это оказалось почти так же увлекательно, как заниматься революцией.

Крупская на фоне Арманд проигрывала. Утратила женскую привлекательность, располнела и подурнела. Глаза у нее были навыкате. Недоброжелатели зло называли ее «селедкой». Крупская страдала базедовой болезнью. Лечили ее неправильно. Не знали тогда, что болезнь Базедова или Грэйвса — одно из

самых распространенных аутоиммунных эндокринологических заболеваний. Избыточная секреция щитовидной железы ведет к отравлению организма гормонами. Сейчас бы ей помогли, а тогда жена Ленина фактически осталась без медицинской помощи.

Ленин заботился о жене. Но чего не было, того не было: ни страсти, ни чувственных наслаждений. Все это он нашел в объятиях Инессы. Хотя были ли объятия, или же отношения остались платоническими?.. Вся эта история — загадка. Так или иначе Инесса Арманд стала настоящей и единственной любовью Ленина. Однако же Ленин не оставил жену даже в разгар романа с Арманд. А ведь это были самые счастливые дни его недолгой жизни. Тем не менее этой любовью он пренебрег.

Не имея детей, Надежда Константиновна посвятила ему жизнь. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя говорить, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям. И она в трудные для него годы отплатит ему сторицей.

Оценил преданность Надежды Константиновны? Не захотел бросить заболевшую жену после стольких лет брака? Заботился о своей репутации? Арманд смущала его свободой взглядов. Она считала, что женщина сама вправе выбирать себе партнера, а в этом смысле революционер Ленин был крайне старомоден. Он прервал любовные отношения, оставив только деловые. Попросил Инессу вернуть его письма, чтобы их уничтожить.

После Октябрьской революции Инессе Арманд нашли место в системе новой власти. Поручили провести первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Специально для нее в аппарате ЦК партии образовали отдел по работе среди женщин. Ей выделили большую квартиру на Неглинной, установили высоко ценимую высшими советскими чиновниками вертушку — аппарат прямой правительственной связи. Она стала самой влиятельной женщиной в Москве. Арманд подозревали в скрытом всевластии. На съезде Советов один из левых эсеров сказал:

— У императора Николая был злой гений — его жена Алиса Гессенская. Вероятно, и у Ленина есть также свой гений.

За это высказывание левого эсера немедленно лишили слова, усмотрев в его словах оскорбление председателя Совета народных комиссаров.

Она поехала отдыхать на Северный Кавказ. В сентябре 1920 года заразилась тифом и умерла. Смерть Инессы Арманд никому не принесла облегчения. Об избавлении от счастливой соперницы не было и речи. Ревность если и была, то осталась в далеком прошлом. Болезнь Ленина стремительно развивалась, и для Крупской худшее было впереди. На склоне лет Надежда

Константиновна уже не видела в Инессе Арманд удачливую соперницу и часто вспоминала эту яркую и темпераментную женщину. Да много ли в ее жизни было счастливых дней и месяцев? Совсем немного. Как и в жизни Ленина.

Кто знает, будь у него полноценная семья, дети, то революция, Гражданская война не оказались бы такими кровавыми? Впрочем, возможно, если бы у него нашлось желание проводить время в кругу семьи, заниматься женой и детьми, революции вообще бы не случилось.

Подружки Лаврентия Павловича

Когда был арестован член президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР, Маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия, собрали пленум ЦК, чтобы объяснить аппарату, в чем его вина.

Секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин, только что избранный на эту высокую должность, рассказал высшему чиновничеству о связях Берии с женщинами. Прямо на пленуме ЦК обильно цитировал показания начальника охраны Берии полковника Саркисова:

«Мне известны многочисленные связи Берии со всевозможными случайными женщинами… Берия сожительствовал со студенткой института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берии и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18—20-летней девушкой Лялей. От Берии у нее родился ребенок, с которым она сейчас живет на бывшей даче Обручникова. По указанию Берии я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов более 25 таких женщин. Год или полтора тому назад я совершенно точно узнал, что в результате связей Берии с проститутками он болел сифилисом».

На допросе полковник Саркисов описал, как все это происходило: «Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь заинтересовавшую его женщину. В таком случае он посылал меня, Надарая или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес или телефон. Я шел вслед за такой женщиной и старался разговориться с ней… Я говорил такой женщине, кто ею интересуется, и спрашивал, не хочет ли она что-либо передать… По его указанию либо сам ездил за ней, либо посылал его машину… Женщины на квартиру к Берии привозились, как правило, на ночь».

В феврале 1959 года полковника Рафаэля Семеновича Саркисова тоже посадят на скамью подсудимых. Он получит десять лет. Через год его освободят условно-досрочно.

Допросили и самого Берию.

Он не понимал, почему его спрашивают:

— Я легко сходился с женщинами, имел многочисленные связи, непродолжительные. Этих женщин ко мне приводили на дом, к ним я никогда не заходил. Доставляли мне их на дом Саркисов и Надарая. Были такие случаи, когда, заметив из

машины ту или иную женщину, которая мне приглянулась, я посылал Саркисова или Надарая проследить и установить ее адрес, познакомиться с ней и при желании ее доставить ко мне на дом.

— Вам предъявляется девять списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?

— Большинство женщин, которые значатся в этих списках, — это мои сожительницы, с которыми я имел непродолжительные связи. Эти списки составлены за ряд лет…

— Вы сифилисом болели?

— Я болел сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения.

Об альковных историях Берии ходило немало слухов. Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича Микояна, которая была знакома с Берией, вспоминает:

«Где-то в конце 40-х — начале 50-х годов в Москве, в числе многочисленных тайных романов у Берии возникла связь с юной девушкой — красавицей Лялей. Она родила дочь, и Берия дал ей имя своей матери. Позже маленькая Марта, став взрослой и красивой, в 70-х годах вышла замуж за сына члена политбюро брежневской эпохи Гришина».

Все эти истории были известны вождям, но до ареста Берии не имели ни малейшего значения. Сталин был снисходителен к мелким грешкам своих подданных. Разрешал им покуражиться, повеселиться — все, чего не позволял в политике. Ему, наверное, даже симпатичны были такие выходки. И подручные знали, что он разрешает им то, что не позволено прочим смертным.

Берия совершил чудовищные преступления. Но недавние товарищи по президиуму ЦК не знали, в чем его обвинить. В эпитетах недостатка не было: наглец, авантюрист, интриган, провокатор! Но за это не сажают. Члены президиума ЦК требовали судить Берию за антипартийную деятельность. Пришлось прокурору объяснять, что такой статьи в Уголовном кодексе нет. Тогда накажите за антигосударственную деятельность! Но за какую именно?

Берия был виновен в массовых репрессиях, но этой темы руководители боялись как черт ладана. На всякий случай его обвинили в изнасиловании, что в любом случае позволяло расстрелять Берию по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Так всегда делали в Министерстве госбезопасности: предъявляли обвинение сразу по нескольким статьям. Одно сорвется, другое останется. Предшественника Берии на посту

наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова по этой же причине обвинили в гомосексуализме.

Традиция сохранилась. Если в кого-то вцепились — не отпустят. Возбудили уголовное дело, ничего не подтвердилось, возбудили новое. Опять ничего не нашли — открыли третье… Прекращение дела, оправдание — недопустимый брак в работе. Никто не желает рисковать погонами и должностью.

Страсть к балеринам

В советском руководстве модным было увлечение балеринами. Заместитель наркома иностранных дел Лев Михайлович Карахан, красивый и приветливый человек, даже женился на одной из них. Будущая народная артистка СССР Марина Тимофеевна Семенова после брака с Караханом перешла из Ленинградского театра оперы и балета в Большой театр, где стала примадонной. Марина Семенова, по мнению композитора Тихона Николаевича Хренникова, была «самая выдающаяся балерина за все годы советского балета».

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин считал Карахана «очень тонким, блестящим, талантливым политиком» и, собираясь по болезни в отставку, прочил его на свое место. Но руководителем советской дипломатии Сталин сделал Максима Максимовича Литвинова. Тот своего зама недолюбливал.

В мае 1934 года с поста второго заместителя наркома Лев Михайлович был отправлен послом в Турцию. Карахан скучал в Анкаре. 31 декабря 1936 года написал наркому обороны Ворошилову, с которым был на «ты». Пожаловавшись, что в дипломатическом ведомстве перспектив у него нет, высказал пожелание перейти на другую работу: «Я все возвращаюсь мыслями к НКВД. Там я мог бы быть полезен. Там идет большая работа по иностранным делам, и я мог быть неплохим помощником Ежову».

Поразительно, что даже высшие чиновники так плохо ориентировались в том, что происходит. В НКВД Кара-ханом действительно заинтересовались. Его отозвали в Москву, арестовали и расстреляли. Но не за его увлечение женским полом…

Балеринами очень интересовался и секретарь ВЦИК Авель Софронович Енукидзе, которого Сталин очень привечал, пока не решил его убрать. И тогда вспомнили о его похождениях, которые прежде никого не смущали.

Политбюро утвердило адресованное членам ЦК сообщение «Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе». Авеля Софроновича обвинили в моральном разложении и прямом покровительстве «контрреволюционным группам», выявленным в аппарате правительственной библиотеки и комендатуре Кремля: «Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многих из этих

сотрудников тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал».

Не посвященные в кремлевские тайны и впрямь поверили, что Енукидзе наказан за «аморальное поведение». Правда, сочли это чересчур суровой карой за известный всей Москве интерес старого холостяка Енукидзе к красивым балеринам. Енукидзе в октябре 1937 года приговорили к высшей мере наказания по статье 58-8 Уголовного кодекса РСФСР (совершение террористических актов) и статье 58–11 (организационная деятельность, направленная на подготовку контрреволюционных преступлений) и сразу же привели приговор в исполнение.

А вот министру сельского хозяйства Ивану Александровичу Бенедиктову или военному министру Николаю Александровичу Булганину, которые практически открыто завели две семьи, вождь увлечение слабым полом в вину не ставил и замечаний не делал.

Хотя Сталину представили документы относительно министра сельского хозяйства: «Бенедиктов вел себя недостойно: на протяжении длительного времени имеет две семьи; при строительстве дачи для второй семьи, используя служебное положение, способствовал получению рабочей силы, транспорта и стройматериалов в подведомственных министерству организациях. Получил для второй семьи квартиру за счет жилплощади, предназначенной работникам министерства. Во время командировок и поездок на курорт допускал излишества в расходовании государственных средств».

Наказание? Министру рекомендовали «упорядочить семейный быт». Понятно, что Иван Бенедиктов до конца жизни оставался пламенным сталинистом. Какой еще руководитель страны проявил бы подобную снисходительность?

Что касается Булганина, то из всех сталинских соратников он, пожалуй, запомнился меньше других, хотя этот благообразный господин с бородкой был в какой-то момент самым близким к вождю человеком.

Булганин, гедонист, поклонник красивых женщин и ценитель хороших вин, был человеком нерешительным и в политике робким. Зато Николай Александрович в полной мере наслаждался жизнью. Во время войны фактически завел себе новую семью. Но разводы не поощрялись. Поэтому он жил с новой семьей, но, когда к нему приезжал кто-то из высшего руководства, вынужден был ехать на государственную дачу, где обитала старая семья, и вместе с женой принимать гостей. Опостылевшие друг другу супруги сидели рядом, но веселья не получалось.

Жена Булганина, Елена Михайловна Коровина, преподавала английский язык в школе. У Булганиных было двое детей, сын и

дочь. Вера Булганина, врач по профессии, вышла замуж за Виктора Кузнецова, старшего сына знаменитого адмирала Николая Герасимовича Кузнецова. Но брак распался.

Лев Булганин, летчик, воевал. После первых боевых вылетов его наградили редким тогда орденом Отечественной войны первой степени. Его сослуживец Степан Анастасович Микоян вспоминал, что молодому Булганину было неловко перед товарищами и орден он не носил. После войны Булганин-младший служил в испытательном научно-исследовательском институте военно-воздушных сил. Когда его отец попал в опалу, Льва Булганина из института убрали.

От других членов политбюро Николай Булганин отличался жизнелюбием. Его пристрастие к женскому полу было широко известно. Сталин такими мелочами не интересовался. В годы войны он еще больше расположился к Булганину. После войны Сталин сделал его министром вооруженных сил. В 1950-м Сталин утвердил Николая Александровича своим первым замом в правительстве. Булганину же доверялось в отсутствие вождя председательствовать на заседаниях бюро и президиума Совета Министров СССР.

При Хрущеве он руководил правительством, принимал иностранных гостей и ездил по миру. Но Никита Сергеевич хотел от него отделаться и вспомнил о его увлечении балеринами, что недостойно коммуниста-руководителя.

«Ряд товарищей, — вспоминал Хрущев, — говорили мне:

— Товарищ Хрущев, скажите Николаю Александровичу, пусть он квартиры артисткам не раздает, а тем более на новоселье к ним не ездит. Разговоров много нехороших по этому поводу идет!

Такой неприятный разговор был у нас с Булганиным на берегу Черного моря. Состоялось довольно бурное объяснение и по этому вопросу».

При первом удобном случае Хрущев лишил его высокой должности, вывел из президиума ЦК и даже лишил маршальских погон.

Тайное свидание

В 1950 году первым секретарем столичного горкома сделали Ивана Ивановича Румянцева, который большую часть трудовой жизни провел на заводе № 24 имени М.В. Фрунзе. Назначение было неожиданным для московского аппарата. Надо полагать, сыграло роль его производственное прошлое. Хрущев предпочитал не профессиональных партийных работников, а людей с производства. Мог директора совхоза сразу назначить министром сельского хозяйства. Никита Сергеевич быстро очаровывался и так же быстро разочаровывался, если его выдвиженец не оправдывал надежд.

Так что Иван Иванович Румянцев недолго продержался в кресле первого секретаря московского горкома. Повод расстаться с ним нашелся. Его карьеру — редкий случай — сломала не политика, не интриги, а дамская история.

Кто-то стал свидетелем интимной встречи первого секретаря МГК с женщиной (не женой!), хотя он надеялся остаться неузнанным — поднял воротник пальто, поглубже надвинул шляпу… Эту историю вынесли на пленум горкома, в сентябре 1952 года Румянцева с треском сняли и, понизив на много ступенек, отправили заместителем директора авиационного завода № 43.

А вот будущему генеральному секретарю Константину Устиновичу Черненко простили куда более вольное поведение. После войны он служил секретарем Пензенского обкома партии. На растущего партработника обратили внимание столичные кадровики. И в марте 1948 года состоялось решение секретариата ЦК — перевести Черненко в центральный аппарат.

Но решение отменили! Выяснилось: молодой партийный работник был чересчур активен на личном фронте, это смутило цековских кадровиков.

Считалось, что Константин Устинович был женат дважды. Его вторая жена, Анна Дмитриевна, рассказывала в интервью:

— Наш брак был счастливым. Костя ни разу не обидел меня ни словом, ни действием. По его взгляду, по его первой реакции я понимала, что он чем-то недоволен, и старалась поправить дело. Мы все прощали друг другу. А вместе прожили сорок два счастливых года.

И лишь сравнительно недавно в партийном архиве обнаружились совершенно неожиданные документы, их опубликовал журнал «Огонек». Началось все с письма, которое весной 1948 года член партии Нина Васильевна Кушнэр

адресовала Дмитрию Трофимовичу Шепилову. Со временем он станет секретарем ЦК партии, а тогда был заместителем начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Вот это письмо:

«Я знаю члена ВКП(б) Черненко Константина Устиновича с 1934 года и считаю необходимым сообщить в ЦК ВКП(б) следующее:

В 1934 году Черненко К.У. работал инструктором Новоселовского райкома партии Восточно-Сибирского края. Приехав на работу в этот же район в качестве заведующего РАЙОНО, я познакомилась с ним, и через несколько месяцев мы поженились.

Вскоре мне стало известно, что агроном района Елисеева Фаина родила ребенка и зарегистрировала на имя Черненко. В результате наших объяснений он мне сознался, что первую жену Нину он привез в Новоселово после демобилизации из армии, но вскоре отправил ее обратно к родителям. С Елисеевой он жил, находясь в командировке в одном из сельских районов, и поэтому вынужден был дать подписку прокурору района об уплате алиментов на ребенка.

В 1935 году нас перевели на работу в Уярский район Красноярского края, его заведующим отделом пропаганды райкома партии, меня заведующей парткабинетом. В 1936 году он резко меняет свое отношение ко мне. В 1937 году после смерти нашего ребенка он уходит на другую квартиру, оставляя меня в тяжелом состоянии. Весной 1937 года на закрытом заседании райкома партии обсуждали вопрос о поведении Черненко в семье. Было вынесено решение: записать Черненко строгий выговор и снять с работы заведующего отделом райкома партии. Я не знаю, утвердил ли Красноярский крайком партии выговор, но с работы он был снят и переведен на работу в Курагинский район Красноярского края.

Осенью 1937 года меня командировали на учебу в Высшую школу пропагандистов при ЦК ВКП(б). Будучи на учебе в школе, узнаю, что Черненко снова женился — на враче Левиной Марии Михайловне. По окончании школы в 1939 году я была командирована в распоряжение Хабаровского крайкома партии.

В конце 1939 года я получила письмо от его новой жены Левиной, в котором она извиняется передо мной и сообщает, что Черненко и ее оставил с ребенком. В 1943 году, когда я вернулась в Красноярск, Черненко уехал учиться в школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б). Родные его мне сообщили, что снова женился и живет с новой семьей в Пензе по месту работы.

Дополнительные данные:

Первая жена Нина, где живет, не знаю.

Вторая — Елисеева Фаина работает в одном из сельских районов Красноярского края.

Третья — Левина Мария Михайловна проживает в Москве.

Последняя жена проживает с ним в Пензе».

Заявление такого рода нельзя было списать в архив. Речь шла о партийном работнике, которого рекомендовали для службы в центральном аппарате. Пришлось проводить форменное расследование. Факты подтвердились.

Другой заместитель начальника управления пропаганды и агитации ЦК Константин Федорович Калашников подписал заключение: «Черненко в морально-бытовом отношении был крайне неустойчив и падок до женщин. Считаю нецелесообразным брать т. Черненко с такими «хвостами» в аппарат ЦК».

Дмитрий Шепилов, вернувшийся с войны в генеральских погонах, был высоким, красивым, интересным, всю жизнь в него влюблялись женщины. Им нравился его бархатистый, приятный голос. И он вовсе не был анахоретом. Но на него женщины в ЦК не жаловались. Шепилов доложил секретарю ЦК Михаилу Андреевичу Суслову: «Тов. Черненко К.У., сходясь с другими женщинами, бросал своих жен вместе с детьми».

Наказывать за это не стали, но решение секретариата ЦК о переводе Черненко в столицу было отменено — «падок до женщин». Константин Устинович вместо Москвы поехал в Кишинев, и не прогадал! Первым секретарем ЦК компартии Молдавии сделали Леонида Ильича Брежнева, которому Черненко понравился. Закончил свою карьеру Константин Устинович в кресле хозяина страны.

Последняя любовь маршала

Маршала Георгия Константиновича Жукова обвиняли в том, что он желал совершить военный переворот и захватить в стране власть. Генеральный секретарь Жуков? Почему бы и нет?

Но в русской истории последних ста лет маньяки, одержимые властью, не интересовались женщинами. Одно сильное желание вытесняет другое. А Георгий Константинович был счастлив не только на поле боя. Но и в любви. Женщины не могли противостоять его победительному напору. Женщин в его жизни было много. Так много, что у него возникали проблемы. Так чего же он хотел — власти или любви?

В 1919 году молодой красный командир Жуков лечился после ранения в лазарете в Саратове. Здесь обратил внимание на медсестру Марию Николаевну Волохову. Но потом уехал на фронт, и отношения прервались.

А в 1920 году он связал свою жизнь с Александрой Диевной Зуйковой. Александра родилась в деревне в Воронежской области, окончила гимназию и учительские курсы, преподавала. Помогала мужу осваивать науки. Познакомились, когда его эскадрон был отправлен в Воронежскую область. Ее зачислили в штаб эскадрона писарем. Александра Диевна родила ему двоих дочерей. Эра Георгиевна окончила МГИМО, кандидат юридических наук, работала в Институте государства и права (она была замужем за Юрием Александровичем Василевским, сыном прославленного маршала), Элла Георгиевна тоже окончила МГИМО и стала журналистом — работала в радиокомитете.

Летом 1923 года Жуков принял под командование 39-й кавалерийский полк в Минске. И вновь встретил Марию Волохову. Она тоже родила ему дочь — Маргариту Георгиевну Жукову. Выходит, в Минске он жил сразу с двумя женщинами, которые родили ему дочерей практически одновременно. Александра Диевна пожаловалась на мужа в партийную организацию. В конце концов Марии Волоховой надоели тайные отношения, и она оставила Жукова, уехала в Минеральные Воды, где вышла замуж…

Всю войну рядом с Жуковым была военфельдшер Лидия Владимировна Захарова. Ее включили в группу обслуживания Георгия Константиновича еще в дни битвы под Москвой. Этой темы как-то стеснялись. Но оторванные от своих семей солдаты и офицеры оставались мужчинами. Они жаждали женского внимания, ласки, нежности. Было на фронте такое понятие — «походно-полевая жена». Как правило, это были медсестры и

врачи.

Водитель Жукова Александр Николаевич Бучин вспоминал: «Военфельдшер младший лейтенант Захарова была прикомандирована к генералу армии Жукову. Многие люди в нашей группе за годы войны сменились, но Лидочка оставалась. Худенькая, стройная… И Георгий Константинович к ней крепко привязался. Несмотря на свой крутой нрав, к Лидочке относился очень душевно, берег. Но и она не отходила от него ни на шаг в любой обстановке. Даже когда шел на передовую, нас оставлял, а она шла с ним. Застенчивая, стыдливая, Лидочка не терпела глупостей, а Жуков иногда до слез ее доводил своими солдатскими выражениями».

Обычно военачальники предпочитали короткие интрижки без обязательств. Фронтовые подруги менялись. Но Лидия Захарова — рядом с Жуковым и после войны. Хотя отношений они не регистрировали, общих детей не было. Говорят, она дважды делала аборт… И вот что важно отметить. Она осталась рядом с ним, когда маршал оказался в опале, над ним сгустились тучи.

В 1946 году, публично унизив и оскорбив Жукова, Сталин лишил его должности главнокомандующего сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил. Его отправили служить во второстепенный военный округ. На пленуме вывели из ЦК. На даче провели обыск. Маршала свалил инфаркт.

Лидия Захарова поехала вместе с ним в Одессу. Жена пожаловалась на мужа.

Внук маршала Георгий (сын его дочери Маргариты) вспоминал: «В 1946 году Александра Диевна написала заявление в органы НКВД с просьбой убрать военфельдшера Лиду Захарову из Одессы. Убрать-то ее не смогли. Но тихо уволили из армии. Однако она не оставила дедушку, последовала за ним из Одессы в Свердловск, где и жила на квартире, которую он снимал специально для нее».

Арестованный адъютант Жукова дал показания, которых от него требовали. Обвинил маршала «в разврате с разными женщинами в служебных кабинетах во время войны, после чего он награждал их боевыми орденами».

12 января 1948 года Жуков оправдывался перед секретарем ЦК Андреем Александровичем Ждановым: «Я подтверждаю только один факт — это мои близкие отношения с Лидией Захаровой. Но она получала ордена и медали не от меня лично, а от командования фронта, наравне с членами команды, которая меня обслуживала в годы войны… Я вполне осознаю, что я виноват в том, что был с нею связан и она жила со мной».

Сталин снисходительно относился к похождениям военных. 6 июля 1942 года начальник Главного политуправления армии Александр Сергеевич Щербаков выступал на совещании политсостава. Говорил о моральном облике командира и политработника:

— Половая распущенность, разврат и нормальные человеческие отношения — вещи разные. Отрываться от земли и витать в облаках не следует. Если же сойдутся люди — командир с женщиной, чего здесь особенного? К чему устраивать переполох, зачем следить, а потом писать, заседать, преследовать? Надо строго следить за тем, чтобы не попала в среду командиров стерва-шпионка. Таких надо разоблачать и гнать. А если случилось — люди сошлись, незачем шумиху поднимать.

Так почему же маршалу Жукову были предъявлены эти обвинения?

Маршалы и генералы вернулись с войны победителями, в блеске славы. Не станут ли претендовать на более заметное место в жизни страны? Сталина это тревожило. Вот и решил указать им их место. Почему взялся за Жукова? Наверное, чувствовал в нем качества такого же прирожденного вождя, как и он сам. Природа щедро наделила полководческим талантом и Василевского, и Рокоссовского. Но у Жукова было нечто большее.

Из Одессы маршала перевели на Урал. Здесь его свалил микроинфаркт. И здесь он встретил женщину, которую будет любить до конца жизни. Эта любовь ему — как вознаграждение за перенесенные страдания.

Галина Александровна Семенова служила врачом в окружном госпитале, куда положили заболевшего командующего Уральским военным округом. И маршал Жуков влюбился. И не скрывал своих чувств.

В сентябре 1952 года Жуков писал Галине из Гурзуфа:

«До сих пор нахожусь под очарованием последней встречи с тобой, моя Галюсенька! Родная моя, как жаль, что нет здесь тебя. Мне не хватает тебя, без тебя я скучаю. Пусть тебя хранит моя любовь, моя мечта о тебе».

Когда Сталин умер, Георгия Константиновича немедленно вернули в Москву. Не очень популярная и не очень уверенная в себе власть спешила опереться на его авторитет. Он возглавил Министерство обороны. Начались лучшие годы в жизни маршала.

В 1953 году маршал Жуков перевел Галину Александровну Семенову, расстаться с которой не хотел, в Москву, устроил в военный госпиталь, дал квартиру на улице Горького.

Но вот безумие ситуации! Именно в этом году ему пришлось

зарегистрировать брак с Александрой Диевной. Он любит одну, а жить должен с другой. Почему? Его ждало высокое назначение — министром обороны, — и семейный скандал был не нужен.

Но любовь сильнее! В сентябре 1956 года Георгий Константинович и Галина Александровна вместе ездили в Болгарию, после чего и родилась дочь Мария Георгиевна. Однако же этот отдых дорого обошелся маршалу. Министр обороны отдыхал не с законной женой! Об этом доложили высшему руководству страны. И маршала опять стали отчитывать.

Жуков записал в дневнике:

«Можно сказать, что ни я, ни Галина в такой обстановке никогда не отдыхали. Мне было приятно, когда Галина радовалась хорошему отдыху, поездкам по Болгарии… Летели в Москву вместе на моем самолете. По прибытии в Москву мне позвонил глава правительства Булганин и сказал, что Никита неодобрительно высказался на президиуме ЦК о том, что я отдыхал в Варне вместе с Галиной. Это меня возмутило, и в горячке я по адресу Никиты высказал ряд резких слов, которые Булганин тут же постарался передать Хрущеву, с которым у меня вскоре состоялся на эту тему примирительный разговор. Никита сказал: «Я не возражаю против Галины, но рекомендую не торопиться».

Скорее всего, Хрущеву было все равно, с кем отдыхал Жуков. Но он уже задумался о том, как избавиться от министра обороны, и просто подыскивал удобный повод.

Зять Хрущева, главный редактор газеты «Известия» Алексей Иванович Аджубей, вспоминал, как за дружеским застольем министр обороны Жуков произнес здравицу в честь старого приятеля — председателя КГБ Серова, сказав при этом:

— Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!

Хрущев реагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко сказал:

— Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии.

Смысл этой реплики стал ясен позднее, когда Хрущев расстался сначала с Жуковым, а потом и с Серовым. Жукова, как более сильную фигуру, убрали с поля первым…

Устранив основных политических соперников, Хрущев опасался одного лишь Георгия Константиновича. Думал, а ну как маршал с его жестким характером и всенародной славой в какой-то момент захочет сам возглавить партию и государство? Хрущев не стал ждать, когда это произойдет. В октябре 1957 года снял Жукова с должности.

После отставки маршал пил снотворное горстями и спал.

Дочери вспоминали, что смотреть на него было невыносимо. Ему это дорого обошлось. Больше всего пострадали сердце и сосуды головного мозга. Он был исключен из политической и общественной жизни. КГБ держал маршала под постоянным контролем. Его по-прежнему боялись в Кремле, да еще и завидовали славе и всенародной любви. Его никуда не приглашали — ни на торжественные собрания, ни на парады. На даче установили аппаратуру прослушивания, записывались даже его разговоры с женой в спальне.

Развод с Александрой Диевной он получил только 18 января 1965 года. Ему исполнилось шестьдесят девять лет. 22 января оформил брак с Галиной Александровной. Жена Галина Александровна, терапевт-инфекционист Центрального военного госпиталя имени Н.Н. Бурденко, продолжала работать. Он ее вечером встречал у ворот, иногда заезжал за ней в госпиталь. Она была счастьем последних лет его жизни.

Личная жизнь маршала Победы нисколько не мешала ему исполнять свой долг перед родиной. Но по вине неблагодарной власти он чуть не полжизни провел в опале.

«Вы наша главная проститутка»

Весной 1955 года совершенно случайно в подмосковной Валентиновке вскрылось настоящее «гнездо разврата», где весело развлекался с женщинами легкого поведения главный партийный идеолог страны Георгий Федорович Александров, а с ним еще несколько чиновников, служивших по идеологическому ведомству.

Замечательный детский писатель Корней Иванович Чуковский записал в дневнике:

«Подумаешь, какая новость! Я этого Александрова наблюдал в санатории в Узком. Каждый вечер он был пьян, пробирался в номер к NN и (как говорила прислуга) выходил оттуда на заре. Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежественен, хамоват, вульгарно-мелочен. Нужно было только поглядеть на него пять минут, чтобы увидеть, что это чинуша-карьерист, не имеющий никакого отношения к культуре. И его делают министром культуры!..

В городе ходит много анекдотов об Александрове. Говорят, что ему позвонили 8 марта и поздравили с женским днем.

— Почему вы поздравляете меня?

— Потому что вы наша главная проститутка».

Георгий Федорович Александров еще до войны стал начальником управления пропаганды и агитации ЦК. По указанию Сталина его сделали членом оргбюро ЦК, которое ведало кадровыми вопросами. Во время войны в служебных бумагах, адресованных членам политбюро, Александров писал о необходимости очистить культуру от евреев, докладывал: «В искусстве преобладают нерусские люди (преимущественно евреи)». Осенью 1943 года знаменитую актрису Фаину Раневскую не утвердили на одну из ролей в фильме «Иван Грозный», потому что «семитские черты у Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

Курировал управление пропаганды ЦК член политбюро Андрей Александрович Жданов, недавний хозяин Ленинграда. Когда Сталин утратил расположение к нему, то подкоп под Жданова начался с атаки на его главного подчиненного — начальника управления пропаганды Александрова.

22 апреля 1947 года политбюро приняло решение провести дискуссию по книге Александрова «История западноевропейской философии». Как будто появление книги Александрова было таким крупным событием, что заслуживало внимания высшего органа власти в стране! Устраивал эту маленькую интригу сам

Сталин, который хотел, чтобы Александрова обвинили в идеологических ошибках, а то еще и в плагиате.

Николай Семенович Патоличев, тогда секретарь ЦК, вспоминал, как после долгой беседы в кабинете Сталина все встали и пошли к выходу. Вождь сказал:

— Патоличев, задержитесь.

Все ушли. Николай Семенович стоит у двери, ждет, что скажет вождь. А тот что-то на столе перебирает. Время идет. Патоличев думает: не забыл ли? Наконец Сталин оторвался от письменного стола, сделал несколько шагов и спросил:

— Скажите, Александров сам пишет?

Творческая манера Александрова, которого в 1946 году сделали академиком, была известна в Москве. Рассказывали, как он вызывал к себе талантливого молодого ученого и говорил ему примерно следующее:

— Тут звонили из госбезопасности, справлялись о вас… Плохи ваши дела. Единственное для вас спасение — срочно написать такую-то книгу.

Тот в панике пишет, Александров запугивает его вновь и вновь и в конце концов получает рукопись, на которой смело ставит свое имя и отдает в издательство…

В ходе дискуссии книгу Александрова признали негодной. Конечно же, книга была компилятивная, она создавалась с помощью ножниц и клея. Но раскритиковали ее, разумеется, не по этой причине, а потому что таково было мнение начальства. Александрова выставили из ЦК и отправили руководить Институтом философии Академии наук. Но после смерти Сталина сделали министром культуры.

Знаменитой балерине Майе Михайловне Плисецкой министр культуры Александров показался «невзрачным и тусклым человечком — вылитый Кот в сапогах». Она с удивлением всматривалась в министра, который «проводил темные московские ночи в сексуальных оргиях с молоденькими, аппетитными советскими киноактрисами. Разве откажешь любимому министру? По счастью, низкорослому, лысоватому философу любы были дородные женские телеса. Тощие, костлявые балеринские фигуры никаких вожделенных чувств у министра не вызывали. Большой балет остался в первозданной невинности».

Помимо Александрова среди посетителей тайного дома терпимости значились еще два крупных чиновника, служившие по ведомству идеологии, — Еголин и Кружков.

Член-корреспондент Академии наук Александр Михайлович Еголин после войны стал заместителем начальника управления

пропаганды и агитации ЦК.

3 июля 1949 года Корней Чуковский записал в дневнике:

«Воскресенье. Встретил на задворках Переделкина А.А. Фадеева. Он только что вернулся из Барвихи. Он обнял меня, и я обрадовался ему как родному. «А Еголин — скотина!» — сказал он мне ни с того ни с сего».

Руководитель Союза советских писателей Александр Александрович Фадеев был недалек от истины. В свободное от борьбы за линию партии время Еголин с использованием служебного положения зарабатывал большие деньги и затаскивал в постель молоденьких девиц.

«Еголин заработал несколько десятков тысяч рублей, — вспоминал прошедший войну философ Григорий Соломонович Померанц, — и в конце концов погорел, оказавшись акционером подпольного публичного дома. При другом режиме он был бы банщиком или половым в трактире и прожил умеренно честную жизнь (разве что попался б на мелком воровстве)».

Еще одним любителем непозволительных развлечений оказался член Центральной ревизионной комиссии ЦК и заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Владимир Семенович Кружков. Один из соавторов биографии Сталина, он был избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению философии.

Как показывает история, идеологическими кампаниями неизменно руководят самые растленные люди…

В аппарате ЦК КПСС подготовили письмо «О недостойном поведении тт. Александрова, Еголина и других», которое разослали для обсуждения в научных институтах Академии наук СССР.

Выяснилось, что вечеринки партийных идеологов — секрет Полишинеля.

Журнал «Коммерсант-власть» опубликовал докладную записку инструктора ЦК КПСС о ходе одного из собраний:

«В Институте нефти АН СССР член-корреспондент АН СССР Лавровский К.П. сообщил, что часто в санаторий Академии наук СССР «Узкое» к двенадцати — часу ночи на машинах приезжали Александров, Еголин, член-корреспондент АН СССР Иовчук и другие и шли в директорский кабинет, который к этому времени специально подготавливался. Затем через полтора-два часа туда же приезжали из Москвы машины с молодыми девушками. К семи часам утра вся эта компания, чаще всего в состоянии сильного опьянения, уезжала, и кабинет директора санатория «Узкое» сотрудниками санатория приводился в надлежащий вид».

Александров каялся и просил прощения. 4 марта 1955 года

обратился к Хрущеву: «Я глубоко виновен перед Вами, перед ЦК партии. Полностью понимаю и сознаю я всю глубину своего тяжелого проступка. За 27 лет работы в партии это моя первая большая ошибка в жизни. Мне пришлось прожить трудную жизнь. Отец мой — путиловский рабочий, сам я был в детских домах, и все, что я получил в жизни, — все мне дали комсомол и партия. Особенно тяжко сознавать, что мной утеряно Ваше и ЦК доверие, которые дороже всей жизни. Хочу сказать, что если мне будет дана возможность работы в науке, которой я посвятил все зрелые свои годы, то скромным и долгим трудом буду стремиться всею жизнью возвратить Ваше и ЦК доверие, честно и упорно работая, и никогда не допущу подобных проступков и ошибок перед партией».

К упомянутому в записке Михаилу Трифоновичу Иовчуку, недавнему секретарю ЦК компартии Белоруссии по пропаганде, претензий не было. Ему все простили. И он вскоре станет ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС — это была кузница партийных кадров.

А вся остальная компания, радовавшая себя ночными развлечениями за казенный счет, принадлежала к прежней команде. На Старой площади в ЦК обосновались новые люди и с удовольствием избавились от предшественников. Один клан сменил другой.

Александрова отправили в Минск научным сотрудником Института философии Академии наук Белоруссии. Кружкова сослали еще дальше, за Урал, главным редактором свердловской областной газеты «Уральский рабочий».

А вот пример обратного отношения к грехам по этой части.

Брежнев, возглавив страну, поставил во главе Казахстана Динмухамеда Кунаева, которого ценил и с которым дружил. А Кунаев сразу же избавился от несимпатичного ему своего второго секретаря.

Кунаев позвонил Брежневу и рассказал, что второй секретарь ЦК республики — Михаил Сергеевич Соломенцев «потерял авторитет перед общественностью и продолжать работать с подмоченной репутацией не может». Речь шла о романе Соломенцева с некой дамой, работавшей врачом в совминовской поликлинике. Они обычно встречались в гостинице, но однажды их застукал муж-милиционер и поколотил партработника.

Леонид Ильич сделал приятное другу и убрал из Казахстана Соломенцева, примирительно заметив Кунаеву:

— Если он неудачно поухаживал за одной женщиной, от этого социализм не пострадает. Мы его переведем на работу в другую область.

На отношение к Соломенцеву этот трагикомический эпизод не повлиял. Брежнев отправил его первым секретарем в крупную Ростовскую область. Через два года, в декабре 1966 года, Брежнев сделал его секретарем ЦК и заведующим отделом тяжелой промышленности. Спустя двадцать лет Соломенцев вернется в Алма-Ату в качестве представителя Кремля, чтобы усмирить студентов, восставших в декабре 1986 года против Геннадия Васильевича Колбина, присланного руководить Казахстаном из Ульяновска.

Завершил свою карьеру дважды Герой Социалистического Труда Соломенцев на посту члена политбюро и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, который следил в том числе и за моральным обликом коммунистов.

Точно так же решительно ничто не могло повредить министру сельского хозяйства СССР Владимиру Владимировичу Мацкевичу.

Брежнев дружил с Мацкевичем еще с послевоенных лет. В свое время первый секретарь Днепропетровского обкома наладил хорошие личные отношения с министром сельского хозяйства Украины Мацкевичем. Потом они сотрудничали, когда Брежнев работал в Казахстане. Мацкевичу многое сходило с рук.

В 1962 году министр охраны общественного порядка России генерал внутренней службы второго ранга Вадим Степанович Тикунов доложил в ЦК: «3 февраля с. г. около 20 часов в гостиницу «Москва» пришел в нетрезвом состоянии депутат Верховного Совета СССР, председатель Целинного крайисполкома Мацкевич В.В., который пытался завести к себе в номер студентку МГУ Ашурову, 1943 года рождения, находившуюся в холле 5 этажа. Дежурная по этажу и горничная вступились за Ашурову, за что Мацкевич оскорбил их нецензурной бранью».

История последствий не имела. Став главой партии, Брежнев произвел Мацкевича в союзные министры.

И вновь балерины

Зато для Николая Николаевича Месяцева, видной фигуры в советском руководстве, история с балериной стала поводом для крушения карьеры. В годы войны он служил в главном управлении военной контрразведки Смерш, после войны в следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности. Руководивший комсомолом Шелепин сделал его секретарем ЦК ВЛКСМ по идеологии. Андропов взял заместителем в отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Месяцев сразу присоединился к тем, кто в 1964 году решил убрать Хрущева, и в те октябрьские дни, когда шло заседание президиума ЦК, а затем пленум ЦК, его назначили председателем Госкомитета по телевидению и радиовещанию. Задача состояла в том, чтобы имя Хрущева исчезло из выпусков новостей. Три дня, пока решалась судьба руководства страны, Месяцев безвылазно сидел в телерадиокомитете, даже домой не ездил. На ближайшем съезде партии его избрали кандидатом в члены ЦК, сделали депутатом Верховного Совета.

Но он считался шелепинским человеком. А Брежнев побаивался Шелепина и его людей. В апреле 1970 года председатель Гостелерадио СССР Николай Николаевич Месяцев вернулся из командировки в Хабаровск. Встречавший его в аэропорту генеральный директор Центрального телевидения Петр Ильич Шабанов, в прошлом тоже комсомольский работник, отвел шефа в сторону и предупредил:

— Вас только что освободили от должности.

Месяцева пригласил к себе Брежнев. Поглядывая в окошко, он курил сигарету и хвалил за работу в Гостелерадио, затем объяснил, что нужно укреплять дипломатический фронт, поэтому, мол, посылаем послом в Австралию. Но это, дескать, назначение временное.

Два месяца новый посол стажировался в Министерстве иностранных дел, побывал в комитете госбезопасности и в военной разведке. «Разговоры носили сухой, формальный характер, — вспоминал Месяцев. — Я хорошо знал, что за мной приглядывают, каждый из своего угла, — таково задание «свыше».

Пребывание в Канберре в самом деле оказалось для Николая Николаевича недолгим, но вовсе не потому, что в Москве ему предложили новую должность. Он поехал в Австралию один, без семьи. Жена и дети остались в Москве.

«Он не сумел с честью выдержать испытание немилостью, —

пишет Борис Иванович Чехонин, тогдашний заведующий отделением ТАСС в Австралии. — Посол засыпал московских друзей просьбами помочь ему скорее вернуться в столицу. «Ты знаешь, — признавался он в минуту откровенности, — в Москве мне светит пост члена Верховного суда». Но официальная Москва молчала. И тогда полномочный представитель советского правительства не выдержал: начал злоупотреблять горячительными напитками и чересчур увлекаться женским полом».

И с Месяцевым обошлись невероятно жестоко: отозвали, уволили с работы и в августе 1972 года исключили из партии «за грубое нарушение норм коммунистической морали». На этом заседании Комитета партийного контроля при ЦК председательствовал сам член политбюро Арвид Янович Пельше.

«Меня обвинили в посягательстве на честь и достоинство женщины», — пишет в своей книге Николай Месяцев. По его мнению, причиной стали доносы, сооружавшиеся работниками комитета госбезопасности.

«Поползла пущенная КГБ зубодробительная легенда — отозван за попытку изнасилования в сиднейской гостинице приезжей советской балерины, — вспоминает Борис Чехонин. — Мы, работавшие в Канберре, ничего не слышали о подобном инциденте. Да и вряд ли у посла была такая возможность. Во время поездок по стране он, как правило, был не один. Его повсюду сопровождали лица, отвечающие за безопасность.

Да и с точки зрения секса у посла не наблюдалось проблем. Зачем пускаться в сомнительные авантюры с приезжими, когда все необходимое под рукой, тут же в посольстве?.. Практиковались совместные походы в сауну, где можно было полюбоваться стройными телами жен молодых дипломатов, выбрать то, что тебе приглянулось, и за стаканом виски перебросить мост к «неуставным отношениям» с очередной пассией».

В Гостелерадио Месяцева сменил Сергей Георгиевич Лапин. У Брежнева Лапин пользовался неограниченным доверием. Сергей Георгиевич наиболее важные разговоры начинал такой фразой:

— Я вчера обедал с Леонидом Ильичом…

После такого вступления возражать Лапину решался только тот, кто завтракал или ужинал с генеральным секретарем. Он руководил радио и телевидением пятнадцать лет, пока Горбачев не отправил его на пенсию.

Заменил сына

А вот управляющему делами ЦК КПСС Георгию Сергеевичу Павлову простили то, что дорого обошлось бы любому другому чиновнику.

Управляющий делами ЦК руководил всей империей распределения благ в Советском Союзе. В его империю входили спецбазы продовольственных и промышленных товаров, ателье, мебельные спеццеха и даже аффинажный заводик, где женам начальства делали золотые кольца и другие ювелирные изделия. Эта система существовала не только в Москве. Местные начальники занимали квартиры, как тогда говорили, «улучшенной планировки» или даже целые особняки. Им делали мебель в экспериментальных цехах мебельных фабрик буквально за копейки. Одежду шили в ателье по баснословно низким ценам.

Управление делами заведовало спортивно-оздоровительным комплексом в доме приемов на Ленинских горах. Он был предназначен для высшего партийного руководства, но сами престарелые члены политбюро ни плавать в бассейне, ни играть в теннис не были приучены. Здесь занимались спортом дети и внуки членов политбюро.

Прежде всего управляющий делами ЦК обслуживал генерального секретаря, и оценку его работе давала семья генсека — насколько он лоялен в самом широком смысле слова, сговорчив, уважителен, предупредителен. Управляющий делами ЦК был высокопоставленным слугой генерального секретаря, бытом которого он занимался лично, не смея перепоручить его заботам аппарата. Он занимался выделением квартир, машин и путевок членам семьи генерального секретаря. Квартиры и дачи генсеков обставлялись на партийные деньги.

— От управляющего делами многое зависело, например, какую дачу предложить, другие блага, — вспоминал бывший член политбюро Александр Николаевич Яковлев. — Одному — это можно дать, другому — то. Чтобы получить квартиру для родственников, надо было к нему идти на поклон. А мог и сам предложить: вот у вас сын уже взрослый или дочь, надо помочь с жильем…

Вся жизнь высокого партийного чиновника и его семьи зависела от управляющего делами и его аппарата. Он лечил, он и хоронил: организовывал похороны и выделял места на престижных кладбищах. Но порядок был такой. Все просьбы и пожелания членов политбюро, кандидатов и секретарей ЦК к управляющему делами выполнялись только после того, как

докладывались генеральному секретарю и тот давал разрешение.

Став членом политбюро или секретарем ЦК, человек сразу попадал в жестко очерченную жизнь высшего партийного функционера. Ему полагалась охрана, ЗИЛ с радиотелефоном и большая дача с обслуживающим персоналом: два повара, четыре официантки, два садовника. На даче — кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад. В какой-то момент приняли решение построить на дачах членов политбюро бомбоубежище на случай войны, чтобы сохранить жизни руководителей партии и государства, но потом отказались от этой дорогостоящей идеи.

Всем этим хозяйством (кроме охраны — это дело 9-го управления КГБ) ведало управление делами ЦК. И управляющий был влиятельной фигурой. С ним считались и секретари ЦК. Они от него зависели, не он от них.

Георгий Сергеевич Павлов стал доверенным человеком Брежнева. Получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. Депутатский значок Верховного Совета СССР, членство в ЦК. Ему многое прощалось. Рассказывают, что Павлов — женатый, разумеется, — влюбился в одну молодую женщину. У них начался роман. И чтобы прикрыть адюльтер, вроде бы Георгий Сергеевич уговорил своего сына жениться на этой женщине.

Сын работал за границей. А тайный роман невестки и свекра продолжался. Любовь, которая могла бы показаться запретной, не угасала. Когда у Павлова-старшего умерла жена, он решил узаконить отношения с любимой женщиной.

Георгий Сергеевич пошел к Брежневу и все ему откровенно рассказал:

— Так и так, мы любим друг друга.

Брежнев, сентиментальный по натуре, махнул рукой и благословил старого друга на новый брак:

— Ну, давайте.

Георгий Павлов развел сына и женился на своей бывшей невестке.

Стюардессы и медсестры

Брежнев был снисходителен и к другим, и к себе.

Леонид Ильич и Виктория Петровна прожили вместе больше сорока лет. Брежнев беспокоился о ней, даже после десятилетий совместной жизни не забывал делать подарки. Записывал в дневнике: «Отправил Виктории Петровне пять коробок конфет». «Подарок Виктории Петровне — ваза, за 120 рублей».

Любовь и уважение к жене не мешали Леониду Ильичу пользоваться успехом у женщин. Но эти мужские развлечения не вредили его семейной жизни. Он не придавал интрижкам никакого значения. И Виктория Петровна на мужа не жаловалась. Замечаний ему не делала. Возможно, предпочитала ни о чем не знать, полагая, что и у самого достойного мужчины могут быть свои слабости.

О его веселой жизни рассказов ходило немало. Заместитель председателя Комитета партийного контроля Сергей Осипович Постовалов вернулся с одного из первых заседаний секретариата ЦК, проходившего под председательством Брежнева, и рассказал:

— Удивил новый первый. Сказал сегодня: «Ну и работенку вы мне подкинули — некогда и к девкам сбегать!»

По словам Стефана Могилата, помощника председателя Комитета партконтроля, «скоро бегать первому секретарю и не пришлось. На очередных любовниц генсека в самом аппарате ЦК пальцем показывали».

Назывались имена то актрисы, то певицы, которых он дарил своим вниманием. Потом ситуация упростилась — в ход пошли те, кто под рукой, с кем не надо было тратить время на ухаживания — стюардессы, медсестры.

В сентябре 1971 года первому секретарю ЦК компартии Украины Петру Шелесту позвонил Брежнев, пригласил в Завидово на утиную охоту.

«Много говорили обо всем, меньше всего о делах, — записал Шелест в дневнике. — Много пили. После первого дня охоты, вечером, когда за столом изрядно выпили, Брежнев пригласил к столу какую-то девку — все время лизался с ней и буквально распустил слюни, а затем исчез с ней на всю ночь. На второй день охоты Брежнев взял к себе в лодку свою ночную спутницу. Подобные «эксперименты» он повторял каждый раз, на любой охоте. Каждый раз было противно смотреть на этот ничем не прикрытый разврат. А что скажешь? И кто может об этом сказать?»

В Соединенные Штаты Брежнев полетел без жены. Два дня с

ним провела стюардесса его личного самолета. Брежнев даже представил ее президенту США Ричарду Никсону, тот и бровью не повел, только вежливо улыбнулся и сказал ей:

— Берегите генерального секретаря.

Леонид Замятин рассказывал:

— К тем женщинам, которые вокруг него работали, он интереса не проявлял. Зато всякий раз, когда он куда-то летал, в экипаж включалась специальная стюардесса.

— Значит, кто-то в окружении Леонида Ильича занимался его интимными делами?

— Глава «Аэрофлота», — неохотно ответил Замятин.

Племянница генсека, Любовь Яковлевна Брежнева, дочь младшего брата, вспоминала, что Леонид Ильич увлекся медсестрой, которая была рядом с ним в последние годы.

Однажды председатель КГБ Юрий Андропов робко заговорил с Брежневым о том, что муж медсестры, которая ухаживает за генеральным секретарем, слишком много болтает. Может быть, есть смысл сменить медсестру? Имелось в виду, что между Брежневым и медсестрой возникли отношения, выходящие за рамки служебных, и это стало заметно.

Брежнев жестко ответил Андропову:

— Знаешь, Юрий, это моя проблема, и прошу больше ее никогда не затрагивать.

Глава четвертая. Дети

Что всегда определяло судьбу кремлевских детей? Гены? Случай? Родительское воспитание? Или должность отца и его способность как можно дольше на ней продержаться? Отбирали должность — исчезало все.

Когда Петр Ефимович Шелест перестал быть хозяином Советской Украины, в родном Киеве недавние прихлебатели, перешедшие на службу к новому хозяину, мстили прежнему. «Открепили моих от спецбазы, — записал Шелест в дневнике. — Подлецы, что они делают? Этого ведь ни забыть, ни простить нельзя».

Масштаб содеянного бывшими подчиненными невероятен. Родственники недавнего первого секретаря лишились возможности получать продукты со специальной базы. Система была такая: семьи секретарей ЦК составляли список того, что им нужно — от свежей клубники до икры, — и заказанное доставляли на дом. Столкновение с неприятными реальностями жизни было у Шелеста еще впереди. Вскоре его отправили на пенсию. И вот что произошло на следующий день: «Телефоны отрезали, газет не присылают, от продуктового магазина открепили, машину отобрали».

Сейчас стало легче. Должность могут отобрать, а деньги останутся. Поэтому и спешат приставить детей к прибыльному бизнесу.

Владимир Иванович Якунин — одна из самых заметных фигур в первой питерской команде Путина, работал у него в Главном контрольном управлении президентской администрации. Когда Путин стал главой государства, принял пост заместителя министра транспорта, потом возглавил Российские железные дороги.

О Якунине заговорили, когда летом 2013 года Алексей Анатольевич Навальный, создавший Фонд борьбы с коррупцией, рассказал о «бизнес-империи» главы РЖД и его родственников и о принадлежащем ему поместье площадью в семь гектаров в Подмосковье. Самое сильное впечатление произвело наличие особой комнаты для хранения шуб. Навальный окрестил ее шубохранилищем.

В 2015 году Владимир Якунин потерял свое место. Но заработанная им трудовая копейка осталась. Он долго сопротивлялся необходимости представлять декларацию о доходах, но принужден был подчиниться распоряжению правительства. Возможно, потому, что по официальным данным в

2014 году Якунин заработал почти два с половиной миллиона долларов.

Обозреватель Би-би-си, когда брал интервью у Владимира Якунина, удивился, что у бывшего главы Российских дорог такой дорогой дом в Лондоне — стоимостью в пять миллионов долларов:

— Большая сумма.

Якунин-старший, в свою очередь, поразился:

— Это что, сильно отличается от того, как здесь живут другие люди?

— Да, это, пожалуй, сильно отличается от того, как тут живет большинство людей, — заметил обозреватель Би-би-си.

Старший сын Якунина, Андрей, получил образование в Лондонской школе бизнеса и в Колумбийском университете и стал очень успешным предпринимателем. Его бизнес в основном в России, но ведет он его из Лондона. Пожелал быть подданным королевы Елизаветы II и получил британский паспорт. Младший сын, Виктор Якунин, работает у старшего брата.

Пока при должности, лучшее — детям. Эта формула — закон для вождей. Устройством безмятежной жизни своих детей занимались все сменяющие друг друга поколения правящего класса.

Вскоре после того, как большевики взяли власть под лозунгами всеобщей справедливости, принцип равенства при приеме на учебу был перечеркнут логикой жизнеустройства высшего начальства. На заседании политбюро постановили: «Признать необходимым облегчение условий поступления в вузы детей ответственных работников».

Все необходимое везли из-за границы. Федор Федорович Раскольников, бывший командующий Балтийским флотом, переведенный на дипломатическую работу, вспоминал, как в 1931 году он привез семье главы советского правительства Молотова подарки от их старинного приятеля Александра Яковлевича Аросева, полпреда в Чехословакии.

Раскольников созвонился с Вячеславом Михайловичем и доверху нагруженный картонками и свертками вошел в Кремль. Распаковав их, Молотовы откровенно обрадовались заграничным подаркам. Аросев прислал ткань на костюм для Вячеслава Михайловича, пальто для Полины Семеновны и — главное — детские вещи для дочери Светланы.

С восхищением разглядывая вязаный детский костюмчик, Полина Семеновна воскликнула:

— Когда у нас будут такие вещи?

— Ты что же, против советской власти? — шутливо перебил

ее Молотов.

Одной из высших ценностей в советском обществе стали поездки за рубеж. Руководители партии и правительства старались за границу выпускать только в случае крайней необходимости и только своих, проверенных. В дипломаты подбирали людей из глубинки, из партийно-комсомольского аппарата, чтобы дорожили своим местом и не сбежали. В 1938 году ввели правило: все работающие за границей должны проводить отпуск на родине, чтобы чекисты могли к ним присмотреться.

Дипломаты, командированные за границу, понимали, как им повезло, и старались на людях хаять страну пребывания и вообще заграничную жизнь. Они знали, что среди слушателей обязательно окажется секретный сотрудник госбезопасности, который бдительно следит за моральным состоянием аппарата полпредства. Если советскому дипломату нравилась буржуазная действительность и он не умел это скрыть, его быстренько возвращали на родину.

Потом в дипломаты стали пристраивать детей. Чиновники, прошедшие по всем ступенькам комсомольско-партийной карьеры, желали своим детям добра, поэтому подыскивали им работу, сулившую длительные загранкомандировки.

Постановлением Совнаркома в разгар войны, 31 августа 1943 года, в составе Московского университета образовали факультет международных отношений. А уже через год решением правительства факультет преобразовали в самостоятельный Московский государственный институт международных отношений, подчиненный Наркомату иностранных дел. МГИМО превратился в кузницу кадров МИД, здесь учились дети и внуки советской элиты.

Образовалась когорта детей высшего начальства, которая наслаждалась жизнью даже в самые трудные для страны времена. Время от времени возникала мысль о том, что нужно бы немного приструнить золотую молодежь, детей высокопоставленных работников, потому что, несмотря на цензуру, слухи об их похождениях быстро распространялись в обществе, а это компрометирует власть.

В августе 1955 года комиссия, которая по поручению президиума ЦК готовила предложения по борьбе с уголовной преступностью, составила проект письма всем партийным организациям — «О серьезных недостатках в воспитании детей»:

«ЦК КПСС считает недопустимым, когда в семьях некоторых руководящих работников партийного, советского и хозяйственного аппарата, видных представителей науки,

литературы, искусства дети плохо учатся и плохо ведут себя. Отдельные из таких родителей чрезмерно балуют дома детей, покупают им дорогие подарки: шелковые платья, часы, ценные вещи, подвозят в школу на служебных машинах, дают школьникам большие карманные деньги. Это наносит вред воспитанию подростков. Многие из них начинают пить, курить и безобразничать…

Воспитание ребенка в семье — не частное, не личное дело родителей. ЦК КПСС требует, чтобы вопросы воспитания подрастающего поколения, ответственности родителей за поведение своих детей постоянно были в центре внимания каждой партийной организации».

Но в президиуме ЦК, прочитав проект письма, решили не сосредотачиваться на детях начальства, а подготовить документ более общего характера: «Об усилении воспитательной работы среди молодежи и всех трудящихся».

Как строилась бытовая жизнь истеблишмента? Врачи всегда были под рукой — из Лечебно-санаторного управления Кремля. Что касается хлеба насущного, то с двадцатых годов сложилась система пайков для высшего чиновничества — еду им раздавали по символическим ценам. Первую столовую для высшей номенклатуры открыли в Кавалерском корпусе Кремля. В начале тридцатых ее перенесли на улицу Грановского, там обедало большое начальство.

Тогда же появились талончики на обед и ужин, чтобы продукты можно было брать домой и кормить семью. Филиал столовой лечебного питания открыли в Доме на набережной, еще один — для старых большевиков — в Большом Комсомольском переулке.

Советское общество было кастовым, как средневековая монархия.

«Все решала неписаная «табель о рангах», — описывала Раиса Максимовна Горбачева первые после переезда из Ставрополя в Москву впечатления от общения с членами семей тогдашнего советского руководства. — Первое, что поражало, — отчужденность. Тебя видели и как будто не замечали. При встрече даже взаимное приветствие было необязательным.

Поражало зеркальное отражение той субординации, которая существовала в самом руководстве. Я однажды выразила вслух недоумение поведением группы молодежи. Моей собеседнице стало плохо. «Вы что, — воскликнула она, — там же внуки Брежнева!»

В новой России перед детьми высокопоставленных руководителей открылась жизнь, которой еще не видывали.

Полеты на частных самолетах. Круизы на яхтах. Вечеринки в невероятно дорогих клубах и ресторанах… И должности! А родителям трудно возражать, когда окружающие находят так много достоинств в их детях.

Трагедия первенца

Надежда Константиновна Крупская признавалась:

— Я так хотела когда-то ребеночка иметь.

Уже в пожилые годы в разговоре с близким человеком повторяла с тоской в голосе:

— Если бы ты знала, как я мечтаю понянчить внука…

У Ленина и Крупской детей не было. Почему? Обычных в нашу эпоху анализов им не делали, так что точный ответ невозможен. Через два года после свадьбы, 6 апреля 1900 года, Ленин посетовал в письме матери: «Надя, должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения». Женские болезни опасны осложнением — бесплодием.

Уже в наши годы газеты даже посылали корреспондентов в литовский город Мариямполь на могилу капитана Красной армии Андрея Арманда. Краеведы клялись, что павший смертью героя в боях с немецко-фашистскими оккупантами и похороненный там в 1944 году гвардии капитан — внебрачный сын Инессы Федоровны Арманд и Владимира Ильича Ленина…

На самом деле Андрей Арманд — сын Инессы от ее любовника, брата ее мужа. К моменту встречи Инессы с Владимиром Ильичом мальчику уже было лет пять.

«Ленин, у которого никогда не было своих детей, горячо любил детей, — вспоминала Злата Лилина, жена Григория Зиновьева. — Мне Надежда Константиновна рассказывала, как Ильич привязался в ссылке к мальчику одного из товарищей и как тяжело ему было, когда отец отказался отдать мальчика Лениным, когда они должны были уехать из ссылки.

Мне пришлось наблюдать любовь Владимира Ильича к моему сынишке — Степе. Когда Степа родился, Владимир Ильич к нему долго присматривался и все спрашивал, почему он плачет. Когда Степа начал подрастать, ходить и говорить, между ним и Владимиром Ильичом установилась горячая привязанность. Владимир Ильич бурно, весело, с увлечением играл со Степой. Он никогда не уставал лазить под кровать и диван за мячом Степы. Он носил Степу на плечах, бегал с ним взапуски и исполнял все повеления Степы. Иногда Владимир Ильич и Степа переворачивали все вверх дном в комнате».

Однажды они гуляли с Владимиром Ильичом. Степа бежал впереди. Вдруг Ленин произнес:

— Эх, жаль, что у нас нет такого Степы…

Степу, которого так любил Ленин, Сталин в 1937 году

расстреляет. Как и его отца, Григория Евсеевича Зиновьева, давнего друга и соратника Владимира Ильича.

У Сталина было трое детей. Сына Якова родила первая, рано умершая жена Екатерина (Като) Сванидзе. Сына Василия и дочь Светлану родила покончившая с собой Надежда Аллилуева. Судьбы у всех — трагические.

Первая жена Сталина умерла в 1907 году, через два месяца после рождения сына. Сталину некогда было им заниматься. Когда Яков влюбился, отец запретил ему жениться. 19-летний юноша пытался покончить с собой — стрелялся. Остался жив, но пролежал в больнице три месяца. Сталин написал Надежде Аллилуевой: «Передай Яше от меня, что он поступил как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего».

Известна еще одна издевательская фраза, в сердцах брошенная отцом сыну после попытки застрелиться:

— Ха, не попал!

Яков Джугашвили окончил артиллерийскую академию в мае 1941 года и получил назначение в 14-й гаубичный артиллерийский полк 14-й танковой дивизии. 23 июня, на второй день войны, отправился на фронт. Отец повидать его не пожелал. Дивизию перебросили на Западный фронт. 11 июля немцы ворвались в Витебск. Сразу три наши армии оказались в окружении. Яков, как это делали многие, закопал документы, но 16 июля был взят в плен. Поспешил признать себя сыном Сталина, боясь погибнуть в лагере.

17 июля ему разрешили (или его заставили) написать отцу короткое письмо, которое по дипломатическим каналам попало в Москву:

«Дорогой отец!

Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии.

Обращение хорошее.

Желаю здоровья. Привет всем.

Яша».

Его фотографии с призывом сдаваться использовались в немецких листовках, которые разбрасывались над расположением советских войск:

«Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправилы уже сдался в плен».

Вождь был взбешен. Он требовал, чтобы красноармейцы сражались до последнего и предпочитали плену смерть, а

нелюбимый сын преподнес ему такой сюрприз!

Принято восхищаться фразой Сталина из многосерийного фильма «Освобождение», где на предложение немцев обменять его сына на взятого в плен немецкого военачальника играющий роль вождя актер многозначительно произносит:

— Я простого солдата на фельдмаршала не меняю.

Считается, что Гитлер пытался выручить попавшего в плен в Сталинграде командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, а Сталин ему отказал. На самом деле возникла идея обменять старшего лейтенанта Красной армии Якова Джугашвили на лейтенанта вермахта Лео Раубаля, племянника Гитлера, попавшего в плен в Сталинграде. Обмен был бы равнозначным: сына на племянника, лейтенанта на лейтенанта. Так что приписываемая Сталину фраза — миф. А вот нежелание спасти жизнь сыну — реальность.

Ленин бы на его месте поступил иначе. 17 декабря 1919 года Надежда Константиновна Крупская получила от жены своего двоюродного брата, Татьяны Филипповны Крупской, телеграмму с отчаянным призывом о помощи: «Надюша, Владимир Ильич, муж лежит в госпитале в Эстонии, сообщил бежавший коммунист, обмен пленных возможен, выручайте, дорогие. Жду ответа, послала заказное письмо».

Эстония к тому времени уже отделилась от России. Надежда Константиновна передала записку мужу: «С Григорием я говорила, но обмен пленными зависит, вероятно, не от него, скажи кому надо, чтобы выменяли Шуру на эстонца».

Григорий — это Григорий Евсеевич Зиновьев, в ту пору хозяин Ленинграда и всего Северо-Запада. Крупская приписала имя-отчество своего родственника: «Александр Александрович, имя жены его: Татьяна Крупская, адрес: Мариенбург Петроградской губернии. Мариенбургская ул., дом 4».

Ленин, желая спасти родственника, обратился к человеку, чью надежность и исполнительность высоко ценил, — к Эфраиму Марковичу Склянскому, заместителю Троцкого в Реввоенсовете Республики и Наркомате по военным и морским делам:

«т. Склянский!

Это — родственник моей жены. Кому и как дать телеграмму (составьте проект)».

Советская власть пустила в ход все рычаги, и родственника Надежды Константиновны вызволили из неволи. 5 марта 1920 года Александра Крупского освободили. Ленин написал торговому уполномоченному РСФСР в Эстонии Исидору Эммануиловичу Гуковскому, недавнему наркому финансов: «Благодарю за Крупского, его отправьте в Гатчину».

Дети Александра Александровича Крупского всегда были на особом положении. Сын двоюродного брата Надежды Константиновны — Михаил Александрович Крупский по рекомендации Ленина поступил в инженерное училище, на флоте дослужился до вице-адмирала. А племянница Крупской работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Сталин мог спасти сына, и в этом не было бы ничего дурного. Обмен пленными — нормальная практика. Не захотел выручить из беды ни своего сына, ни других красноармейцев, попавших в плен по его же вине. Советское руководство сознательно отказалось от любой возможности облегчить жизнь оказавшимся в неволе красноармейцам. А первенца он, похоже, просто не любил. Как-то раз довольно зло сказал о Якове:

— Его ничто не спасет, и стремится он ко мне, потому что ему это выгодно.

Сталину не нравилась и невестка. Когда Яков попал в плен, его жену арестовали. Вождь велел разобраться с невесткой: не причастна ли она к сдаче сына в плен? Безумное предположение…

Яков Иосифович Джугашвили погиб в лагере — он бросился на колючую проволоку и был застрелен часовым.

Василий Сталин, узнав, что старший брат в плену, презрительно заметил:

— Вот дурак — не мог застрелиться.

Явно повторял чьи-то слова. Отцовские?

Генерал Сталин

Лишенный нормальной семьи, тепла и ласки, Василий Сталин воспитывался сталинской охраной. В нем рано проявились наглость и заносчивость, нежелание чему бы то ни было учиться и привычка наслаждаться жизнью. Благо он был одним из немногих в стране, кому это позволялось. До смерти отца его окружали подхалимы и собутыльники.

Летом 1948 года Василий стал командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Ему было всего двадцать семь лет. В мае 1949 года отец произвел его в генерал-лейтенанты. Наполеоновская карьера… Присвоение высокого звания стало поводом для бесконечных пьянок.

9 декабря 1950 года начальник Лечебно-санаторного управления Кремля профессор Петр Иванович Егоров доложил Сталину:

«Считаю своим долгом доложить Вам о состоянии здоровья Василия Иосифовича.

Василий Иосифович страдает истощением нервной системы, хроническим катаром желудка и малокровием. Причиной указанных заболеваний является чрезмерное злоупотребление алкоголем.

16 ноября с. г. у Василия Иосифовича внезапно (дома, около часу ночи, во время просмотра кинокартины) развился эпилептический припадок — полная потеря сознания, общие судороги мышц тела, прикус языка и выделение из полости рта пенистой жидкости… К сожалению, за последние семь — десять дней Василий Иосифович вновь стал много пить, и в связи с этим снова появились симптомы резкой интоксикации (отвращение к пище, похудение, повышенная раздражительность, плохой сон).

Убеждения и требования врачей прекратить употребление спиртных напитков ни к чему не привели. Прошу Вашего содействия».

27 июля 1952 года проходил парад в Тушино по случаю праздника воздушного флота, им по должности командовал Василий Сталин. Вел себя по-хамски с офицерами, обругал главнокомандующего военно-воздушными силами страны.

Сталин-старший разгневался. Снял Василия с должности. Велел учиться в Академии Генерального штаба. Но тот на занятия не ходил, пил на даче. 21 декабря он приехал поздравить отца с днем рождения, но, по словам сотрудников охраны, разговор не получился. Василий вернулся к бутылке.

А тем временем группу арестованных врачей обвинили во

вредительском лечении детей Сталина — Василия и Светланы. На Лубянке следователь Министерства госбезопасности допрашивал заведующего терапевтическим отделением Кремлевской больницы академика Владимира Никитовича Виноградова:

— Вы привлекались к лечению Василия Иосифовича и наносили своими преступными действиями вред его здоровью. Станете ли вы отрицать это?

— Я имел отношение к лечению Василия Иосифовича начиная с тридцатых годов. Однако его здоровью я не вредил. В послевоенные годы у Василия Иосифовича наблюдалось психическое заболевание. Несмотря на то что он неоднократно находился на излечении в санатории «Барвиха», его здоровье все же ухудшилось, и в последнее время заболевание обострилось, наблюдалось сильное психическое расстройство.

— Но следствию известно, что именно вы усугубляли заболевание Василия Иосифовича. Говорите, как было в действительности…

Так продолжалось, пока отец не умер, а Василия Сталина не арестовали…

За что его посадили? После смерти вождя все изменилось, но Василий Иосифович продолжал разговаривать с руководителями страны так, как привык. Прилюдно сказал о министре обороны:

— Убить его мало!

Слова Василия записывали и доносили руководству партии.

Во Владимирской тюрьме сына вождя держали под фамилией Васильев. Он, совсем еще молодой человек, сильно болел — видимо, на почве неумеренного употребления горячительных напитков. Да и советская тюрьма быстро разрушает здоровье. Его выпустили, потом опять посадили.

— Василий Сталин — это антисоветчик, авантюрист, — говорил Михаил Андреевич Суслов, член президиума и секретарь ЦК. — Надо пресечь его деятельность, отменить указ о досрочном освобождении и водворить его обратно в заключение.

— Василий Сталин — государственный преступник, — согласился Алексей Николаевич Косыгин, член президиума ЦК и заместитель Хрущева в правительстве. — Его надо изолировать.

Тюремный срок кончился — сослали в Казань. Он долго не получал паспорта, потому что от него требовали изменить фамилию на Джугашвили, а он наотрез отказывался. Наконец местный КГБ с ним сторговался. Василий требовал дать квартиру побольше, увеличить пенсию и выделить ему машину. Москва согласилась с его требованиями.

На свободе Василий Сталин прожил меньше года. Постоянно выпивал. 14 марта 1962 года к нему домой пришел преподаватель

Ульяновского танкового училища. Выходец из Грузии, он принес с собой большое количество красного вина. Трехдневный запой привел к алкогольной интоксикации, и сердце Василия Сталина не выдержало.

Он умер сравнительно молодым, потому что неразумно распорядился своей жизнью. Правда, виноват он в этом только частично: угораздило же его родиться в семье, где никто не был счастлив и не мог дать счастья другим.

Дочка вождя

Когда-то Светлане Сталиной завидовали миллионы. Люди в мечтах представляли себе ее фантастически счастливую жизнь. Как далеки они были от реальности!

Ей было всего шесть лет, когда ее мать, Надежда Аллилуева, застрелилась. Светлана оказалась в полнейшем одиночестве. Дочь вождя была лишена друзей и подруг, радостей общения с людьми. В детстве она была любимицей отца. Потом дочь стала его раздражать: то ли он разочаровался в девочке, то ли окружающие ему опротивели.

Она страдала и подсознательно искала мужчину, который бы не только подарил ей свободу, но и был бы в какой-то степени похож на отца. Не потому ли все браки Светланы оказались неудачными и быстро распадались? Ни один из ее мужчин не принес ей подлинного счастья. Но и ее мужчинам пришлось несладко. Человек, которого она полюбила первым, десять лет провел в местах не столь отдаленных.

С известным сценаристом Алексеем Яковлевичем Каплером, которого люди старшего поколения помнят как замечательно ведущего «Кинопанорамы» на первом канале советского телевидения, ее познакомил брат Василий. Он привез Каплера на дачу. Это были ноябрьские праздники. Они танцевали модный тогда фокстрот. Ей так хотелось с кем-нибудь поговорить откровенно! И перед ней был человек, готовый ее слушать.

Алексей Каплер в начале двадцатых годов был эстрадным танцором, играл в театре, работал режиссером-ассистентом в театральных мастерских известного украинского режиссера Леся Курбаса. Потом стал писать сценарии для кино. По его сценариям поставлены такие фильмы, как «Три товарища», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Полосатый рейс», «Человек-амфибия». Он получил Сталинскую премию первой степени и орден Ленина…

Между ними была разница в двадцать два года. Светлана еще училась в школе. Каплер приходил к ее школе, стоял в подъезде соседнего дома. Подойти боялся. Сотрудники первого отдела НКВД, ведавшие охраной руководителей партии и правительства, неотступно следовали за дочкой вождя.

Потом уже они вместе ходили в Третьяковку, в театры. Гуляли по заснеженной Москве. Он приводил Светлану в просмотровый зал Комитета кинематографии на Гнездниковском переулке, показывал ей новейшие американские фильмы. Ей запомнилась лента «Белоснежка и семь гномов» Уолта Диснея.

Потом Каплер улетел в Сталинград. Однажды в «Правде» Светлана прочитала статью военного корреспондента Каплера, написанную в форме письма с фронта любимой женщине. Она сразу поняла, что это послание адресовано именно ей. Статья заканчивалась словами: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля…»

Светлана испугалась, что и отец все поймет. Она не знала, что все ее телефонные разговоры прослушивались и записывались. Начальник сталинской охраны генерал Власик приказал предупредить Каплера, что ему лучше уехать подальше от Москвы. Но тот влюбился по уши и не внял предупреждению.

14 декабря 1942 года начальник управления пропаганды и агитации ЦК Георгий Александров представил секретарям ЦК докладную записку:

«В сегодняшнем номере газеты «Правда» опубликован антихудожественный рассказ А. Каплера «Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда». От начала и до конца рассказ заполнен ходульными, шаблонными, затертыми, как стертая копеечная монета, словами.

Письмо обращено к любимой девушке, но у автора рассказа не нашлось ни одного яркого слова или образа для передачи чувства лейтенанта Л. к самому близкому другу. Из трехсот строк письма об этом можно прочитать только две-три надуманные и легкомысленные фразы… Все остальное в письме — посредственные рассуждения, заимствованные из заурядной и трафаретной газетной корреспонденции…

В целом рассказ А. Каплера антихудожествен.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) считает необходимым указать редколлегии «Правды» на то, что она допустила ошибку, опубликовав этот рассказ.

Проект постановления ЦК ВКП(б) по этому поводу прилагается».

На следующий же день секретариат ЦК принял специальное решение:

«Редакция газеты «Правда» поступила неправильно, опубликовав антихудожественный рассказ А. Каплера «Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда», в котором явно неправдиво и надуманно выведены действующие лица и их отношения друг к другу».

В последний день февраля 1943 года у Светланы был день рождения. Ей исполнилось семнадцать лет. Они с Каплером пошли в пустую квартиру ее брата Василия возле Курского вокзала. Конечно, не одни — вместе с неизменным сотрудником охраны, который сидел в соседней комнате. А 3 марта 1943 года

Каплер был арестован как английский шпион и осужден к пяти годам лагерей. В 1948 году его арестовали вновь и приговорили еще к пяти годам ссылки.

Тяжелый, деспотичный характер Сталина не позволял ему примириться с тем, что дочь уже взрослая и имеет право на собственную жизнь, на любовь. Но желание Светланы вырваться на свободу только усилилось. Едва ей исполнилось восемнадцать лет, вышла замуж за одноклассника своего брата — Григория Иосифовича Морозова. Ей хотелось обрести близкого человека, хоть кого-нибудь, кто будет ее любить и думать о ней…

Отец не хотел видеть ее с зятем. Только когда она развелась, пригласил ее летом вместе отдохнуть. Она вновь вышла замуж — за партийного работника Юрия Андреевича Жданова, сына члена политбюро. Попав в семью главного идеолога страны, Светлана была потрясена обилием сундуков, набитых «добром», и вообще сочетанием показной, ханжеской «партийности» с махровым мещанством. Принято восхищаться аскетизмом высших советских чиновников. Это иллюзия, просто их жизнь протекала за высокими заборами, чекисты надежно оберегали «скромный быт» начальства от посторонних глаз.

Член политбюро Жданов руководил Ленинградом и в блокадные годы, которые обитатели Смольного пережили иначе, чем остальные жители города. Писатель-фронтовик Даниил Александрович Гранин, работая над «Блокадной книгой», был потрясен, узнав, что руководителям города, где люди умирали от голода каждый день, в спеццехе пекли ромовые бабы, которые назывались «венскими пирожными». И строго соблюдали рецептуру: на килограмм муки два стакана молока, семь яиц, полтора стакана сахара, триста граммов масла, двести граммов изюма, ликер и ромовая эссенция… Эта же кондитерская фабрика снабжала Смольный шоколадом.

После XX съезда Светлана встретилась с вернувшимся из ссылки кузеном Иваном Сванидзе (племянником первой жены Сталина). Сванидзе лишился родителей в одиннадцать лет — отца, считавшего, что они со Сталиным не только родственники, но и близкие друзья, расстреляли в 1938 году — как «немецкого шпиона» (он работал торгпредом в Германии), а мать, оперную певицу, и сестру расстреляли в 1941-м. Иван Сванидзе и Светлана Аллилуева сошлись. Но две истерзанных души не могли дать покоя и утешения друг другу.

Светлана вышла замуж за индийского коммуниста. Раджи Бридж Сингх жил в Москве и работал переводчиком в Издательстве иностранной литературы. Опять не повезло. Муж — он был значительно старше — умер у нее на руках. Завещал

похоронить его на родине. Светлана попросила разрешения исполнить его последнюю волю. Светлану скрепя сердце отпустили. Правда, в сопровождении двух чекистов. Но те не уследили.

7 марта 1967 года дочь Сталина пришла в американское посольство в Дели и попросила политического убежища. В Соединенных Штатах засела за книгу воспоминаний «Двадцать писем к другу». Нарисовала портрет отца, который повсюду видел врагов: «Это было уже патологией, это была мания преследования от опустошения, от одиночества… Он был предельно ожесточен против всего мира».

Она писала не столько об отце-преступнике, сколько о своей жизни, полной жесточайших потерь и горчайших разочарований и утрат. Близость к власти может дать человеку комфорт и показное уважение, но не делает человека счастливым. В восьмидесятых годах она вернулась в Советский Союз. Ее первый муж Григорий Морозов ей помогал. Евгений Максимович Примаков, который дружил с Морозовым, полагает, что Светлана рассчитывала на возобновление отношений. Но было поздно… Она не смогла здесь обосноваться и вновь покинула родину — на сей раз навсегда.

Яблоко от яблони

Большевики Сергей Яковлевич и Ольга Евгеньевна Аллилуевы с дореволюционной поры дружили со Сталиным. Помогали ему, когда он отбывал ссылку в Туруханске, приютили, когда он в 1917-м приехал в Петроград. В 1918 году Сталин женился на младшей дочери Аллилуевых Надежде. Но родственников он, мягко говоря, недолюбливал.

Главный редактор издательства «Художественная литература» Александр Иванович Пузиков вспоминал, как однажды к нему в кабинет вошла женщина средних лет, представилась:

— Я Аллилуева, Анна Сергеевна, сестра Надежды — жены Сталина. До войны вышла книга нашего отца, старого большевика, и я хотела бы ее переиздать. Это воспоминания о революционной работе, о партии, о товарищах.

Посетительница уселась на стул рядом и по-свойски пожаловалась на вождя:

— Обращались к нему, но он и пальцем не пошевелил. Трудный человек! Я и Светлана отправились навестить его на озеро Рица. Два дня прождали, пока соблаговолил нас принять. Все-таки дочь и сестра жены. Прожили двое суток в гостинице. С тех пор как умерла Надежда, потерял к нам всякий интерес.

Пузиков, понимая, какой рискованный разговор затеялся, промямлил, что у Иосифа Виссарионовича много дел.

— Занят-то он занят, но нельзя забывать и о дочери. У нее свои проблемы, свои заботы, и весьма серьезные, жизненные. Что это за отец, который поступает с дочерью, как с посторонним лицом? Понимаю Надежду. Как ей было тяжело жить с таким человеком!

Посетительница привстала:

— Спасибо. Вы уж простите меня за откровенность. Накопилось.

Анна Сергеевна Аллилуева сама взялась за перо. В 1946 году в издательстве «Советский писатель» вышла ее небольшая книжечка. Старшая сестра покойной Надежды описала молодого Сталина, который в 1917 году жил в их квартире. Она думала, что сделает вождю приятное. И промахнулась. Сталин пришел в крайнее раздражение. Для всех советских людей он уже был богом, а свояченица позволила себе описать его живым человеком с не очень симпатичными чертами. «Правда» откликнулась разгромной рецензией.

Помимо всего прочего Анна Аллилуева была вдовой видного

чекиста комиссара госбезопасности 1-го ранга Станислава Францевича Реденса. Бывший секретарь Дзержинского, он руководил столичной госбезопасностью. В 1938 году впал в немилость. Его отправили наркомом внутренних дел в Казахстан, через несколько месяцев арестовали, обвинили в шпионаже на панскую Польшу и в январе 1940 года расстреляли.

Своей книгой Анна Аллилуева напомнила о себе. В 1948 году ее арестовали. Особое совещание МГБ приговорило ее к пяти годам тюремного заключения. А через четыре года Особое совещание пересмотрело ее дело и увеличило срок до десяти лет. Если бы не смерть Сталина, она бы на свободу не вышла.

Ее сын Владимир Станиславович Аллилуев уже в наше время составил родословную Аллилуевых — Сталиных и написал книгу «Хроника одной семьи». В книге масса любопытного. Нет только одного — сочувствия к несчастным родителям и попытки понять, почему у него отняли сначала отца, а потом мать.

Его отца расстреляли, когда мальчику было всего пять лет. Ему было тринадцать, когда посадили его мать. От отца, которого он почти не помнит, осталось только судебное дело. Но мальчик сохранил наилучшие воспоминания о детстве и отрочестве. Ни Сталин, ни система, при которой можно расстреливать невинных людей, по мнению автора, в смерти его отца не виноваты. Система вообще была замечательная:

«В те годы торговля работала исправно, надежно, цены снижались, одно время в столовых хлеб даже подавался бесплатно, люди видели, что жизнь их постоянно улучшается… Система обеспечивала людям надежную жизнь, страна двигалась вперед».

Это суждение подкреплено личным опытом автора. Несмотря на расстрел отца, будущего автора книги и его семейство не лишили ни кремлевской поликлиники, ни так называемой столовой лечебного питания, которую обычно именовали кормушкой, ни машин из правительственного гаража — «линкольнов» и «мерседесов», а после войны ЗИС-110. Жили в известном Доме на набережной. Квартира пятикомнатная, примерно сто квадратных метров, с удовольствием вспоминал Владимир Аллилуев. Лето проводили на сталинской даче. В аспирантуру его устраивал адъютант Василия Сталина, который объяснил ректору МГУ, кто есть кто. При этом автор искренне уверен, что «образ жизни у нас был, как мне кажется, вполне демократичным… Тогда действительно считалось неприличным жить лучше других».

Сталин оставил автора без отца, но дал взамен незабываемое чувство причастности к высшей власти. Если в книге и есть герой,

то это Иосиф Сталин. Автор и не замечает, как странно звучит такая фраза: «После гибели отца, уже после войны мы с мамой также любили бывать в театрах. В Большом театре, помню, сидели в сталинской ложе».

Незабываемы секунды, когда на будущего автора обращал внимание сам великий человек. Увидев маленького Аллилуева, Сталин сказал его матери:

— Ну вот, за такого сына с тобой и помириться можно!

А отец уже расстрелян…

«Больше всего Сталин тогда уделил внимания нам, детям, о многом расспрашивал, шутил, поддразнивал. За ужином все время подбрасывал мне в тарелку кусочки печенья, апельсиновой кожуры. Мы смеялись, повизгивали от восторга».

Первой воспоминания о кремлевском детстве написала Светлана Аллилуева. Пожалуй, ее литературный опыт и по сей день остается самым удачным: книга была откровенной и серьезной. Правда, больший успех выпал на долю более поздней книги Сергея Хрущева — благодаря умело закрученному, почти детективному сюжету. Хрущев-младший положил начало литературе оправданий, когда кремлевские дети взялись защищать честь отцов. Андрей Маленков в книге «О моем отце Георгии Маленкове» уверял, что Георгий Максимилианович не имел отношения к репрессиям, напротив, пытался остановить Берию. Серго Берия, которому после расстрела отца пришлось носить материнскую фамилию, в книге «Мой отец — Лаврентий Берия» исходит из того, что его отец только и делал, что спасал людей.

Желание не замечать грехи отцов по-человечески понятно. Но Владимир Аллилуев, пожалуй, первым взялся защищать не убитого отца, а того, кто приказал его убить. Его мать, Анна Аллилуева, отсидела шесть лет. Она вернулась домой в ноябре 1953 года другим человеком, тяжело страдая от психического заболевания.

С истории о юном пионере Павлике Морозове, который донес на отца, началось воспитание в советском обществе традиции доносить на самых близких. В годы Большого террора комсомольский аппарат по всей стране принял участие в большой кампании, когда детей заставляли отрекаться от арестованных родителей.

Пионерка, отца которой критиковали на работе, восклицала в отчаянии:

— Как же я с ним жить буду, если он не исправится?

Всем нравилось! Но если вдуматься, как отвратительно настраивать детей против родителей…

Сталин и его подручные превратили страну в полицейское государство. Они развратили людей, добились того, что приличные, казалось бы, граждане, спасаясь от страха или за деньги, квартиру, поездки за границу, а то и просто в надежде на благосклонность начальства доносили на родных, соседей и сослуживцев.

И разрушили одну из величайших ценностей — семью, разорвав святые отношения между родителями и детьми, между мужем и женой. Такие настроения сознательно культивировались.

Один из видных руководителей партии и государства Георгий Леонидович Пятаков просил наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова разрешить ему лично расстрелять бывшую жену, которую арестовали как врага народа. А жена Пятакова вообще не имела никакого отношения к политике! Она была начальником цеха на Московской гидроэлектростанции. Вскоре самого Георгия Пятакова тоже арестовали и расстреляли.

Какое растление! Какое уничтожение всего человеческого! Сталин и сталинисты методично уничтожали то, что сейчас называется традиционными ценностями. И как трудно остаться человеком в этом океане безумия! Когда сама система воспитывает только чрезмерную готовность приспосабливаться. Конечно, в ревущей от счастья толпе страшно отойти демонстративно в сторону. Отстраниться. Сохранить хладнокровие. Промолчать. Не участвовать в подлых делах. Кто не жил в тоталитарном обществе, тот не поймет, как это невыносимо трудно — сохранять самостоятельность, оставаться иным, чем остальные. Но на этих людях держится страна. И это стало ясно в войну.

В самые трудные недели обороны Москвы на пленуме горкома партии член Военного совета Московского военного округа дивизионный комиссар Константин Федорович Телегин жаловался:

— К сожалению, в судебной практике мы имеем за это время только три случая, когда родственники выдали дезертиров…

На партийном собрании столичной комендатуры заместитель коменданта Москвы по политической части бригадный комиссар Федор Гаврилович Филинов призывал:

— Мы должны правильно построить взаимоотношения с общественностью, которая может дать тот или иной сигнал. Там, где это хорошо поставлено, мы имеем такие заявления граждан в райкомендатуру: мать родная заявила на сына, что он дезертир, брат о брате сообщает. Это и есть не что иное, как величайшее патриотическое чувство.

Оборона Москвы — одна из самых драматических глав

Великой Отечественной. И вот что потрясает. Начальники с высоких трибун призывали мать доносить на сына — как язык-то повернулся такое сказать! — а потом драпали.

Когда большие начальники позорно бежали из столицы, другие сказали себе: «Это мой город, немцы войдут в него только через мой труп». Они занимали боевые позиции по всей Москве, в самом центре, на улице Горького… На фронт ушли вчерашние школьники, те, кого упрекали, что не доносят на близких, белобилетники, те, кто не имел военной подготовки, кого врачи признали не годными к военной службе по состоянию здоровья.

Они ушли на фронт и погибли. А те, кто произносил эти речи, выжили. Они были нужнее в тылу — на партийной, комсомольской, чекистской работе. Тех не стало, а эти свои представления о жизни понесли дальше, призывая посадить хоть родную мать, если она отклонится от линии партии и правительства…

После войны с санкции Сталина соорудили дело мнимой «юношеской антисоветской организации». Арестовали среди других двоих детей члена политбюро Микояна — шестнадцатилетнего Вано и четырнадцатилетнего Серго. Анастас Иванович не посмел вступиться за детей. Его сыновья просидели на Лубянке полгода. Потом год ссылки. Отбыли ее в Сталинабаде (Душанбе) и вернулись в Москву.

Казалось, все в прошлом. Но вдруг Сталин поинтересовался у Анастаса Ивановича:

— А где твои сыновья, которые были осуждены?

Микоян объяснил, что старший учится в Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, а младший — в Институте международных отношений.

— А достойны ли они учиться в советском высшем учебном заведении? — с угрозой в голосе спросил Сталин.

По словам старшего сына Микояна, Степана Анастасовича, отец «был уверен, что теперь его детей немедленно исключат, а может быть, и арестуют (это был период новой волны репрессий). Но, видимо, Сталина что-то отвлекло, и он забыл об этом».

Для Анастаса Микояна семья имела огромное значение. Он сам занимался воспитанием детей, и все выросли достойными людьми. Степан, летчик-испытатель, стал генералом и Героем Советского Союза. Владимир, военный летчик, погиб под Сталинградом. Алексей, тоже военный летчик, дослужился до генерал-лейтенанта. Иван — стал инженером-конструктором, Серго — доктором исторических наук.

Сын Жданова

Сын второго человека в партии Андрея Александровича Жданова, Юрий Андреевич, в 1941 году окончил Московский государственный университет, получил диплом химика-органика. Но по специальности поработать не удалось. Проницательные кадровики сразу разглядели в сыне влиятельного отца политические таланты.

Во время войны Жданова-младшего зачислили инструктором в политуправление Красной армии, которым руководил Александр Сергеевич Щербаков, выдвиженец Жданова-отца. Летом сорок третьего перевели в только что образованный отдел ЦК ВКП(б) по связям с зарубежными компартиями.

В 1945 году Юрий Жданов ненадолго вернулся ассистентом на химический факультет университета, где защитил кандидатскую диссертацию. Осенью 1947 года Жданова дважды приглашал к себе на беседу Сталин, отдыхавший на Холодной речке, недалеко от Гагр. После этой беседы Юрий Андреевич в двадцать восемь лет стал заведовать сектором естественных наук в управлении пропаганды и агитации ЦК партии.

По распределению обязанностей между секретарями ЦК Жданов-старший курировал управление пропаганды и агитации, то есть сын работал под руководством отца. Жданов нравился Сталину. После войны он перевел Андрея Александровича из Ленинграда в Москву. Поручил ему председательствовать на заседаниях оргбюро и руководить работой секретариата ЦК. Это и означало, что он стал вторым — после Сталина — человеком в партийной иерархии. На ужинах, которые устраивал Сталин, он сажал рядом с собой Жданова и назначал его тамадой. Правда, всякий раз говорил ему, когда и за кого пить, а иногда и буквально диктовал текст тоста.

А в какой-то момент Сталин потерял к нему интерес и захотел от него избавиться. Вождь постоянно менял кадры. И для Жданова настало время уйти. Как раз личных претензий к нему не было. Он просто оказался лишним в политической игре.

Хрущев вспоминал:

«Все обедали у Сталина и дообедались до такой степени, что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит:

— У вас есть своя квартира.

И буквально выпроводил его».

Сталину не сложно было избавиться от кого угодно. Трудность состояла в том, что имя Жданова было связано с

проведенными им крупными идеологическими акциями, которые нельзя было подвергать сомнению — они определили духовную атмосферу в стране после войны. Если бы его посадили, пришлось бы выбросить в корзину громкие постановления о литературе, музыке, кино. Смерть же Жданова решила все проблемы.

Жданов-старший, тяжелый сердечник, скончался в санатории. А младшего Жданова вождь оставил в аппарате ЦК. Семья Жданова продолжала жить в кремлевской квартире. В апреле 1949 года Светлана Аллилуева с благословения отца вышла замуж за Юрия Жданова, он усыновил ее ребенка от первого брака. Впрочем, династический союз оказался недолговечным.

Но молодой Жданов не утратил расположения тестя, поэтому ему прочили большую карьеру. В 1952 году его утвердили заведующим отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК, на XIX съезде, как и Шелепина, избрали членом ЦК КПСС. Его многообещающую партийную карьеру погубил не развод, а смерть бывшего тестя в следующем марте.

Беседу с ним провели сразу три секретаря ЦК — Михаил Андреевич Суслов, Петр Николаевич Поспелов и Николай Николаевич Шаталин. Суслов поинтересовался:

— Где вы работали до аппарата ЦК?

— Был ассистентом в Московском университете.

— Видимо, вам целесообразно туда вернуться, — констатировал Суслов.

Но оставлять его в столице не хотели. Через неделю Жданова вызвали вновь, и Петр Поспелов сделал ему иное предложение:

— ЦК считает, что вам следует получить опыт местной партийной работы. Было бы полезно поработать в отделе науки Челябинского или Ростовского обкома.

Юрий Андреевич выбрал Ростов, где и остался. Больше его не трогали.

Сын Берии

В 1922 году Лаврентий Павлович Берия познакомился с будущей женой — Ниной Теймуразовной Гегечкори, дворянской дочкой. В 1917 году ее отца убили, девочку воспитывал двоюродный брат. Первый ребенок четы Берия умер. Второй — Серго Лаврентьевич — станет конструктором ракетных систем.

Нина Берия перед войной поступила в Москве в аспирантуру Тимирязевской академии, защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. После войны она стала болеть, муж регулярно отправлял ее лечиться в ставшую социалистической Чехословакию, в Карлсбад (ныне Карловы Вары).

Серго Берия женился на Марфе Максимовне Пешковой, внучке Горького.

Корней Чуковский 12 июля 1953 года записал в дневнике: «Мне вспоминается сын Берии — красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный; я видел его у Надежды Алексеевны Пешковой. Что теперь с его надменностью, холеностью, спокойствием? Где он? Говорят, Марфа беременна. Дикая судьба у горьковского дома: — от Ягоды до Берии — почему их так влечет к гепеушникам такого — растленного — образа мыслей, к карьеристам, перерожденцам, мазурикам?»

Нина Теймуразовна Берия в отчаянии написала письмо Хрущеву:

«Двадцать шестого числа этого месяца, около 12 часов ночи забрали моего сына с семьей (беременная жена на седьмом месяце и двое детей — одной пять лет, другой два с половиной), и с тех пор не знаю, где они! У меня никого нет. Я не знаю, что мне делать. Если я еще дня три останусь в таком неведении, я сойду с ума. Умоляю вас, позовите меня, спросите что-нибудь, скажите мне что-нибудь!

Прошу вас разрешить мне разделить судьбу Лаврентия Павловича, какова бы она ни была. Я ему предана, верю ему как коммунисту, несмотря на всякие мелкие шероховатости в нашей супружеской жизни — я люблю его. Я никогда не поверю в его сознательное злонамерение в отношении партии, не поверю его измене ленинско-сталинским идеям и принципам. Я только прошу пощадить моего сына Сергея».

Жену Берии в начале июля 1953 года тоже арестовали.

В конце ноября 1954 года президиум ЦК решил судьбу сына и вдовы Берии: их отправили на административное поселение. Серго Лаврентьевич Берия лишился своей фамилии: у него

отобрали все документы и выписали новые на материнскую фамилию. Лишили научного звания, пришлось ему начинать жизнь заново.

Серго Берия занимался системой противоракетной обороны Москвы. Он был несомненно одаренным человеком, хотя грозное имя отца сыграло решающую роль в его стремительной карьере. В его бывшем конструкторском бюро рассказывали, как он собирал представителей заводов, спрашивал, когда они поставят необходимое оборудование. Все жаловались на кучу проблем, объясняли, как трудно исполнить заказ. Серго вызывал секретаршу и как бы между прочим просил:

— Соедините с Лаврентием Павловичем.

Испуганный представитель завода вскакивал:

— Не надо звонить Лаврентию Павловичу! Я сейчас понял, что мы можем все сделать еще быстрее!..

Дети Маленкова

В отличие от настоящих властолюбцев Георгий Максимилианович Маленков находил время для семейной жизни. Любил читать детям вслух. Оборудовал на даче настоящий физический кабинет для детей с микроскопом, телескопом, электромоторами, магнитами. Детей учил музыке и французскому языку.

Учение не пропало зря. Андрей Маленков стал профессором-биофизиком, Георгий Маленков-младший защитил диссертацию по физической химии. Воля Маленкова преподавала композицию в Строгановском художественном училище.

Дочь Волю он выдал замуж за Владимира Шамберга, сына Михаила Абрамовича Шамберга, своего старого товарища и сослуживца. Они дружили еще со времен совместной учебы в Высшем техническом училище имени Н.Э. Баумана. Михаил Шамберг был правой рукой Маленкова в ЦК, так он и воспринимался в партийном аппарате. В годы войны Георгий Максимилианович сделал его заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК.

Роман Владимира Шамберга и Воли Маленковой завязался еще в юные годы, никто и не сомневался, что они соединят свои судьбы. Жили они вместе с Маленковыми в их квартире на улице Грановского (ныне Романов переулок). Владимир Шамберг поступил в аспирантуру Института экономики Академии наук СССР.

Когда после войны вспыхнула антисемитская кампания и начались гонения на евреев, Маленков позаботился о том, чтобы брак дочери с молодым Шамбергом был молниеносно расторгнут. Это произошло в один день. Владимир Шамберг рассказывал, как он вернулся домой и горничная передала ему конверт с запиской от Воли. Жена сообщала мужу, что они должны расстаться. Он пытался найти ее и поговорить, но она не захотела. В полной растерянности он ушел к родителям.

Охранники Маленкова привезли его вещи. 12 января 1949 года начальник личной охраны Маленкова отвез его в московский городской суд, оформил развод, забрал паспорт и выдал новый — без следов регистрации брака с дочкой Маленкова. Любовь и дружба ничто, когда речь идет о карьере и о расположении вождя.

Почему Георгий Максимилианович так торопился?

Через неделю, 18 января, из партии исключили дедушку Владимира Шамберга (по материнской линии) — Соломона Абрамовича Лозовского, члена ЦК, заместителя министра

иностранных дел и начальника Совинформбюро. В конце января Лозовского арестовали. На свободу он не выйдет — его расстреляют вместе с другими членами Еврейского антифашистского комитета. 31 января решением секретариата ЦК бывшего друга и свата Маленкова Михаила Шамберга выставили из аппарата ЦК и отправили в Кострому заместителем председателя облисполкома.

Дети и зять Хрущева

Надо заметить, что у Никиты Сергеевича Хрущева была счастливая семья, и этим он отличался от многих других советских руководителей. Хрущев — редкость среди членов политбюро — был многодетным отцом. Леонид Хрущев, военный летчик, погиб на фронте, его вдову арестовали, а их дочь Хрущевы взяли к себе и воспитывали ее как дочь.

Время от времени рассказывают, будто сын Хрущева, Леонид, военный летчик, не то попал в плен к немцам, не то убил человека, и Никита Сергеевич чуть ли не ползал на коленях, вымаливая у вождя прощение.

Ничего этого не было. Историки и сослуживцы подтверждают: Леонид Хрущев в 1943 году был сбит в воздушном бою и погиб, хотя тело его тогда не удалось найти, как и останки многих солдат и офицеров Красной армии, которые числились без вести пропавшими. Командующий 1-й воздушной армией генерал-лейтенант Сергей Александрович Худяков написал Никите Сергеевичу: «С глубоким прискорбием сообщаю Вам печальную весть. Ваш сын, летчик 18-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии старший лейтенант Леонид Никитович Хрущев 11 марта 1943 г. не возвратился с боевого задания».

Два десятилетия спустя Хрущева приглашали в часть, где служил его сын, — это 18-й гвардейский истребительный авиационный Витебский дважды краснознаменный ордена Суворова полк. В составе полка сражалась в военные годы эскадрилья французских летчиков «Нормандия — Неман».

Сергей Хрущев в 1958 году окончил Московский энергетический институт. Он интересовался автоматикой и хотел работать в конструкторском бюро Николая Алексеевича Пилюгина, занимавшегося разработкой систем управления ракетными комплексами. Но его переманил к себе Владимир Николаевич Челомей.

Он вошел в историю как один из создателей советского ракетно-ядерного оружия. Различие между ним и Королевым состоит в том, что Сергей Павлович «знал одной лишь думы власть», с юности мечтал о космических полетах и всю жизнь упрямо шел к этой цели, а Челомей точно так же мог бы преуспеть и в других областях науки и техники.

Личный опыт показал Челомею, как важна поддержка сильных мира сего. И он неустанно завоевывал себе друзей наверху. Это многим не нравилось. Челомея ценили, уважали, но

любили, похоже, немногие. Не нравилось умение устраивать свои дела и ловкость в общении с начальством. Успехи Челомея многие связывают с тем, что у него работал сын Хрущева Сергей Никитич.

В том же году, когда младший Хрущев пришел в конструкторское бюро Челомея, самого Владимира Николаевича избрали член-корреспондентом, на следующий год он стал генеральным конструктором, получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда и Ленинскую премию. В 1962-м Челомей стал академиком, в 1963-м его наградили второй «Золотой Звездой». Конкуренты и завистники говорили, что награды Челомею принес Сергей Хрущев.

Неверно полагать, что младший Хрущев просил отца: дай нам то или другое. Аппарат делал все сам, зная, что у Челомея работает сын хозяина. Наверное, обаятельный и обходительный Челомей не упускал случая сказать Никите Сергеевичу, какой у него замечательный и одаренный сын. И сердце Хрущева таяло, ему было приятно… Но главное состояло в том, что в определенном смысле они были родственные души. Никита Сергеевич буквально бредил ракетами. А Челомей их создавал. Идеи у него были грандиозные.

Когда отца сняли, Сергей Никитич Хрущев тоже лишился любимой работы. Челомею он больше не был нужен. Сергей Никитич сделал огромное дело — уговорил отца диктовать воспоминания. Четырехтомные заметки Никиты Сергеевича — бесценный источник по истории Отечества. И сам Сергей Никитич стал писать, и его книги пользуются большим успехом.

Рада Никитична Хрущева всегда держалась скромно. Никто бы и не подумал, что она дочь хозяина страны. Она прожила достойную жизнь и была счастливым человеком, несмотря на все испытания. И она вовсе не похожа на детей других высокопоставленных начальников. Всю жизнь работала в журнале «Наука и жизнь», заведовала отделом биологии и медицины, потом стала заместителем главного редактора. Решив, что журналистского образования недостаточно, окончила биологический факультет Московского университета.

Известный ученый Николай Петрович Шмелев, женившийся на внучке Хрущева, вспоминал, как однажды дома у первого секретаря ЦК КПСС вспыхнул скандал из-за «народного академика» Трофима Лысенко, который с благословения руководства страны травил ученых-генетиков. Спровоцировала его Рада. Она спросила отца, не опасается ли он, что разгром генетики может оказаться столь же пагубным, как и запрет кибернетики при Сталине.

«Никита Сергеевич, — вспоминал Шмелев, — мрачнел, багровел, огрызался, как затравленный волк, от наседавшей на него со всех сторон родни, что-то несвязное такое возражал… А потом как грохнет кулаком по столу! Ни до, ни после я его таким больше не видел никогда».

Рада хлопнула дверью, уехала и неделю не приезжала к родителям… Она была принципиальным человеком, не поступалась своими убеждениями и очень достойно прошла по жизни, доказав своим примером, как можно избежать любых соблазнов.

Рада Никитична рассказывала, что даже не особенно сожалела о выходе отца на пенсию в октябре 1964 года:

— Это даже к лучшему. Программа Хрущева исчерпала себя, дальше придет молодая команда и пойдет дальше…

Только потом поняла, как изменилась их жизнь. Никита Сергеевич предупредил семью:

— Что дальше будет, неизвестно, могут арестовать, могут пенсии лишить.

Мужу Рады отставка Хрущева точно сломала жизнь.

На второй курс отделения журналистики филологического факультета Московского университета Алексей Иванович Аджубей перевелся из Школы-студии Художественного театра. Веселый, обаятельный, яркий, компанейский, артистичный, хорошо одетый, он был на пять лет старше вчерашних школьников. В него влюбилась юная Рада Хрущева, дочь первого секретаря ЦК компартии Украины.

Мать Аджубея, Нина Матвеевна Гупало, модная портниха, которая работала в закрытом ателье и обшивала тогдашнее московское высшее общество, была встревожена: не сломает ли эта любовь карьеру ее сына? Времена были еще сталинские, сегодня Хрущев — член политбюро и в фаворе, а завтра…

Но любовь закончилась свадьбой.

Ходила тогда такая шутка: «Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей».

Шутка не имела отношения к реальности.

Они родили троих детей и хранили прекрасные отношения, пока были вместе на этой земле. Алексей Иванович всегда ласково и нежно относился к жене. Рада Никитична стала ему надежной опорой.

Это была очень необычная пара. Рада Хрущева с трудом переносила бурный образ жизни мужа, который после работы привозил домой коллег и они до утра веселились и выпивали. Аджубей был человеком богемы, любил компании, ни в чем себе не отказывал. Такой яркий человек не мог не пользоваться

успехом у женщин. Рассказывали, что из-за какой-то дамы у Аджубея вышел разлад с замечательным певцом Марком Бернесом. И главный редактор мстил более удачливому в любви Бернесу злыми газетными фельетонами…

При таком различии характеров Рада Никитична и Алексей Иванович счастливо жили и в те трудные годы, когда и Хрущев, и Аджубей потеряли работу.

Студентом Алексей Аджубей пришел стажером в отдел спорта «Комсомольской правды» и стал главным редактором. Причем этому быстрому возвышению он был в равной степени обязан и высокому положению тестя, и собственным талантам. Аджубей был прирожденным газетчиком и все свои должности занимал по праву. Как выразилась одна его сотрудница, «он любил газету, как женщину». Другое дело, что не будь он зятем Никиты Сергеевича, едва ли его карьера оказалась бы такой быстрой.

Прочный тыл позволял Аджубею делать то, что непозволительно было другим. Он мог позвонить тестю и по-домашнему представиться:

— Никита Сергеевич, это Алеша.

Присутствовавшие при разговоре испытывали непреодолимое желание встать и вытянуться в струнку. Конечно, такой звонок решал вопрос, который остальным был не по зубам. Но очень многое Аджубей делал на свой страх и риск. Хрущев одобрял отнюдь не все новации своего зятя.

Родственные отношения с Хрущевым не спасали Аджубея от всех неприятностей. Некоторые члены президиума ЦК, возмутившись очередным номером «Комсомолки», снимали трубку «вертушки» и звонили главному редактору:

— Товарищ Аджубей, в чьих интересах вы напечатали статью в сегодняшнем номере?

И Алексей Иванович не знал, что последует за этим выговором: не позвонит ли разгневанный член президиума ЦК самому Хрущеву? И не разозлится ли Никита Сергеевич на своенравного зятя, который создает ему лишние проблемы, и не скажет ли: подберите-ка ему другую должность, менее заметную?

Поэтому Аджубею приходилось ладить и с большим начальством, и с аппаратом ЦК, который тоже способен был нагадить главному редактору газеты. Но у него было еще одно преимущество: он знал, как Хрущев относится к тому или иному чиновнику, поэтому на злой вопрос мог уверенно и даже с вызовом ответить:

— Эта статья опубликована в интересах советской власти.

И собеседнику оставалось только в сердцах бросить трубку

«вертушки».

Хрущев и Аджубей были в чем-то похожи: тот же взрывной темперамент, та же склонность к новым, революционным идеям и готовность немедленно, ни с чем не считаясь, воплощать их в жизнь. Став главным редактором «Известий», Алексей Иванович изменил не только газету, но образ и темп жизни газетчиков. В «Известиях» поставили телетайпы, которые были абсолютной новинкой, завели электронную рекламу — вечером бегущая строка на здании газеты на Пушкинской площади сообщала о содержании свежего номера.

Он требовал от подчиненных сенсаций, материалов, о которых говорила бы вся страна. На летучке недовольно говорил:

— Что это за номер? Я в обществе показаться не могу!

Он принадлежал к редкой породе газетных редакторов, которые работают азартно, фонтанируют идеями и умеют воодушевлять своих коллег. Тираж газеты достиг фантастической цифры в восемь миллионов экземпляров при том, что подписка была лимитирована, то есть не все желающие могли подписаться на любимую газету.

Ходили слухи, что зять первого секретаря ЦК метил на место министра иностранных дел, поскольку «Аджубей для Никиты Сергеевича — первый авторитет». Хрущеву нравилось назначать на высокие посты молодых людей. На Смоленской площади ждали перемен. Может быть, Аджубей, очень одаренный человек, и стал бы министром, но Хрущева раньше отправили на пенсию.

Алексей Иванович Аджубей в сорок лет остался без работы. Его убрали из «Известий», вывели из состава ЦК партии. Месяц он сидел дома, ожидая решения своей судьбы. Его согласился взять главный редактор журнала «Советский Союз» поэт Николай Матвеевич Грибачев. Он прославился тем, что с гордостью называл себя и своих однокорытников «автоматчиками партии». Это позволяло Грибачеву в кадровых делах держаться самостоятельно. Но место — незавидное. Журнал был рекламно-экспортным, тексты требовались соответствующие. Здесь Аджубей прозябал до самой перестройки. Ему запретили печататься под своей фамилией, пришлось обзавестись псевдонимом.

Дети и зять Брежнева

Галина Леонидовна Брежнева родилась 18 апреля 1929 года, когда ее отец работал в Биссертском районе Свердловской области. Она была старшим ребенком. Брат — Юрий Леонидович — появился на свет через четыре года.

В Черновцах, где Брежнев недолго служил после войны, в Запорожье и Днепропетровске, где он работал, Галина Леонидовна росла окруженная любовью и заботой. Жизнь была трудной, но не для хозяина области. Яркая и веселая девушка всегда пользовалась успехом. У нее было множество друзей. Молодые люди наперебой ухаживали за ней.

Летом 1950 года Брежнева назначили первым секретарем ЦК компартии Молдавии и перевели в Кишинев. И вот тогда юная Галина вступила в самостоятельную жизнь. В цирке гимнаст и акробат Евгений Милаев произвел на нее неизгладимое впечатление силой и ловкостью. Этот силач завоевал ее сердце.

Помощник Брежнева Виктор Голиков вспоминал: «У Леонида Ильича дочь ушла из дома, вышла замуж за престарелого циркача, бросила Кишиневский университет. Она всю жизнь себе сломала. Леониду Ильичу травму нанесла на все оставшиеся годы. Галина всегда вела себя — не приведи господи».

К Галине Брежневой относились предвзято. А ведь это был брак по любви! Она вышла замуж за вдовца с двумя детьми. Не всякая девушка на это решится. Она же не была замухрышкой, которой нельзя упустить единственный шанс устроить жизнь. Галина очень хорошо относилась к мужниным детям. Заботилась о них. Вела себя скромно. А жизнь цирковых, с постоянными гастролями, совсем не легкая.

Евгений Тимофеевич Милаев был вдвое ее старше. Спокойный и разумный человек. Со временем Милаев станет народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда и директором Московского цирка на проспекте Вернадского. У них родилась дочь. Ее в честь бабушки назвали Викторией. Вместе они прожили восемь лет, пока сердце Галины Леонидовны не завоевал другой мужчина.

Юный иллюзионист Игорь Кио, восходящая звезда советского цирка, поразил ее воображение своим фантастическим искусством, очаровал ее. Они познакомились во время гастролей цирка в Японии. «Она была женщиной очень яркой, — вспоминал Кио, — и она была моей первой любовью».

Переписка влюбленных сохранилась. Пережила и саму любовь, и людей, которые так любили друг друга. А то была

искренняя и нежная страсть. Силе чувств, которые они испытывали друг к другу, можно только завидовать.

«Вчера у меня было сразу две радости, — писала Галина Брежнева Игорю Кио, — получила твое письмо и говорила с тобой по телефону. Твое теплое, нежное письмо проникнуто любовью ко мне. Я счастлива. Я тоже люблю тебя. Я верна тебе и жду, когда мы будем вместе.

Новость у меня только та, что я сдала экзамен. Нигде не бываю, никого не вижу.

С мыслями о тебе просыпаюсь и засыпаю. Ты не сердись, что я не могу тебе часто звонить. Ты все понимаешь. Все будет чудесно, когда мы будем вместе. А это уже скоро.

Тебя я целую так, как я умею — и даже сильней. Ты знаешь, как я это делаю».

Экзамен, о котором писала Галина Брежнева, — выпускной. Учиться она не очень любила — и в этом она походила на отца. Ей было уже почти тридцать лет, когда она в 1958 году поступила на факультет русского языка и литературы Орехово-Зуевского педагогического института. А закончила учебу в разгар бурного романа с Игорем Кио. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 29 июня 1962 года Милаевой присвоили квалификацию учителя русского языка и литературы средней школы. Но преподавать она не собиралась.

«Лапуся моя, родная! — писала Галина Игорю. — Мы с тобой привыкли ждать. Ждать чего-то хорошего, но пока все плохо. Кутенька, мы наворотили дел, теперь нельзя злить власти, а то наделаем бед. Ты должен все понимать. Я тебя люблю, мой золотой, не беспокойся ни о чем.

Я вот пойду на работу, и, думаю, острота вопроса поутихнет. Насчет работы я точно не знаю, как и что. В АПН у меня никого знакомых нет. Ведь я еще не работала, мне будет трудно первое время.

Роднуля, тебе не о чем волноваться. Давай по телефону лишнего не говорить. Если что — то лучше написать.

Очень скучаю, хочется под крылышко. Я думаю, все утихнет и я буду с роднулькой».

Галину Леонидовну устроили в агентство печати «Новости». Огромное ведомство, созданное для внешнеполитической пропаганды, располагалось тогда на Пушкинской площади. В ту пору АПН считалось достойным — и не очень тяжелым — местом работы для девушек из хороших семей.

«Прочла твое второе письмо. Оно, как и первое, нежное и полно любви. Значит, я не ошиблась… Сегодня звонила тебе, но не застала дома. Буду звонить при малейшей возможности. Я по-

прежнему верный тебе человек. Счастлива…

Не знаю, представляешь ли ты, как это важно — верить по-настоящему. Для меня это очень важно. Я замкнулась в этом и пропала для общества. Знаю, что ты доволен. Принесли твою телеграмму, и мне понятно, почему я не дозвонилась. Я ее прочла и уже порвала. И ты не храни мои письма — лучше рви».

Игорь Кио не последовал ее совету. Галина писала ему на Главпочтамт до востребования. Как правило, от имени своей ближайшей подруги — Натальи Васильевны Шевяковой, по первому мужу Федотовой. Потом та выйдет замуж за красивого и популярного актера Олега Видова… И Кио отвечал на ее адрес.

Конспирация и маскировка понадобились влюбленным оттого, что Леонид Ильич запретил дочери встречаться с Кио. Роман Галины и Игоря все восприняли как-то иронически, даже с насмешкой — безумство экстравагантной женщины. На самом деле это история настоящей любви, нежной и искренней. Но ему было всего восемнадцать лет, а ей тридцать два! Четырнадцать лет разницы. Брежнев и его жена такого романа принять не могли. Конечно же, для них брак взрослой дочери с мальчишкой исключался.

«Роднуля! — писала Галина Брежнева Игорю Кио. — Получила я путевку, адрес: Народная Республика Болгария, Варна, Международный дом журналистов. Я еду под папиной фамилией. По-моему, лучше писать на имя моей подруги Ии. Ее отец работает в Верховном Совете и тоже купил ей путевку. Мы едем вместе. Устала, сегодня бегала то за мылом (дома не оказалось), то за пастой, то в парикмахерскую. Я люблю тебя, мой родной, и ты это знаешь».

Они ощущали себя мужем и женой. Цирковая карьера талантливого Игоря Кио развивалась очень успешно. Он посылал Галине деньги и подарки. А она все должна была скрывать, потому что за ней в буквальном смысле слова следили. Кио обижался, думал, она уклоняется от встреч.

«Роднуленька моя!

Большое спасибо за все. Письмо твое меня расстроило. Я сидела над ним и думала…

Я тоже очень люблю тебя и жду встречи. Когда она будет, эта встреча, я так же, как и ты, не знаю. Но ты не расстраивайся, лапонька моя. Главное — наши чувства, и они в полном порядке.

Роднуля, большое спасибо за материал и деньги. Только не надо так много посылать. У меня 16-го будет первая в жизни зарплата. У Витуськи 23-го день рождения, и я куплю ей подарок на свои деньги. На работе все в порядке. Народ простой, без закидонов. Сижу с 9 до 5. Просматриваю все газеты и интересные

события отбираю для заграницы.

Пишу что-то не то. Ты ожидаешь от меня чего-то хорошего. Но я пока сказать ничего не могу. Чувствую, что люди получили задание и добросовестно его выполняют. Но мы ведь привыкли ждать, нам не привыкать.

Кутенька, я не могу допустить новых неприятностей. Я слишком тебя люблю. Лучше потерпим. Хочется прижаться к моему любимому и дорогому. Хочется всего, всего….»

Указание: мешать влюбленным встречаться, разговаривать и просто общаться исполнялось неукоснительно. Занимались этим профессионалы. Дошло до того, что Галина Брежнева даже не могла позвонить Игорю Кио по телефону.

«Кутенька, дорогой мой, любимый!

Не нервничай, ничего не случилось — я по-прежнему тебя крепко люблю.

Телефон или портится, или его просто отключают. Я виновата. Теперь, если телефон «испортится», я буду звонить с почтамта. Не сердись, дорогой.

Насчет работы ничего определенного сказать не могу. Точнее, кое-что я уже знаю точно: вставать в 7:30 — пытка (и это каждый день). За что я страдаю? Журналиста из меня никогда не получится — это точно. Нет у меня такого призвания.

Кутенька, я уже жду тебя, и тогда все станет на свои места. А пока я хочу, чтобы ты не нервничал и верил мне. Не посылай мне денег. Я купила себе две кофты и две юбки для работы. Собираюсь отдать шить костюмчик (из твоего подарка). Вот мои новости.

Я целую тебя крепко, крепко, крепко».

Брежнев еще не вошел в силу, и его дочери доступны не все блага мира. В советских магазинах пусто, а молодой женщине хочется одеться. Игорь Кио постоянно на гастролях, в том числе за границей, где почему-то есть все, что хочется.

«Лапусенька моя, роднуля! Если тебе попадутся туфли на низком каблуке, то купи. Я не нахалка, просто осталась на весну в одной паре. А этого маловато. Больше ничего не надо».

Он писал ей из командировок. Сохранилась короткая записка от руки на бланке токийского отеля «Таканава принс», где завязался их бурный роман:

«Галя, дорогая!

Прими мои поздравления из Японии, Токио, нашего Принц Отеля.

Я желаю тебе очень много счастья.

P. S. Работаем в том же зале, живем в Принц Отеле. Кругом следы давно минувших, волнующих дел и битв.

Целую. *И.*».

Брежнев искал способ покончить с этим романом. Игоря Эмильевича Кио пытались забрать в армию, но врачи военного госпиталя в Подольске констатировали, что к строевой службе в мирное время потомственный иллюзионист не пригоден.

Наконец влюбленные не выдержали и решили перестать прятаться от всего мира. Поженились. Галина телеграфировала Игорю:

«Сочи Госцирк Кио Игорю Эмильевичу

Любимого мужа поздравляю с праздником, желаю здоровья, будь всегда во всем счастлив, крепко целую, обнимаю, люблю, скучаю — твоя Галя».

Отдельно отправила нежное письмецо:

«Роднуля, лапуля моя любимая!

Помнишь, я тебе позвонила и долго не могла вспомнить, что хотела сказать? Я вспоминала: это было 12-е число, то есть полгода совместной жизни, и я хотела тебя поздравить с такой колоссальной выдержкой и терпением. Но получилось, как с тем пенсионером, который забыл, зачем пришел…

Я так устала от своих неприятностей, так издергана, что ничего не могу делать. Все наладится только при встрече. Думаю, что выяснять что-либо не придется, так как на это не будет времени. Разговорам придется отступить на задний план…

Видишь, какая я. Пишу тебе откровенно, что думаю, и должна сказать, что думаю и пишу о таких вещах впервые в жизни.

Приезжай скорей, любимый, я жду.

Целую крепко, очень крепко».

Не наладилось. Брежнев не смирился с мезальянсом. Обратился за помощью к председателю КГБ Семичастному. Владимир Ефимович оказал услугу руководителю страны. Игорю Кио очень убедительно объяснили, что ему следует исчезнуть из жизни дочери Леонида Ильича. И вот эпизод, вошедший в историю: у Кио просто забрали паспорт и вернули его уже без штампа о браке с Галиной Леонидовной.

— Я была молодой и влюбчивой, — с грустью говорила Галина Брежнева. — Кио струсил. Достаточно было одного окрика, и он испугался. А я ведь его больше всех любила.

Это была настоящая трагедия. Только мало кто это тогда понимал. Леонид Ильич — из самых благих отцовских побуждений — совершил большую ошибку. Разрушил брак Галины с тем мужчиной, который был ей нужен, растоптал любовь своей дочери и в определенном смысле сломал ей жизнь. И она утратила искренность чувств, стала более циничной. И дальше все у нее пойдет наперекосяк.

В конце 1967 года главному редактору академического журнала «История СССР» Юрию Александровичу Полякову принесли небольшую статью об участии иностранных держав в интервенции в годы Гражданской войны. Автором была Галина Леонидовна Брежнева. Подписалась она фамилией первого мужа, которую тогда носила. Статья Милаевой «Саморазоблачение врагов революции» была опубликована в журнале «История СССР» в № 5 за 1968 год.

«Она произвела на меня хорошее впечатление, — вспоминал академик Поляков. — Высокая, стройная. Безусловно красивая, одетая просто, но элегантно, она держалась подчеркнуто скромно и уважительно».

А после выхода журнала редактору позвонил помощник генерального секретаря Виктор Голиков. Строго спросил:

— Почему вы не согласовали со мной вопрос о публикации статьи Брежневой?

— Я не знал, что вопрос о публикации той или иной статьи надо согласовывать с вами. Полагал и полагаю, что это дело редактора и редколлегии, — ответил Поляков.

— Нужно понимать и знать, что делать и с кем советоваться. Учтите это на будущее.

Голиков, занимавшийся личными делами семьи генерального, обиделся на то, что обошлись без него…

По случаю выхода статьи Галина Леонидовна устроила вечеринку на квартире у ее приятельницы Натальи Федотовой. А через пару недель позвонила главному редактору журнала и сказала, что хочет посоветоваться по научным делам. В редакцию пришла вместе с подругой.

«Вдохновленная публикацией, — рассказывал академик Поляков, — Галина задумала подготовить кандидатскую диссертацию. Просила меня помогать ей, осуществляя научное руководство. А еще через несколько дней Брежнева позвонила и сообщила, что ей хотелось бы защищать диссертацию вдвоем с Натальей. Пришлось объяснять, что это невозможно. Интерес Галины Леонидовны к диссертации несколько увял».

Академик Поляков не знал, что эта диссертация, написанная вдвоем, была готова. Она сохранилась — «Дальний Восток в борьбе с интервентами и белогвардейцами». Юрий Александрович Поляков указан в качестве официального оппонента. Ни Галина Леонидовна, ни ее подруга, хотя она из профессорской семьи, не подозревали, что у диссертации может быть только один автор. В отличие от книги. В оглавлении диссертации даже указано, кому принадлежит авторство той или иной главы.

«Возможно, именно тогда перед ней возникла альтернатива, — вспоминал академик Поляков, — жить нормальной жизнью со статьями, лекциями, экзаменами, подготовкой диссертации или пойти по легкой дороге, предаться разгулу, незаметно, но неуклонно превращаясь в человека, зависимого от алкоголя. Выбор, который сделала Галина Брежнева, известен всем…»

Жизнь, которая ученому казалась нормальной, вовсе не прельщала Галину Леонидовну. Она не была с детства приучена к работе. Да и зачем стараться, если все устраивается само собой? Папа обо всем позаботится. В агентстве печати «Новости» ей не понравилось. Сказала родителям, что журналист из нее не получится. Ее устроили в Министерство иностранных дел, в историко-дипломатическое управление.

«Для Галины Брежневой, — вспоминала ее коллега по управлению, — создали пост заместителя заведующего небольшим издательским отделом. Отдел выпускал сборники дипломатических документов: работа с ножницами и клеем. Но «руководить» сей «ответственной» работой любительнице веселых приключений вскоре наскучило. Она все чаще и чаще приносила бюллетени о своем нездоровье. Ее «ответственная работа» была вскоре достойно оценена и отмечена: прослужив немногим более года, она к своему пятидесятилетию получила орден Трудового Красного Знамени».

В орденской книжке записано: «Милаева Галина Леонидовна награждена орденом Трудового Красного Знамени 17 апреля 1979 года». По такому приятному поводу она организовала в управлении вечеринку. Пришла в бриллиантах, что сразу было отмечено. Выпила рюмку-другую. Расслабилась. Честно говорила, что бриллианты пригодятся после смерти отца — будет их продавать и на это жить. Забегая вперед, заметим, что семейных драгоценностей ей хватит ненадолго…

Когда она в ресторане Дома архитекторов познакомилась с Чурбановым, ей исполнилось сорок два года. Юрий Михайлович был на семь лет младше. Но на сей раз Леонид Ильич остался доволен ее выбором: наконец-то дочь встретила солидного человека, офицера. Чурбанов был женат. Ради Галины Леонидовны ушел от жены, оставил сына.

12 апреля 1971 года Гагаринский ЗАГС столицы зарегистрировал брак гражданина Чурбанова Юрия Михайловича, 1936 года рождения (место рождения Москва), и гражданки Милаевой Галины Леонидовны, 1929 года рождения (место рождения г. Биссерть). Фамилии супруги оставили прежние. Молодожены получили квартиру на улице Щусева. Им построили

дачу.

Когда Юрий Михайлович женился на Галине Леонидовне, он был подполковником и заместителем начальника политотдела мест заключения МВД СССР. По иронии судьбы курировал и ту зону, где впоследствии сам отбывал наказание… Юрия Михайловича произвели в полковники и подыскали должность поприличнее — заместителя начальника политуправления внутренних войск МВД. Через три года после свадьбы Чурбанов стал начальником управления, получил генеральские погоны и орден Красной Звезды. Еще через год Чурбанов — заместитель министра внутренних дел и генерал-лейтенант.

Довольный Брежнев позвонил зятю в машину:

— Я только что подписал решение политбюро о твоем назначении…

Не последнее. Он стал первым заместителем министра внутренних дел и генерал-полковником.

Союз Галины Брежневой с Юрием Чурбановым не назовешь счастливым. Что не мешало его карьере. Ходили слухи, что брежневский зять вот-вот станет министром внутренних дел. В МВД уже возникло своего рода двоевластие, ушлые генералы ориентировались на Чурбанова. А Юрий Леонидович Брежнев вроде бы присмотрел себе пост министра морского флота. Но стать членом правительства ни он, ни Юрий Михайлович не успели. Помешала смерть Брежнева.

Со смертью тестя звезда Чурбанова быстро закатилась. После похорон Брежнева он зашел к новому генеральному секретарю Андропову поблагодарить за внимание и поддержку в печальные для семьи дни. Юрий Владимирович обещал тезке:

— Пока я жив, никто вашу семью не тронет.

Но генеральный секретарь терпеть не мог министра внутренних дел Николая Анисимовича Щелокова. Началась чистка его хозяйства. Новый министр Виталий Васильевич Федорчук, человек жесткий и непримиримый, занялся и Чурбановым.

Юрий Михайлович попросил о помощи человека, который был верным соратником Брежнева, — Черненко. Но Константин Устинович не вступился за зятя покойного генсека. Брежнев умер, и прежние обязательства не действовали. Чурбанова перевели на смешную для него должность начальника главного управления внутренних войск по военно-научной работе, а вскоре отправили на пенсию и отдали под суд.

Процесс над Чурбановым был показательным. Наверное, самым громким в горбачевскую эпоху. Брежневского зятя приговорили к длительному сроку тюремного заключения.

Трудно сказать, в какой степени он заслуживал столь сурового наказания.

Конечно, когда Чурбанов ездил по стране, местные хозяева превращали командировку брежневского зятя в сплошной праздник. Заполняли его самолет подарками и подношениями. Чурбанов часто и сам не знал, что ему преподнесли. Но не отказывался. Хотя в реальности, по словам знавших его людей, первого замминистра интересовали три вещи — хорошие охотничьи ружья, бутылки и женщины.

Галина Леонидовна развелась с мужем в 1990 году. Чурбанов отсидел свой срок, написал книжку воспоминаний, вновь женился, занялся бизнесом. Он умер на семьдесят седьмом году жизни, надолго пережив Галину.

Смерть отца стала для Галины Леонидовны катастрофой. Мужа посадили — да еще со скандалом на всю страну. Выяснилось, что дочь Брежнева совершенно беспомощна.

Она получила мир на тарелочке. Беззаботная юность и молодость не приучили ее к тому, что со всеми иногда случаются неприятности. Люди несут потери и испытывают поражения. Заботясь о детях, Леонид Ильич делал все, чтобы устлать соломкой их путь. Чем ближе он был к олимпу, тем большими возможностями располагал. Отец не подготовил дочь к реальной жизни.

Она выросла в доме, где ее любили. Лишившись этого, утратила веру в себя. Горячительные напитки казались единственным способом вернуть контроль над эмоциональным хаосом вокруг нее. Галина Леонидовна привыкла, что о ней заботятся мужчины. Искала того, кто был бы рядом, занялся ее делами, в том числе теми, которые она могла бы сделать и сама. А находила лишь собутыльников.

Британская журналистка Джин Вронская побывала у Галины Брежневой в ее квартире: «Черты лица ее отца — тяжелые сычьи глаза под колкими густыми бровями — были хорошо видны на ее круглом лице. Ей еще не было шестидесяти, она не выглядела старой женщиной, но она была уже жидковолосая, большелобая. Большой беззубый рот при разговоре превращался в жутковатую пасть. Смотрела ли она на себя в зеркало? Ее шофер, который во зил меня, сказал, что зубы выбил ее друг».

Последние годы дочь генерального секретаря провела в психиатрической больнице № 2 Домодедовского района Московской области. Писали, что в больницу ее отправила дочь — Виктория Евгеньевна Милаева.

Подарки брежневским внукам и внучкам покупались за границей. Инструкции к невиданным на родных просторах

развлечениям были на иностранном языке. Поэтому для Виктории Петровны в Министерстве иностранных дел делались переводы.

В далеком августе 1968 года в знаменитом лагере «Артек» пионерка Вика Милаева «за активное участие в жизни дружины удостоилась фотографирования у знамени дружины «Озерная». Фото с гордостью привезла домой. Но семью радовала не часто.

Пока Леонид Ильич был жив, он очень расстраивался из-за семейных дел своей внучки Виктории, которую любил, кажется, больше всех. Андрей Брежнев, сын Юрия Леонидовича, писал о двоюродной сестре: «Еще в школе она разошлась с матерью, не принимая ее образ жизни, ушла от нее, отказывалась встречаться, жила у бабушки, которая, собственно, ее и воспитала».

Виктория Брежнева вышла замуж за высокого и красивого молодого человека по имени Михаил Михайлович Филиппов, который учился на финансово-кредитном факультете Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова и станет со временем крупным банкиром; у них родилась дочь Галина — правнучка Леонида Ильича. Но брак развалился, Виктория жаловалась на неверность мужа… Она поступила в ГИТИС на театроведческий факультет, где у нее завязался роман со студентом Геннадием Варакутой, который приехал из Киева.

Леониду Ильичу кандидат в женихи не понравился. Руководитель московского управления КГБ генерал Виктор Иванович Алидин выделил сотрудника пятой службы (борьба с идеологическими диверсиями), который вплотную занялся Варакутой. За молодым человеком ходили оперативники из ведомства наружного наблюдения, его телефон прослушивался. Все материалы изучал старый друг Брежневых первый заместитель председателя КГБ генерал Георгий Карпович Цинев. Ничего компрометирующего не обнаружили.

Геннадия Варакуту перевели в Ленинград в надежде, что расстояние разлучит его с внучкой генерального. Но роман продолжался. В 1978 году Геннадий и Виктория все-таки поженились. Виктория уехала к мужу в Ленинград. Расставаясь с внучкой, Леонид Ильич всплакнул. Варакута выступал вместе с популярнейшим тогда ленинградским певцом Эдуардом Хилем. Сохранились давние афиши с именем Варакуты.

Брежнев сменил гнев на милость, и актерской карьере Геннадий Филиппович Варакута предпочел политическую. Окончил Дипломатическую академию Министерства иностранных дел. В 1982 году стал заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР, эта должность обещала завидную

зарубежную работу. Но Леонид Ильич в том же году умер. Брак распался.

Оставшись одна, Галина Леонидовна искала утешения и поддержки у единственной дочери. Но Виктория, похоже, сильно обиделась на мать за то, что в свое время та так мало ею занималась. Оформила опекунство над матерью и продала ее квартиру на улице Щусева. Но внучке Леонида Ильича эти деньги тоже не принесли счастья.

А Галина Леонидовна оказалась в больнице, откуда ее не выпустили. 30 июня 1998 года Галина Брежнева, дочь человека, который восемнадцать лет правил нашей страной, ушла в мир иной в подмосковной больнице. И когда она находилась на смертном одре, рядом не оказалось никого из тех, кто ее любил и кого любила она.

Умерла в январе 2018 года и Виктория Милаева, еще одна женщина из брежневского семейства, у которой не сложилась жизнь…

Очень похожий на отца Юрий Леонидович Брежнев окончил Академию внешней торговли и начинал в Минвнешторге рядовым сотрудником. «Юра прекрасно трудился, вел себя скромно, — вспоминал один из министерских ветеранов. — Никакого зазнайства. Он оставался отзывчивым и добрым человеком, чем походил на своего отца».

Сотрудники Министерства внешней торговли делили высотное здание на Смоленской площади с дипломатами. Когда старший Брежнев стал первым секретарем ЦК КПСС, Юрий Леонидович отправился на работу в Швецию. В Стокгольме вырос в должности до торгпреда. После возвращения в Москву карьера пошла еще быстрее. Он стал вторым человеком в министерстве.

«Юрий Леонидович сильно изменился, — отмечали коллеги. — Он был отзывчивым, и этим многие пользовались. Старались, чтобы он побольше выпил. Юра после выпивки обычно становился совсем добрым, и тогда возникали просьбы».

Брежнев тревожился из-за сына. Пометил в дневнике: «Приходил Михаил Титович — о Юрочке. Разговор с Юрой». Михаил Титович Косарев — личный врач Брежнева. И новая запись: «Имел разговор с доктором относительно Юры».

Министр внутренних дел Щелоков, давний друг Брежнева, помог Чурбанову в карьере, понимая, что Леонид Ильич в долгу не останется. Так и министр внешней торговли Николай Семенович Патоличев сделал младшего Брежнева своим первым замом, а сам стал дважды Героем Социалистического Труда.

Юрий Леонидович удачно женился. Но и он огорчал мать нестойкостью к соблазнам. Спиртное — общая для детей

Брежнева пагубная страсть. Виктория Петровна была тактичной, доброжелательной и хлебосольной женщиной. Переживала, что и дочь, и сын, Галина Леонидовна и Юрий Леонидович, не выдержали испытания звездным положением отца и пристрастились к алкоголю. Почему это произошло? Власть отца была безграничной, жизнь воспринималась как сплошное удовольствие — подавай мне счастье и немедленно!

Дочь и зять Косыгина

Алексей Николаевич Косыгин, который шестнадцать лет возглавлял правительство, любил свою семью не меньше генерального секретаря. Внучке по случаю окончания института подарил «Волгу». Его дочь Людмилу, как и Галину Брежневу, определили в Историко-дипломатическое управление Министерства иностранных дел. Правда, в отличие от Галины Брежневой, дочь Косыгина вела себя осторожно. Она была по натуре замкнутым человеком.

«Дочь Косыгина, — вспоминала Галина Николаевна Ерофеева, жена известного дипломата Владимира Ивановича Ерофеева, — Людмила Гвишиани, с которой я работала бок о бок в Историко-дипломатическом управлении, невольно поджимала в гримаске губы, когда кто-либо спрашивал ее о возможных контактах с брежневской семьей. Их не было вовсе».

Гвишиани работала над обзором советско-американских отношений.

Галина Ерофеева: «Когда она закончила работу над своим обзором и захотела защитить его как диссертацию, кто-то побеспокоился о том, чтобы ее работу привели в порядок профессионалы. В нашей комнате появился профессор МГИМО, который немало попотел над ее, увы, весьма слабым трудом. В конечном счете диссертация была ею успешно защищена и, более того, выпущена в виде книги в издательстве «Международные отношения».

После этого дочь премьер-министра поставили во главе Библиотеки иностранной литературы. Много лет директором Библиотеки иностранной литературы была Маргарита Ивановна Рудомино, которую и по сей день вспоминают с восхищением и благодарностью. Сдавая дела новому директору, она с волнением рассказывала о библиотеке, которой отдала всю жизнь. Вынула ключ и хотела открыть свой сейф в кабинете. Гвишиани-Косыгина попросила дать ей ключ.

«Я отдала, еще не понимая, что за этим последует. А последовало моментальное изменение выражения лица — из довольно приятного в высокомерное и жестокое:

— Я забираю ключи от сейфа. Сейф и его содержимое не ваша собственность, а государственное имущество, и вам там делать нечего.

Я была так потрясена случившимся, что вышла из кабинета не попрощавшись. Я была раздавлена. В сейфе остались и некоторые мои личные вещи, но больше я в бывшем моем

кабинете не была, ни при ней, ни после нее».

За год из библиотеки, которую возглавила Людмила Алексеевна, ушли двести ведущих сотрудников. Закрылись многие читальные залы, в том числе Кабинет антифашистской литературы. И что самое обидное — исчез дух интеллигентности и доброжелательности.

Дочь Косыгина вышла замуж за Джермена Михайловича Гвишиани, обаятельного и компанейского молодого человека. Косыгинский зять был сыном крупного чекиста — начальника личной охраны Берии, а затем начальника Дальневосточного управления госбезопасности Михаила Максимовича Гвишиани.

Когда Лаврентия Павловича расстреляли, Михаила Гвишиани уволили в запас, в 1954 году он лишился звания генерал-лейтенант «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». Звания тогда лишали немногих — в основном тех, кто основательно запачкался кровью. Говорили, что от суда его спас Косыгин.

Бывший генерал Гвишиани вернулся в Тбилиси, где работал в Государственном научно-техническом комитете при Совете министров Грузинской ССР. Можно сказать, под началом своего сына.

Все судачили о брежневском семействе, о том, что сын Брежнева стал первым заместителем министра внешней торговли, а зять, Юрий Чурбанов, первым замом министра внутренних дел. Зятя Косыгина устроили не хуже.

Джермен Гвишиани стал заместителем председателя союзного Госкомитета по науке и технике, курировал управление внешних сношений — замечательная выездная работа. Председателем Госкомитета по науке и технике был академик Владимир Алексеевич Кириллин, возможно, единственный друг Косыгина. Для зятя Косыгина создали Институт системного анализа. В марте 1979 года Гвишиани избрали действительным членом Академии наук как философа.

Бывший заместитель министра внешней торговли Владимир Николаевич Сушков утверждал, что косыгинского зятя западные фирмачи принимали с особой щедростью, не жалели денег на развлечения. Сам Сушков в декабре 1985 года был арестован. Его приговорили к тринадцати годам лишения свободы за получение взяток от иностранных компаний. Его жена, которую тоже посадили, работала в управлении внешних сношений ГКНТ, которое подчинялось Гвишиани.

Сыновья и дочери Андропова

Будущий глава партии и государства Юрий Владимирович Андропов начинал в городе Рыбинске. Подростком вычитал в газете, что открыт прием в Рыбинский техникум водного транспорта, где не только бесплатное обучение, но еще дают стипендию и общежитие. В марте 1932 года собрал документы и отправил по почте с просьбой его зачислить. Позднее честно признавался: «В Рыбинск попал по незнанию географии — думал, что последний гораздо ближе к Северному Кавказу».

В 1935 году в Рыбинске Юрий Владимирович в первый раз женился — на выпускнице того же техникума Нине Ивановне Енгалычевой, дочери управляющего отделением Госбанка. Она училась на электротехническом отделении и была капитаном сборной техникума по волейболу. Рассказывают, что познакомились они на дружеской вечеринке. Стройная и темноглазая, она произвела сильное впечатление на молодого Андропова.

В семье сохранилось фото, которое Андропов подарил будущей жене, когда она после техникума уехала работать в Ленинград. Фото он снабдил романтической подписью: «На память о том, кто так нежно и страстно тебя любит. Милая, милая далекая и вечно незабываемо близкая Нинурка. В память о далеких, морозных, но полных счастья ночах, в память вечно сияющей любви посылает тебе твой хулиган *Юрий*».

Кто бы мог подумать, что Юрий Владимирович Андропов способен на такие сильные чувства? Он вернул Нину из Ленинграда и добился своего — они поженились. Он сфотографировался с женой и на обратной стороне снимка 1 марта 1936 года своим четким почерком написал: «Если вам когда-нибудь будет скучно, если вы хоть на минуту почувствуете себя несчастной, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к вам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы».

У них появилось двое детей: в 1936 году родилась дочь, ее назвали Евгенией в честь бабушки по отцовской линии, в 1940-м — сын, названный в честь деда Владимиром. Но брак оказался недолгим. Любовь растаяла без следа. Вскоре после рождения сына Андропов уехал на новое место работы, в Петрозаводск, один, без семьи. Отговорился:

— Пока там нет квартиры, негде жить.

Он уехал и долго не писал. Потом письменно попросил развода. Нина Ивановна, женщина очень гордая, тут же ответила, что согласна.

В Петрозаводске Андропов женился во второй раз — на Татьяне Филипповне Лебедевой. Она тоже занималась комсомольской работой и слыла женщиной с очень сильным характером. В новом браке у них тоже родилось двое детей — сын и дочь.

Его первая жена, Нина Ивановна, работала в архиве Ярославского управления госбезопасности, вновь вышла замуж. По словам дочери, втайне продолжала любить Андропова… Но ничего не требовала, ни о чем не просила, никому не жаловалась. Поэтому развод сошел Юрию Владимировичу с рук, хотя в партийном аппарате и в КГБ уход из семьи, мягко говоря, не одобрялся.

Детьми от первого брака Андропов почти не интересовался, не помогал в трудные военные годы. Его дочь Евгения стала врачом и всю жизнь прожила в Ярославле. Отца она практически не видела. По словам Евгении Юрьевны, «отец тяготился встречами, спешил».

Судьба старшего сына Андропова, Владимира Юрьевича, сложилась неудачно. Он дважды сидел в тюрьме за кражи. Освободившись, Владимир Андропов уехал подальше от родных мест — в Тирасполь, работал механиком-наладчиком в конструкторском бюро швейной фабрики. Он женился, ему дали квартиру, в 1965 году на свет появилась Женя Андропова, внучка Юрия Владимировича. Нарушать закон Владимир Юрьевич перестал, зато начал пить. Слабохарактерный и слабовольный по натуре Владимир Андропов постепенно спивался, нигде не работал.

Юрий Владимирович присылал сыну деньги, но потребности в общении не испытывал. Старательно скрывал, что у него сын, сидевший в тюрьме. Таких родственников не было ни у кого из членов политбюро. Вообще-то в кадры КГБ никогда не брали, если в семье есть осужденный преступник.

Владимир Андропов скончался 4 июня 1975 года, ему было всего тридцать пять лет. Умирал он тяжело. Говорят, что надеялся хотя бы перед смертью увидеть отца. Юрий Владимирович не приехал ни в больницу, хотя было известно, что сын смертельно болен, ни на похороны. Рассказывают, что в 1982 году, решающем для Андропова, все документы о его непутевом сыне собрали и отправили в Москву. Или сам Андропов спешил их уничтожить. Или его соперники хотели обзавестись компрометирующим материалом на кандидата в генеральные секретари…

А как сложилась судьба его детей от второй жены?

16 декабря 1983 года утром к Андропову в больницу доставили посла Олега Алексеевича Гриневского, руководителя советской делегации на переговорах в Стокгольме о разоружении в Европе.

«В палате, — вспоминал Гриневский, — сидел какой-то сгорбленный человек с лохмами седых волос. Сначала я даже не понял, кто это, и только потом дошло — передо мной сам генеральный секретарь ЦК КПСС. Он очень сильно изменился — еще больше похудел, осунулся и как-то сник».

Андропов слушал Гриневского не больше пяти минут. Потом заговорил сам:

— Впервые после Карибского кризиса Соединенные Штаты и Советский Союз уперлись лбами. Американцы хотят нарушить сложившийся стратегический паритет и создать возможность нанесения первого обезоруживающего удара. А наша экономика в плачевном состоянии, ей нужно придать мощное ускорение, но наши руки связаны афганской войной. Нам не удалось помешать размещению их средних ракет в Европе. Тут нужно честно сказать — мы проиграли.

Андропов замолчал, а потом сказал то, ради чего, вероятно, и вызвал Олега Гриневского в больницу:

— У меня к вам просьба. У вас в делегации работает мой сын Игорь. Он хороший человек, честный и добрый, но вокруг него вьется свора прихлебателей, которые спаивают его и мешают работать. Гоните их прочь. Создайте дружную команду. Нацельте ее на работу, а не на гуляние по кабакам.

«Андропов, — вспоминал академик Георгий Аркадьевич Арбатов, — выделялся среди тогдашних руководителей равнодушием к житейским благам, а также тем, что в этом плане держал в «черном теле» семью».

Игорь Юрьевич Андропов после окончания Института международных отношений работал несколько лет в академическом Институте США и Канады, получал сто двадцать рублей. Когда в разговоре заходила речь о нем, Андропов просил директора института Арбатова об одном:

— Загружай его побольше работой.

Однажды недовольно сказал, что сын совсем зарвался — просит поменять ему двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, хотя вся семья — он, жена и ребенок… Когда Арбатов рассказал, что детям руководителей партии и государства продали по дешевке партию «мерседесов» и «вольво», Андропов вспыхнул:

— Если в твоих словах содержится намек, знай — у меня для всей семьи есть только «Волга», купленная за на личные восемь

лет назад.

Игорь Андропов перешел в Дипломатическую академию, откуда его вытащил Анатолий Гаврилович Ковалев, будущий заместитель министра иностранных дел. Он взял Андропова-младшего с собой в Мадрид, где шли долгие и муторные переговоры по сотрудничеству и безопасности в Европе.

«По МИДу легенды ходили о их необыкновенной и неразрывной дружбе, — вспоминал Гриневский, — и жили бок о бок, и работали в одной упряжке, и отдыхали вместе. И насколько легче потом стало Ковалеву пробивать нужные ему решения через головы упершихся ведомств».

Отец заботился о сыне. В состав делегации, работавшей в Стокгольме, входил представитель КГБ. Им был генерал Борис Семенович Иванов из разведки. Гриневский очень скоро понял, что главная задача генерала — безопасность сына генерального секретаря. Командировка в комфортный Стокгольм была платой за прежнюю службу Бориса Иванова в Афганистане.

Вокруг Игоря Андропова, по словам Гриневского, действительно вилась свора псевдодрузей, которые зазывали его то в баню, то в ресторан, то еще куда-нибудь, где можно было хорошо выпить.

— Знаешь, Олег, — признался Игорь Андропов Гриневскому, — вокруг людей полно, а я не знаю, почему они со мной дружат. Потому ли, что я хороший парень, или потому, что у меня отец — генеральный секретарь ЦК КПСС.

«После смерти отца, — писал Гриневский, — вокруг него не осталось никого. Все — я не преувеличиваю, кто хотел дружить с ним, отвернулись от него. Даже любимая жена ушла».

Игорь Андропов был тогда женат на известной актрисе Людмиле Чурсиной. Брак оказался недолгим. После смерти отца Игорь Юрьевич получил хорошее назначение — уехал послом в Грецию. Через пару лет его вернули, сделали послом по особым поручениям в центральном аппарате министерства. Он, как и отец, тяжело болел. Друзья исчезли, едва Андропов-старший ушел в мир иной. В 1998 году Игорь Андропов ушел на пенсию, писал книгу об отце, но не успел — умер в середине июня 2006 года. Его дети — дочь Татьяна (работала в Большом театре) и сын Константин, дизайнер, — переселились в Соединенные Штаты. Потом вернулись. Татьяна умерла совсем молодой.

Дочь Юрия Андропова Ирина была замужем за Михаилом Ивановичем Филипповым, актером Театра имени Маяковского, который женился потом на Наталье Гундаревой. В юности Ирина Андропова сама мечтала стать актрисой, собиралась поступать в ГИТИС. Юрий Владимирович расстроился и сделал все, чтобы она

изменила свои планы.

Главный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов рассказывал, что дети Андропова приходили к нему проситься в театр сразу после школы (см. «Аргументы и факты». 2004. № 26):

— Мы, мол, тоже хотим в актеры. Девочка и мальчик. Я им говорю: институт закончите сначала. А они рыдают. Но папа, как потом оказалось, тоже не хотел, чтобы дети становились актерами.

Ирина Андропова работала в издательстве «Молодая гвардия», потом была заместителем главного редактора журнала «Советская музыка».

Сын и дочь Щелокова

В полдень 13 декабря 1984 года бывший министр внутренних дел СССР генерал армии Николай Анисимович Щелоков надел парадный мундир с «Золотой Звездой» Героя Социалистического Труда. На мундире были одиннадцать советских орденов, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Он зарядил охотничье ружье и выстрелил себе в голову. Он не захотел ждать, когда его арестуют и посадят на скамью подсудимых.

Вполне вероятно, часть материалов в деле Щелокова должна восприниматься с сомнением: было приказано утопить бывшего министра, и следователи рьяно исполняли задачу. Тем не менее…

Хозяйственное управление МВД по приказу министра принимало различные материальные ценности, «находившиеся в личной собственности, с оплатой их владельцам стоимости этих вещей». Таким образом, семья Щелокова отдавала старые и ненужные вещи, а получала за них звонкой монетой. Это зафиксировано в материалах дела: «Вещи, сдаваемые родственниками Щелокова, находились длительное время в использовании и утратили первоначальную стоимость».

Называют такую цифру — шестьдесят тысяч рублей было израсходовано из бюджета МВД на ремонт и содержание девяти квартир, в которых обитали родственники Щелокова. Сын министра Игорь, заведовавший международным отделом ЦК комсомола, жил в служебной квартире, которую полагалось использовать исключительно в оперативных целях.

Николай Анисимович заботился о родственниках.

Накануне московской Олимпиады немецкая компания «Мерседес-Бенц» презентовала МВД три новеньких автомобиля — «для обеспечения безопасности движения в связи с проведением летних Олимпийских игр 1980 года». Немцы надеялись, что, убедившись в высоком качестве их продукции, министр Щелоков сделает им большой заказ и оснастит «мерседесами» всю советскую милицию.

Щелоков поступил иначе. Он получил разрешение в правительстве и один «мерседес» оформил на себя, второй на дочь. Третья машина досталась его сыну Игорю. Жене Щелокова — БМВ.

Тогдашний заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Карен Нерсесович Брутенц описывает любопытный эпизод. Когда он на даче в Ново-Огарево работал над подготовкой документов к очередному съезду партии, ему понадобилось поехать в Москву. Он вызвал служебный

автомобиль из гаража управления делами ЦК КПСС. На Рублевском шоссе появившаяся сзади иностранная машина серебристого цвета потребовала уступить дорогу. Цековский шофер отнесся к иномарке пренебрежительно — «частник»!

Но серебристое авто все-таки обогнало цековскую «Волгу». За рулем сидела, как вспоминает Брутенц, обильно накрашенная дама. Она погрозила им кулаком и умчалась вперед. У поворота на Архангельское она остановилась у поста ГАИ и что-то сказала милицейским офицерам. Они тут же тормознули машину ответственного работника аппарата ЦК, что само по себе было делом небывалым. Капитан милиции подозвал к себе водителя, записал его фамилию, стал выговаривать.

Заместитель заведующего отделом ЦК КПСС не выдержал и заступился за своего водителя. Капитан признался, что не может не дать ход жалобе, потому что она исходит от жены министра внутренних дел СССР. Вернувшись в Ново-Огарево, Брутенц пересказал коллегам поразившую его историю. Помощник Брежнева по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов, живой и импульсивный, мгновенно вскипел:

— Это супруга Щелокова. Безобразие, она всеми способами компрометирует Николая Анисимовича!

Сидевший рядом секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин благоразумно промолчал. Высказываться на сей счет считалось неразумным. Брежнев сам наслаждался жизнью и не возражал, чтобы другие следовали его примеру.

Щелоков позаботился и о своем тесте. Владимир Матвеевич Попов жил в станице Марьянской, занимался пчеловодством. Став министром, писала газета «Труд», Щелоков приказал начальнику УВД Краснодарского крайисполкома подыскать Попову жилье и работу. Попов продал дом и пасеку в родной станице за сорок тысяч рублей и переехал в Краснодар. В 1967 году Попов, которому было за шестьдесят (в этом возрасте в органах внутренних дел уже отправляют на пенсию), был принят на службу в краевое УВД, получил звание майора и должность начальника хозяйственного отдела.

На имя тестя оформили прекрасную и дорогую дачу в подмосковном Болшево. Дачу приобрели у эстрадного певца Эмиля Яковлевича Горовца, который всего за два года до этого купил ее у одного генерала. Горовец исполнял тогда весь основной советский репертуар, начиная с «Я шагаю по Москве», зарабатывал очень много, поэтому смог заплатить генералу столько, сколько тот требовал. Задавать вопрос, откуда такие деньги у министра внутренних дел, наивно.

Эмиль Горовец добивался выезда в Израиль. Его не выпускали. Вопрос решился в 1974 году, когда министра заинтересовала его дача. Разрешение на выезд давал отдел виз и регистраций Министерства внутренних дел.

— Если бы Щелоков не купил мою дачу, — рассказывал Горовец, оказавшись за границей, — я бы не уехал. Как только Щелоков купил мою дачу, меня тут же выпустили. Приезжал его сын Игорь на «мерседесе». После покупки Щелоков позвонил мне домой, сказал, что документы оформлены…

Помимо этого Попов занимался у себя дома подсобным промыслом — покрывал хромом металлические кровати. После его смерти жена Щелокова Светлана Владимировна велела местным сыщикам обшарить отцово жилье — у него должны были храниться большие деньги или ювелирные изделия. Сотрудники милиции искали три дня, пока не обнаружили сотенные ассигнации в трубках раскладушки.

Когда началось «дело Щелокова» и стали писать о том, как министр с большой выгодой для себя использовал служебное положение, то узнали и о спецмагазине, в котором продавались импортные товары: магнитофоны, телевизоры, обувь, одежда. Все это по просьбе хозяйственников МВД закупало за границей Министерство внешней торговли.

Формально магазин предназначался для оперативного состава. Фактически им пользовалась только семья министра — жена, дочь Ирина, невестка Нонна… Туда же ходил Юрий Чурбанов, если ему что-то требовалось. Спецмагазинов для членов коллегии МВД было несколько. Когда вокруг имени Щелокова начался скандал, то закрыли только магазин, которым пользовался сам министр. Остальные спецмагазины остались. Ассортимент товаров в магазине МВД был лучше, чем в знаменитой двухсотой секции ГУМа, где закупали импортные товары представители высшей номенклатуры. Продукты руководители министерства заказывали прямо по телефону — причем этим занимался не сам генерал, отягощенный служебными делами, а его жена.

Глава пятая. Семейные отношения в новой России

Понятие «семья» появилось в последние ельцинские годы, когда взлеты и победы Бориса Николаевича в силу разных причин (в том числе из-за состояния его здоровья) остались в прошлом. Ельцин не в состоянии был целый день высидеть в Кремле и все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появления на телеэкране производили странное и жалкое впечатление. Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению.

Он замкнулся в узком окружении, где первую скрипку играли его дочь Татьяна Борисовна Дьяченко и журналист Валентин Борисович Юмашев. Они стали главными советниками президента. Постепенно они стали играть ключевую роль в кремлевских делах. Пошли разговоры, что за него все делает окружение. И, не спрашивая президента, выпускает указы с помощью резиновой печатки с факсимиле подписи Ельцина, которая хранится в сейфе заведующего канцелярией президента России.

Ельцины. Дочери и зятья

Летом 1999 года общество было убеждено, что вся власть в руках этих людей. Почему появился термин «семья»? Часть этого доверенного круга была связана с президентом не только служебными, но и родственными отношениями.

Никто твердо не мог назвать состав этой «семьи». Критерием был постоянный доступ к президенту — важнейшая привилегия в чиновничьем мире. Обычно в этот круг включали Татьяну Дьяченко, Валентина Юмашева, главу президентской администрации Александра Стальевича Волошина, предпринимателя Бориса Абрамовича Березовского.

Ключевой фигурой в президентском окружении стала Татьяна Дьяченко.

Ее старшая сестра — Елена — мамина дочка. Она такая же вспыльчивая, как Борис Николаевич, но унаследовала от Наины Иосифовны тягу к домашней жизни и политикой не занималась. Елена Борисовна родила троих детей и жила с мужем отдельно от родителей.

Татьяна, напротив, папина любимица. Она постоянно жила с родителями, кроме тех лет, когда училась на факультете вычислительной математики и кибернетики Московского университета, престижном в то время. Вела себя дочь первого секретаря Свердловского обкома КПСС очень скромно.

С первым мужем Виленом Айратовичем Хайрулиным она познакомилась в университете, поженились они в 1980 году. Видимо, и сам муж разонравился — они вскоре расстались, и его фамилия не показалась благозвучной, поэтому их общий сын Борис получил дедовскую фамилию, что весьма польстило Борису Николаевичу, мечтавшему о продолжении рода Ельциных. Как и дочь Юмашева Полину, учиться молодого Бориса Ельцина отправили в Англию.

Со вторым мужем, Леонидом (в своем кругу его называли Лешей) Леонтьевичем Дьяченко, Татьяна познакомилась на работе. Они вместе трудились в Государственном космическом научно-производственном центре имени М.В. Хруничева. О дочке Ельцина здесь сохранили наилучшие впечатления. Нисколько не задавалась, вела себя, как все. Татьяна родила еще одного сына — Глеба. Когда ребенку было всего шесть месяцев, Татьяна занялась избирательной кампанией Ельцина. Вероятно, интерес Татьяны к политике в ущерб домашним делам, постоянное общение с яркими политическими личностями разрушили и ее второй брак.

Дьяченко занимался бизнесом, стал вице-президентом в

крупной нефтяной компании и миллиардером. Его лучший друг Алексей Викторович Огарев, с которым они вместе учились в Московском авиационном институте, в июне 1997 года был назначен заместителем главы президентской администрации. В феврале 1999-го стал заместителем секретаря Совета безопасности, а в начале августа возглавил «Росвооружение» — компанию, которая продавала оружие за границу. Когда брак Татьяны с Дьяченко разрушился, Огарев лишился должности.

Татьяна Борисовна переживала за отца и хотела быть рядом с ним. Ее вовлекли в работу предвыборного штаба в 1996 году, и это оказалось правильным решением. Говорят, что идея приобщить ее к политике принадлежит Анатолию Борисовичу Чубайсу, который этот штаб возглавил. Ему нужен был надежный канал влияния на президента. Татьяна Борисовна присутствовала на заседаниях штаба, вникала во все идеи и, оценив их, убеждала отца прислушаться к рекомендациям. В тот период она только слушала то, что говорили другие.

После президентских выборов Татьяна Дьяченко была назначена советником президента и стала каждый день приезжать в Кремль. Она лучше других понимала, что больному отцу невероятно трудно справляться со своими повседневными обязанностями. И вдвоем с Валентином Юмашевым они старались сделать то, на что самому президенту сил уже не хватало.

Ей приписывали личные политические амбиции. Если они у нее и были, то ни в чем не проявились. Она преданно исполняла дочерний долг, помогая отцу, и покинула Кремль вместе с ним. Другое дело, что ее активное участие в политике многих в стране возмущало и в немалой степени способствовало дискредитации власти.

Андрей Владимирович Козырев, бывший министр иностранных дел, считал иначе:

— Сначала говорили, что Ельцин никого не ценит, друзей не заводит, быстро расстается с людьми. Потом его стали критиковать за то, что он не расстается со своей дочкой. У президента должна быть свобода смены своей профессиональной команды. Но у президента нет возможности менять своих дочерей. Да и почему он не может пользоваться советами взрослой дочери? Его дочь — друг, единомышленник. Я знаю Татьяну хорошо, это человек демократических убеждений. Другое дело, что Ельцин мог быть более лоялен к своим бывшим соратникам. Он мог больше прислушиваться к другим людям и не только к родственникам. Но это вопрос меры. Злодейства тут нет.

Татьяна Дьяченко при первой встрече производит

впечатление скромного, тактичного, вежливого и аккуратного человека. Она унаследовала от отца твердый характер, который прячет под внешней мягкостью. Приняв какое-то решение, от него не отступает.

В Кремле она редактировала все выступления президента, контролировала его рабочий график, просматривала список тех, кто получал право побывать у президента, участвовала в подготовке кадровых назначений — то есть в составлении списка кандидатов на ту или иную должность, из которого президент выбирал понравившегося.

Борис Николаевич знал, что может положиться на мнение дочери, которой движет желание помочь отцу, облегчить его жизнь. Президент ценил в ней надежного помощника и радовался, если она предлагала разумное решение. Почти с таким же доверием Борис Николаевич относился к Валентину Юмашеву. У Ельцина, который мечтал иметь сына, он был на положении самого близкого человека.

Валентин Борисович Юмашев родился в 1957 году в Перми. Рос без отца, который ушел из семьи, носил фамилию материи. Работал в «Комсомольской правде», потом в «Огоньке». В перестроечные годы Юмашев взялся написать сценарий фильма «Борис Ельцин. Портрет на фоне явления» для Центральной студии документальных фильмов. Вот тогда он и познакомился с опальным Борисом Николаевичем и сумел понравиться будущему президенту. Потом Юмашев писал за президента его книги и очень много времени проводил рядом с Борисом Николаевичем. Он был принят в доме как член семьи — настоящей, с маленькой буквы. Со временем Валентин Юмашев стал для Ельцина чем-то вроде приемного сына.

В том же 1996 году Юмашев тоже получил свою первую должность в Кремле и стал советником президента по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации. Они работали на пару с Татьяной Дьяченко. Когда в марте 1997 года Чубайс перешел в правительство, Юмашев возглавил президентскую администрацию.

Для страны это был большой сюрприз. Те, кто знал реальную ситуацию внутри Кремля, не удивились. Должность руководителя администрации особенная. Ее обыкновенно занимает человек, способный управлять большой государственной системой и одновременно приятный, комфортный для президента. Вторым качеством Юмашев обладал в полной мере.

Большой государственный руководитель из него, судя по всему, не получился. Но от Юмашева требовалось совсем другое: облегчить жизнь президента. С этой задачей они вдвоем с

Татьяной Дьяченко справлялись.

Валентин Юмашев, скромно выглядящий молодой человек, который за время пребывания в должности ни разу не дал интервью и нигде публично не выступил, казался полной противоположностью своему предшественнику Анатолию Чубайсу.

Чубайс — мощная фигура, уверенные манеры, ежеминутная готовность вступить в бой.

Юмашев — субтильного сложения, с легкой полуулыбкой, почти незаметный, сторонящийся чужого внимания.

Но в определенном смысле Юмашев оказался покруче Чубайса.

Когда руководителем аппарата президента в 1996 году был Анатолий Чубайс, говорили о том, что он во время болезни президента сам управляет страной, что он превратился в заместителя Ельцина. О Юмашеве такое сказать было нельзя. Он не управлял страной. Но полтора года казалось, что он управляет Ельциным.

В Кремле существуют три основных рычага власти — контроль над потоком бумаг, составление распорядка дня президента и контакты с прессой.

Прямой и регулярный доступ к президенту — это важнейшая привилегия. Тот, кто постоянно встречается с президентом, очень влиятелен. Он может изложить президенту свои идеи, заручиться его согласием, дать ему на подпись нужную бумагу или добиться какого-то важного назначения.

Но прежде чем высокопоставленный чиновник, министр, политик сумеет изложить свой вопрос президенту, он должен убедить в его срочности руководителя аппарата президента. Именно Юмашев решал, кого примет президент, с кем он поговорит по телефону и какие бумаги лягут ему на стол.

Президент как человек уже немолодой и нездоровый, вообще говоря, нуждался в своего рода личном политическом телохранителе, человеке, способном служить буфером между ним и разного рода конфликтами. Но, контролируя жизнь президента, руководитель аппарата постепенно становился тихим диктатором.

Президент, особенно если он плохо себя чувствует и лишен возможности ездить по стране, встречаться со множеством людей, начинает полностью зависеть от своего главного помощника. Еще недавно вокруг Бориса Николаевича было множество людей, способных дать разумный совет. В последний год президентства Ельцина все его советчики — это Юмашев и Татьяна Дьяченко.

Когда уже после ухода Ельцина в отставку Валентин и

Татьяна поженились, это никого не удивило. И до этого их часто видели вместе — они ездили за границу, играли в теннис, учили английский язык. А ведь когда-то уверенно говорили, что у Татьяны роман с Чубайсом. Юмашев принадлежит к типу тихих и как бы робких мужчин, от ласковых манер которых тают женские сердца.

Нет, наверное, второго такого автора, который бы всего из трех книг, написанных от имени Ельцина, извлек такие дивиденды — и не только в смысле денег. Забавно, что в этих книжках Юмашев сам себе пишет благодарственные слова от имени Бориса Николаевича.

В первой: «Если бы не помощь молодого журналиста Валентина Юмашева, которому часто приходилось, подстраиваясь под мой ритм, работать без выходных и ночами напролет, — трудно сказать, появилась бы эта книга».

Во второй: «Нас связывает более чем пятилетняя творческая дружба… Все три года, пока работал над рукописью, я знал, что он рядом со мной. Наши разговоры, иногда ночью в кремлевском кабинете, иногда в самолете, иногда у камина… позволяли мне постоянно чувствовать образ будущей книги…»

В третьей: «Валентин — талантливый журналист, аналитик замечательный. Работать готов сутками».

Некоторые его подчиненные говорили, что Валентин Юмашев — гений ничегонеделания:

— Он очень способный человек в смысле человеческих отношений: уговорить, переубедить, свести кого-то с кем-то, уладить конфликт. Но работать с ним просто невозможно. Возникает проблема. Надо ее обсудить, говорит он, давайте проведем совещание. Обсудили, совещание заканчивается. Нормальный руководитель должен закончить совещание принятием какого-то решения. Юмашев говорит: давайте-ка еще соберемся и все заново обсудим. А дело не двигается с мертвой точки.

Самого Юмашева каждодневная чиновничья работа тяготила. Его вполне устраивало положение неофициального советника. В конце 1998 года он ушел с поста руководителя администрации. Никто не мог понять, почему это произошло. Гадали, за какие грехи Ельцин расстался со своим любимцем. А дело в другом: Юмашев почувствовал, что его отношения с Борисом Николаевичем становятся официальными. А он не хотел превращаться в еще одного чиновника. Он дорожил личными отношениями с президентом, поэтому ушел и сохранил свое место в семье.

Дочь Юмашева Полина вышла замуж за алюминиевого

магната Олега Владимировича Дерипаску, одного из самых богатых людей России, и осенью 2001 года родила сына Петра. А вскоре молодой дедушка решил начать новую жизнь — Валентин женился на Татьяне Дьяченко, скромную свадьбу сыграли на даче у Ельциных, потом новобрачные поехали к маме Юмашева Александре Николаевне.

Разговоры о наследниках Ельцина шли давным-давно. В конце президентского правления Черномырдина именовали его самым вероятным наследником — и Виктор Степанович сам себя так воспринимал. Пока внезапно не был отправлен в отставку в марте 1997 года.

Власть семьи особенно наглядно проявилась летом 1999 года, в период премьерства Сергея Вадимовича Степашина, когда ему не позволили назначить ни одного министра против воли администрации. Это очень настроило общество против Ельцина и его семьи. Практически одновременно в мировой прессе появились сообщения о том, что в различных иностранных банках обнаружены личные счета Ельцина, его дочерей, зятьев и ближайших к президенту чиновников.

Президентская пресс-служба заявила, что президент, его жена и их дети никогда не открывали счета в зарубежных банках. Борис Николаевич привык к тому, что все заботы о его жизни несет на себе государственный аппарат. Ему никогда не надо было думать о деньгах, как и все другие вожди, он сам ни за что не расплачивался. Для этого существовала Служба безопасности и управление делами.

Виктор Степанович Черномырдин сказал по поводу разговоров о счетах Ельцина в заграничных банках:

— Наш президент денег уже лет пять или десять в глаза-то не видел. Он даже не знает, какие у нас деньги.

Семья восприняла разговоры о кремлевских махинациях как личную угрозу. Тем более что один из руководителей предвыборного штаба движения «Отечество», созданного Лужковым, крайне неблагоразумно напомнил о судьбе семьи румынского вождя Николае Чаушеску, сметенного волной народного гнева. Это прозвучало зловеще, потому что Николае и Елена Чаушеску были в декабре 1989 года расстреляны без суда и следствия, их сына посадили на скамью подсудимых…

Многие люди решили, что приход к власти Лужкова и присоединившегося к нему Примакова будет для них смертельно опасен. Юрий Михайлович призывал проверить, насколько честно была проведена в стране приватизация, и расторгнуть незаконные сделки. Евгений Максимович требовал расследовать сомнительный бизнес олигархов. Еще в роли премьер-министра

он многозначительно сказал, что ожидаемая амнистия позволит освободить в тюрьмах и лагерях места для экономических преступников.

Угрозы из лужковского лагеря — наказать коррупционеров из ельцинской семьи (в широком смысле) казались вполне реальными. НТВ обвинило главу президентской администрации Александра Волошина и президентскую дочку Татьяну Дьяченко в коррупции. Большая группа влиятельных и очень богатых людей считала, что победа Примакова и Лужкова может стоить им не только власти и положения, но и свободы. Поэтому они, зажатые в угол, дрались отчаянно. Тогда, в начале осени 1999 года, объединились разные силы — администрация президента и некоторые олигархи; их интересы совпали: во что бы то ни стало не допустить победы Примакова и Лужкова.

В начале сентября политическое пространство нашей страны превратилось в поле боя. Как в Чечне, здесь рвались снаряды и авиабомбы и орудовали снайперы. Соперники уже ощутили вкус политической крови. На глазах пораженной, а может быть, и довольной публики они рвали друг друга на куски.

И тогда появился Владимир Путин.

— Как вы можете доверять Путину? — поинтересовался у Валентина Юмашева один из руководителей НТВ Игорь Евгеньевич Малашенко, сын генерала, бывший сотрудник ЦК КПСС — его в свое время Ельцин приглашал в Кремль руководителем администрации.

— Он не предал Собчака, — последовал ответ. — И нас не предаст.

Практически то же самое повторила Татьяна Дьяченко, объясняя, почему Ельцин остановил свой выбор на Путине: «Он достойно повел себя, когда на его учителя, первого мэра Петербурга Анатолия Собчака произошла атака с сфабрикованными уголовными делами, и он, рискуя и должностью, и своим положением, фактически спас его».

А бывший начальник Путина и мэр Питера Анатолий Александрович Собчак попал в беду. Генеральная прокуратура и Министерство внутренних дел (министром был генерал армии Александр Сергеевич Куликов) создали совместную оперативно-следственную группу по расследованию коррупции среди должностных лиц мэрии Петербурга. Собчака попытались посадить. Но когда Анатолия Александровича вызвали на допрос в прокуратуру, его жена (ныне член Совета Федерации) Людмила Борисовна Нарусова, невероятно энергичная женщина, договорилась с главным врачом Военно-медицинской академии Юрием Шевченко, и он госпитализировал Собчака.

Вмешался Путин, тогда директор Федеральной службы безопасности. Большая следственная группа, присланная из Москвы, собирала материал о взяточничестве среди чиновников питерской мэрии, что само по себе едва ли было приятно Путину. Заручившись согласием Ельцина, благоволившего к былому соратнику по Межрегиональной депутатской группе, Владимир Владимирович сам поехал в Петербург. Под носом у следователей Людмила Нарусова рано утром 7 ноября 1996 года вывезла Собчака из больницы, доставила в аэропорт и на самолете финской авиакомпании отправила за границу для лечения.

Операция ФСБ против прокуратуры — нечто новое в истории отечественных спецслужб. Путина могли обвинить в превышении служебных полномочий или в попытке помешать правосудию. Но Собчака очевидно травили. У Анатолия Александровича было больное сердце, и он рано умер. Перед смертью он все-таки вернулся на родину — благодаря Путину, который не отрекся от своего бывшего профессора и начальника. Поступок Владимира Владимировича вызвал симпатии. Ельцин и его семья решили, что ему можно доверять. И не промахнулись.

Борис Николаевич понимал: если к власти придут его политические противники, семье грозит расправа. И ушел тогда, когда убедился, что бояться ему нечего.

Путин легко выиграл выборы. Сила его оказалась еще и в том, что никто ничего о нем не знал. Он был человеком без политического прошлого, человеком, вышедшим из тени. И это оказалось неоспоримым преимуществом на выборах. Человек новый в политике, твердый, решительный, за старые безобразия на нем вины нет, так что люди смотрели на него с надеждой.

Он стал президентом, и страхи семьи развеялись. Валентин Юмашев — к удивлению коллег-журналистов — сразу превратился в крупного бизнесмена. Татьяна Дьяченко (теперь Юмашева) руководит фондом первого президента России.

Путины. Дочери и зятья

У Путиных тоже две дочери, как и у Ельциных. Первая родилась 28 апреля 1985 года, когда ее мама еще училась в университете. Людмила Александровна хотела назвать ее Наташей. Владимир Владимирович предпочел иное имя:

— Она будет Машей.

Он служил в разведке и в этот момент проходил переподготовку в Москве, поэтому молодой маме пришлось все делать самой. И еще учиться. Вторую дочку назвали в честь другой бабушки. Катя родилась 31 августа 1986 года в Дрездене. Лифта не было, с сумками подниматься на шестой этаж, где находилась их квартира, было не просто. Соседи наставляли Путина:

— Жене надо помогать.

«Но это не возымело действия, — сокрушалась Людмила Александровна, — так как у Владимира Владимировича был принцип: женщина в доме все должна делать сама».

Потом освободилась квартира на втором этаже, Путины переехали, и стало полегче.

Сослуживцы считали Владимира Владимировича преданным отцом, замечали, сколько денег он тратит на игрушки. Говорят, что девочки безукоризненно воспитаны. В Дрездене их отдали в немецкие ясли, так что немецкий для них как родной. Потом прибавились английский и французский. Занимались спортом и музицировали — играли на скрипке, на фортепьяно.

В Питере они ходили в частную гимназию с углубленным изучением немецкого языка. В Москве Путин, не доверяя отечественному образованию, отдал девочек в школу при немецком посольстве. Немецкие дети были удивлены тем, что русских учеников привозит лимузин с шофером.

— Моим детям повезло, — говорила Людмила Путина, выступая в апреле 2005 года на семинаре в Московском кадетском музыкальном корпусе, — что с шестого класса они учились в немецкой школе. Потому что за полгода на моих глазах из послушных, робких человечков, которые смотрели в рот своим родителям и учителям и боялись высказать свое мнение, они превратились в самодостаточных людей с собственным взглядом на жизнь и своей жизненной позицией….

Екатерина и Мария Путины — уже взрослые. Они получили образование, устроили свою личную жизнь. Мало кто их видел в лицо и знает, где они и чем занимаются. Владимир Владимирович приложил максимум усилий, чтобы его дочери

остались вне зоны внимания средств массовой информации и общества. Он запретил использовать детей во время предвыборной кампании.

— Это было прямое пожелание — детей не трогать, никогда, ни за что! — вспоминала Ксения Юрьевна Пономарева, бывший генеральный директор ОРТ, которая в 2000 году была заместителем руководителя предвыборного штаба Путина. — Абсолютно разумное решение — ведь иначе жизни нормальной у них уже не будет. Вся молодость пройдет под прожекторами, а кто этого своему ребенку пожелает? Только поп-звезды ненормальные.

Скажем так: в разных странах заведено по-разному.

В самом центре Лондона женщина, возвращавшаяся домой, увидела валявшегося на земле молодого человека. Она обратила на него внимание, потому что он прилично выглядел. Вызвала скорую. Парень бормотал, что они с приятелями выпили, потому что отмечали сдачу экзаменов. Тут появилась полиция. В участке на Черинг-Кросс его поместили вместе с пьяницами и проститутками. Сержанту он сказал, что его зовут Эвиан Джонс. Но когда его обыскали, то нашли карточку, выданную на имя Эвиана Блэра.

— Постойте-ка, — спросил сержант, — вы не сын Тони Блэра?

Сержант позвонил в особый отдел Скотленд-Ярда.

В час ночи юного Блэра на машине особого отдела доставили домой. У молодого человека раскалывалась голова, и он сгорал от стыда. Через пятнадцать минут информационный отдел газеты «Сан» уже знал, что шестнадцатилетний сын премьер-министра арестован. Все, что могли сделать детективы из особого отдела, — это забрать на следующий день пленки из камер, которые снимали то место, где валялся пьяный сын премьер-министра.

Тони Блэр пытался внушить прессе, что мальчик имеет право на личную жизнь:

— Мой сын — не единственный юноша, который этой ночью отмечал сдачу экзаменов. Не он один веселился слишком усердно. Но он единственный, о ком рассказывают все газеты и телевидение. Мой сын — хороший парень, и мы преодолеем этот эпизод. У нас крепкая семья.

Тони Блэр просил прессу, чтобы она не писала о его детях, как не пишет о сыновьях принца Чарлза. Просьба была отвергнута, потому что дети премьер-министра — не наследники престола. Они не имеют права на привилегии.

На следующий день он едва не расплакался, выступая на конференции:

— Возглавлять правительство — это трудная работа. Но быть отцом еще сложнее. И не всегда ты на высоте. Но для меня семья важнее всего на свете.

На обратном пути Тони Блэр попросил водителя служебного «ягуара» остановиться возле паба в одной из деревень. Там он выпил полторы пинты пива и поехал в свою резиденцию на Даунинг-стрит. Эта история не повредила Тони Блэру. Люди увидели, что и у премьер-министра такие же проблемы, что и у других родителей. А повел он себя очень по-человечески и показал, что для него семейные ценности действительно очень важны.

А вот еще одна поучительная детская история — из опыта Соединенных Штатов.

29 мая 2001 года в городе Остине (штат Техас) полицейский наряд был отправлен в ресторан, менеджер которого набрал 911 и попросил кого-нибудь прислать. Полицейский написал в отчете:

«Когда мы с напарником приехали в ресторан, менеджер объяснил, что позвонил из-за блондинки, которая сидела возле бара. Когда мы подошли, чтобы поговорить с девушкой, меня остановил человек и представился агентом секретной службы. Выяснилось, что имя девушки — Дженна Буш.

Мы объяснили агенту, что нас вызвали, потому что есть подозрение, что девушка при покупке спиртного предъявила фальшивые документы. Агенты секретной службы не стали вмешиваться».

Секретная служба — аналог нашей Федеральной службы охраны, обеспечивает безопасность высших чиновников государства, в первую очередь президента Соединенных Штатов и его семьи. Дочь президента Джорджа Буша-младшего Дженна училась в Техасском университете. Вместе с подружками заказала коктейль «Маргарита» и текилу. Официантка обратила внимание, что Дженна слишком молода, и попросила предъявить водительское удостоверение. Та показала. Официантка увидела, что удостоверение чужое, и сообщила менеджеру. Тот позвонил в полицию.

Именно Джордж Буш-младший, когда еще был губернатором штата Техас, добился принятия закона, который предусматривает суровое наказание за такие правонарушения. За обман при незаконном приобретении алкоголя его дочь Дженну на месяц лишили водительских прав, и она заплатила штраф в шестьсот долларов. За незаконное употребление спиртных напитков пришлось посещать курсы по борьбе с алкоголизмом.

В этой истории много поучительного.

Первое. У нас в стране тоже запрещено продавать спиртное

несовершеннолетним, но эта норма — пустой звук. А в Америке бармен повел себя строго в соответствии с законом, понимая, что за правонарушение он будет сам наказан.

Второе. Менеджер позвонил в полицию, и полиция приехала, хотя речь шла о незначительном правонарушении.

И наконец, третье. Детей президента охраняют. Но охранники не стали вмешиваться, потому что не должны отмазывать детей президента, раз они совершили правонарушение. И президентская дочь была наказана, как положено по закону, и никто из администрации в полицию не звонил.

Как говорили в советские времена, два мира — две системы.

Крестным отцом старшей дочери президента Марии Путиной стал виолончелист оркестра Мариинского театра Сергей Павлович Ролдугин. Его старший брат, Евгений, служил вместе с Путиным в комитете госбезопасности. В последние годы он представитель Газпрома в Латвии.

В декабре 2002 года министр культуры Михаил Ефимович Швыдкой представил коллективу Петербургской консерватории нового ректора — профессора Сергея Ролдугина. Затем он стал художественным руководителем Дома музыки.

Таланты Сергея Ролдугина не исчерпываются музыкой. Он невероятно успешный предприниматель — большая редкость в мире большого искусства. Только стоимость его пакета акций в банке «Россия» оценивается в полмиллиарда рублей. А в 2016 году изучение так называемых панамских документов, раскрывших, кому принадлежат офшоры (фирмы, которые создаются в странах с облегченными условиями ведения бизнеса для иностранных компаний — с целью скрыть истинных владельцев бизнеса), показало, что виолончелист Ролдугин владеет четырьмя офшорными компаниями, через них проходят сотни миллионов долларов.

Сама по себе эта информация означает, что неизвестные нам российские чиновники и бизнесмены, которые пользуются офшорами, люди более чем здравомыслящие. Они хранят деньги там, где с ними ничего не может приключиться, и в самой надежной валюте.

У нас в стране часто звучат требования запретить Министерству финансов России держать средства в американских долларах. А в какой валюте лучше хранить сбережения? В китайских юанях, курс которых скачет? В рублях, курс которого во время последнего кризиса упал вдвое, — и все обладатели рублей утратили половину своих сбережений?

За две с лишним сотни лет существования в Соединенных Штатах не было ни дефолта, ни денежной реформы. Обладатель

долларовой купюры самого первого выпуска может и сейчас предъявить ее к оплате в магазине или банке, и она будет принята. Надежность доллара обеспечена самой крупной и самой диверсифицированной экономикой современного мира.

Неожиданная новость о масштабных финансовых операциях питерского виолончелиста произвела сильное впечатление. Президент Путин счел необходимым вступиться за своего старинного друга. Он рассказал, что Ролдугин почти все заработанные деньги тратит на приобретение музыкальных инструментов для государственных учреждений России…

Дети одаренных родителей

Самым близким к Путину человеком поначалу считался Сергей Борисович Иванов.

Когда Путин впервые баллотировался в президенты, его спросили:

— Кому вы доверяете?

— Доверяю? — переспросил Владимир Владимирович. — Сергею Иванову.

Они практически ровесники. Оба ленинградцы. Оба начинали жизнь в трудных материальных условиях. Сергей Иванов, как и Путин, тоже жил в коммунальной квартире. Отец Иванова рано умер. Мать работала инженером-оптиком на заводе.

После университета Иванова, как и Путина, пригласили в Комитет государственной безопасности. После учебы на высших курсах для контрразведчиков в Минске он вернулся в ленинградское управление КГБ. Они с Путиным служили в одном подразделении — 1-й службе (разведотделе). Через три года Иванова отправили в Москву учиться в разведывательной школе — теперь это академия Службы внешней разведки.

Путин, став директором ФСБ, уговорил Иванова перейти в контрразведку. Сергей Борисович в августе 1998 года стал заместителем директора, руководил департаментом анализа, прогноза и стратегического планирования. Возглавив правительство, Путин решил пересадить Иванова в свое прежнее кресло секретаря Совета безопасности. Владимиру Владимировичу понадобилось три месяца, чтобы убедить Ельцина и его окружение отдать эту должность его человеку.

Когда Путин стал президентом, Сергею Иванову пророчили пост премьер-министра. Но Путин неожиданно сузил сферу его деятельности, назначив министром обороны, потом заместителем премьера по военно-промышленному комплексу.

Когда в 2008 году истекал второй президентский срок Путина, возник вопрос: а что теперь произойдет?

— А вы уже решили, чем займетесь после 2008 года? — спросила Владимира Владимировича «Комсомольская правда».

— Образую оппозиционную партию! Буду сидеть и ругать власть за нерадивость, коррумпированность, плохое отношение к людям.

— Какая будет партия — левая или правая?

— Да фиг с ним. Лишь бы власть ругать!

Владимир Владимирович весело рассмеялся. Мысль о том, что власть можно и нужно критиковать, по-прежнему казалась

ему невероятно смешной.

Уходить Путин не собирался, но закон не позволял баллотироваться в третий раз.

Сложившаяся в стране политическая система и умонастроения тех лет позволяли Путину, когда истекал его второй президентский срок, принять фактически любое решение. Умелые законодатели нашли бы способ приспособить конституцию к реальности… Уважение к духу и букве закона — не самая сильная черта россиянина.

Но нарушение конституции или поспешная ее переделка повредили бы репутации не только государства, но и политиков, в этом участвующих. Особенно на мировой арене. Путин, заботясь о своем реноме, выбрал иной вариант. Подобрал на пост президента России человека, за которого страна проголосовала, а сам занял должность председателя Совета министров.

Наверняка Путин тогда долго размышлял над этим вопросом: кому он может безболезненно передать ключи от главного кабинета в Кремле? Решающий критерий понятен: абсолютная лояльность и надежность. Нужен человек без задних мыслей, проверенный помощник, который никогда, ни при каких обстоятельствах не повернет против Владимира Владимировича…

Вечером 15 февраля 2007 года в Кремле проходило совещание по экономическим вопросам. Иванов не мог скрыть своего прекрасного настроения. Когда Путин объявил, что Сергей Борисович становится первым вице-премьером, тот был очень доволен.

Одновременно другим первым заместителем главы правительства стал Дмитрий Анатольевич Медведев. В стране его знали меньше, чем Сергея Борисовича. Медведев работал в администрации президента.

Сергей Иванов и Дмитрий Медведев оказались на равных постах. Те, кто интересуется политикой, решили: Путин дает обоим возможность развернуться, показать себя, чтобы принять окончательное решение, кого назначить преемником. Возможно, это так. Но скорее, хорошо зная обоих, он сразу сделал выбор.

Есть две причины, которые толкают политика вверх.

Одна — сжигающая изнутри жажда власти. Офицер, не мечтающий стать генералом, и не должен им становиться. Он не наделен необходимыми для полководца командными качествами. Честолюбие и амбиции необходимы политику. Он должен желать власти и уметь с нею обращаться.

Вторая причина — некое мессианство, внутренняя уверенность политика в том, что он рожден ради того, чтобы совершить нечто великое, реализовать какую-то идею или мечту.

И Путин, и Медведев оказались на вершине власти в достаточной степени случайно. Как минимум они к этому не стремились. Но в Путине проснулись все эти страсти. А Медведев, как представляется, их лишен. Вот почему, в свое время, выбирая между Ивановым и Медведевым, Путин предпочел уступить свое кресло Дмитрию Анатольевичу.

Сергей Борисович по характеру и амбициям ближе к Путину. Заняв главный кабинет в Кремле, мог бы и не удовлетвориться предначертанной ему скромной ролью… А что касается Дмитрия Анатольевича, Путин твердо знал его жизненные интересы и устремления… Отсутствие властолюбия — по-человечески весьма симпатичная черта характера. Но властители нашей страны делаются из другого материала.

Новый взлет Сергея Иванова начался, когда Путин вернулся в Кремль и он возглавил президентскую администрацию. А в августе 2016 года внезапно был переведен на созданную для него должность специального представителя президента по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта.

У Сергея Борисовича двое сыновей. Старший, Александр Иванов, быстро делал банковскую карьеру в Внешторгбанке и во Внешэкономбанке. Он стал заместителем председателя Внешэкономбанка, а в 2014 году трагически погиб. Отдыхал в Объединенных Арабских Эмиратах и, купаясь в море, утонул. Ему было тридцать семь лет. Младший сын, названный в честь отца Сергеем, тоже пошел по банковской стезе. В юные годы занял видные посты. В двадцать девять лет он уже был заместителем председателя правления Газпромбанка. Через год возглавил страховую компанию СОГАЗ, в 2016 году стал старшим вице-президентом Сбербанка, а в 2017-м президентом алмазной корпорации АЛРОСА.

Не менее успешные бизнесмены и сыновья товарища и наследника Путина на посту директора Федеральной службы безопасности Николая Платоновича Патрушева. Владимир Владимирович сказал, что Патрушев принадлежит к числу людей, которым он безусловно доверяет. Все обратили внимание на его личную преданность Путину. Владимир Владимирович был еще главой правительства, а Патрушев уже повсюду сопровождал его, хотя обычно руководители госбезопасности с премьер-министрами держатся, конечно, корректно и любезно, а подчиняются все-таки только президенту.

Патрушев тоже питерский. В школе сидел за одной партой с Борисом Вячеславовичем Грызловым, будущим министром внутренних дел и председателем Государственной думы. После ФСБ Николай Платонович стал секретарем Совета безопасности.

Его старший сын, Дмитрий, четыре года работал во Внешторгбанке, получил высокий пост вице-президента, а в мае 2010 года стал председателем правления Россельхозбанка. Заметное назначение, потому что речь идет о третьем по значению банке в стране, важнейшем кредиторе отечественного сельского хозяйства. Дмитрию Патрушеву к моменту назначения не исполнилось и тридцати трех лет. Его предшественник, возглавлявший банк с момента создания, уволился по собственному желанию. Президент Путин отметил его успехи орденом.

Младший сын, Андрей Патрушев, пошел было по стопам отца и закончил академию ФСБ. По сведениям газеты «Коммерсант», некоторое время трудился по специальности на Лубянке — заместителем начальника 9-го (нефтяного) отдела в управлении «П» («Промышленность»). В сентябре 2006 года юный капитан Андрей Патрушев был назначен советником председателя совета директоров Роснефти и вице-премьера Игоря Ивановича Сечина. В апреле 2007 года Андрей Николаевич, которому было тогда двадцать шесть лет, удостоился ордена Почета «за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу». Патрушев-младший проработал в Роснефти к моменту награждения семь месяцев. Затем Андрей Патрушев стал заместителем генерального директора компании Газпромнефть.

Самым преданным Путину человеком считается Игорь Иванович Сечин. Он возглавлял его секретариат в питерской мэрии. Он дежурил в приемной Путина. Отвечал на телефонные звонки, соединял с теми, с кем тот хочет поговорить. Принимал гостей. Разбирал бумаги. Потом руководил секретариатом Путина в ФСБ, Белом доме, Кремле. Поначалу его недооценивали…

Игорь Сечин моложе Путина. Окончил филологический факультет Ленинградского университета, работал переводчиком с португальского языка в Мозамбике, трудился в управлении внешнеэкономических связей Лен-гор исполкома — пока счастливым образом не познакомился с Путиным.

Достоинства Сечина: хорошая память, умение разговаривать с людьми, полная лояльность по отношению к начальнику. Отзывались о нем, как о закрытом и сдержанном человеке, не позволяющем себе никаких эмоций. Поначалу считалось, что он лишен собственных амбиций и пристрастий и лишь исполняет волю своего шефа. Ситуация быстро изменилась. В Кремле он не мог не осознать, какой огромной властью обладает. Это пробудило желание что-то сделать и самому.

Владимир Владимирович его ценит, и это основа влияния Сечина, который добрался до поста вице-премьера. А в 2012 году

возглавил компанию Роснефть. Его влияние нисколько не уменьшилось после ухода из государственного аппарата.

Когда-то президент гигантской компании «Дженерал моторс» Чарлз Уилсон прославился фразой:

— Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо и для страны.

Он произнес эти слова, когда его в 1952 году утверждали министром обороны Соединенных Штатов. Сечин проделал обратный путь — из правительства в бизнес. Но ему эта формула должна нравиться: что хорошо для Роснефти, хорошо и для России.

Сын Сечина от первого брака Иван окончил экономический факультет Московского университета. Поначалу трудился в Газпромбанке. А потом отец взял его к себе в Роснефть. В марте 2014 года Иван Сечин занял должность первого заместителя директора департамента совместных проектов на шельфе. Меньше чем через год президент наградил Сечина-младшего медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени — «за большой вклад в развитие топливно-энергетического комплекса и многолетний добросовестный труд».

Дочь Сечина Инга тоже начинала банкиром — в Сургутнефтегазбанке. И замуж вышла за банкира — старшего вице-президента Внешторгбанка Тимербулата Олеговича Каримова, внука классика башкирской поэзии Мустая Карима. Он учился в США, в Бриджпортском университете. Специальность — аналитик нефтегазовой отрасли. Ныне зять Сечина — член совета директоров «Русской медной компании».

Банкирами стали и дети других видных руководителей страны.

5 марта 2004 года Государственная дума утвердила Михаила Ефимовича Фрадкова председателем Совета министров. А через три недели в своей резиденции «Бочаров Ручей» Путин рассказал, как познакомился с будущим премьер-министром:

— В 1995 году он приезжал в Петербург навестить своего младшего сына, который учился в Суворовском училище. Это произвело на меня сильное впечатление. В то время очень многие из наших элит занимались растаскиванием всего того, что можно было растащить и куда-нибудь под корягу упрятать. И когда в этих условиях человек своего сына не пристраивает куда-то в теплое место, а отправляет на учебу в другой город, да еще в Суворовское училище, не скрою, это произвело приятное впечатление…

Павел Фрадков окончил Суворовское училище, но в армию не пошел. Поступил в Академию Федеральной службы безопасности, затем в Дипломатическую академию и был взят в Министерство

иностранных дел. А в тридцать один год был назначен заместителем руководителя Федерального агентства по управлению государственным имуществом.

Старший сын премьер-министра, Петр Фрадков, очень похожий на отца, стал банкиром. Похоже, модная профессия среди детей большого начальства… И тоже очень молодым сделал завидную карьеру — стал первым заместителем председателя Внешэкономбанка. А потом возглавил Российский экспортный центр. Эта структура, входящая в состав группы ВЭБ, создана специально для поддержки отечественных экспортеров. А в начале 2018 года ему поручили новое дело — превратить Промсвязьбанк в государственный, чтобы через него шло финансирование оборонного комплекса.

Стоит ли удивляться, что и сын директора ФСБ тоже избрал карьеру банкира?

Директором Федеральной службы безопасности 12 мая 2008 года, всего через пять дней после инаугурации, президент Дмитрий Анатольевич Медведев утвердил Александра Васильевича Бортникова.

Александр Васильевич дослужился до высокой должности заместителя начальника управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по контрразведывательным операциям. В июне 2003 года генерал-майор Бортников возглавил питерское управление госбезопасности. Он занимался расследованием убийства депутата Государственной думы Галины Васильевны Старовойтовой. Бортников предупреждал тогда, что самая трудная задача — установить заказчика. И действительно — исполнителей нашли и осудили, а заказчик все еще на свободе.

Его сын Денис Бортников окончил в Санкт-Петербурге университет экономики и финансов. Служил в Промышленно-строительном банке. Его владелец — банкир Владимир Игоревич Коган, считающийся близким к Путину. В этом же банке работал будущий руководитель аппарата президента, спикер Госдумы и начальник внешней разведки Сергей Евгеньевич Нарышкин. Затем Денис Бортников возглавил Северо-Западный региональный центр Внешторгбанка.

Словом, от расхожей фразы «природа на детях отдыхает» пора отказаться. Как минимум в России природа не отдыхает. Генетикам предстоит установить очевидную взаимосвязь между высокой должностью отца и завидными успехами детей в бизнесе, прежде всего в банковском.

А вот сын вице-премьера по оборонному комплексу Дмитрия Олеговича Рогозина взялся помогать отцу.

Дмитрий Рогозин — гедонист, умеющий наслаждаться

жизнью, некогда непременный участник различных ток-шоу. В роли лидера партии «Родина» он в свое время легко прошел в Думу. К следующим выборам партию не допустили, а Рогозина вознаградили креслом постоянного представителя России при НАТО. Его 28-летний сын Алексей, закончив аспирантуру МГИМО, стал заместителем генерального директора оружейного завода «Промтехнологии», который производит высокоточные оружейные системы.

В декабре 2011 года Дмитрия Рогозина утвердили заместителем председателя правительства по военно-промышленному комплексу. Неожиданное назначение для человека с журналистским образованием, который никогда не работал в оборонной промышленности. Алексей Рогозин же стал генеральным директором федерального казенного предприятия «Алексинский химический комбинат», где производят порох для артиллерии. В 2016 году сын вице-премьера был назначен заместителем директора департамента имущественных отношений Министерства обороны. А в 2017-м — генеральным директором Авиационного комплекса имени Ильюшина (ОАО «Ил»).

Рогозины — не первый случай семейственности в оборонном комплексе.

Четверть века из военного бюджета выделялись сотни миллионов советских еще рублей на создание самого настоящего гиперболоида — боевого лазера на гусеничном ходу.

В 1969 году эта задача была поручена центральному конструкторскому бюро «Луч», которое затем преобразовали в научно-производственное объединение «Астрофизика». Построили город-полигон в лесу и научно-исследовательский комплекс в пустыне. Военно-промышленный комплекс всегда был в привилегированном положении, а «Астрофизика» и вовсе ни в чем не знала отказа.

Ее генеральным конструктором и генеральным директором стал Николай Дмитриевич Устинов. Его отец, член политбюро Дмитрий Федорович Устинов, был секретарем ЦК по военной промышленности, потом министром обороны, а мог стать и первым человеком в стране. Дмитрий Федорович в 1941 году, когда ему было всего тридцать два года, стал наркомом вооружения. И с тех пор сорок лет, меняя должности и кабинеты, занимался созданием оружия.

В армии к Устинову относились по-разному. Ведь до назначения министром обороны он ни дня не служил в армии. Кадровые военные воспринимали его как штатского человека. И Устинов словно взялся доказать, что штатский человек способен

сделать для Вооруженных сил больше, чем военный. Пока он был секретарем ЦК, он иногда спорил с армией. А заняв пост министра, вывел армию и военную промышленность из-под контроля. Все это теперь подчинялось ему одному.

Поддержка Устинова-старшего имела огромное значение для работ по созданию лазерного оружия. В деньгах отказа не было. Сколько надо было, столько и получали. Генералы мечтали иметь лазер, который можно было бы вывести на поле боя. Но генеральские мечты разбивались о законы физики.

Для того чтобы лазерный луч прожигал боевую технику — подобно гиперболоиду, его необходимо сузить, сконцентрировать. На небольшом расстоянии это возможно — и лазеры используются в промышленности, в медицине. Но на больших расстояниях луч расплывается, теряет энергию. К тому же лазерный луч не может пробиться через пыль, туман, дождь и снег.

Ссылки на законы физики не освобождали от ответственности. В «Астрофизике» собрались прекрасные ученые. А для настоящего ученого чем задача сложнее, тем интереснее. Да и всегда находятся люди, обещающие сказку сделать былью. Сконструировать гиперболоид, смертоносное лучевое оружие, с помощью которого можно было бы на большом расстоянии разрезать и взрывать бронированную технику, как это проделывал герой романа Алексея Николаевича Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», все равно было невозможно.

Удовлетворились меньшим — выводить из строя оптические приборы противника. При попадании лазерного луча приборы наведения танка или ракетной системы сами поневоле сфокусируют его и выйдут из строя. Если в этот момент наводчик смотрит в окуляр прибора наведения, он лишится глаза.

Ученым «Астрофизики» удалось создать дюжину опытных образцов. И награды не заставили себя ждать. В 1975 году Устинов-младший получил Государственную премию, через пять лет «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда, еще через год его избрали член-корреспондентом Академии наук.

Но гигантские махины на гусеничном ходу были крайне уязвимы и ненадежны. Боевой лазер стоимостью в миллионы рублей противник на поле боя мог уничтожить одним выстрелом из скорострельной пушки. И после смерти Устинова-старшего все кончилось. Его сын пришел рассказать об «Астрофизике» к члену политбюро и новому секретарю ЦК по военно-промышленному комплексу — Льву Николаевичу Зайкову, переведенному из Ленинграда. Зайков плохо принял Устинова-младшего. Не проявил никакого интереса, сказал, что его разработки больше не

нужны. Устинов-младший не ожидал этого, не сознавал, что все это существует только благодаря его отцу…

Уже в наше время успешный бизнесмен и долларовый миллионер Александр Геннадиевич Хлопонин стал губернатором Красноярского края (после гибели в авиакатастрофе Александра Ивановича Лебедя). Четыре года трудился полномочным представителем президента в Северо-Кавказском федеральном округе. С января 2010 года — заместитель председателя правительства.

Его жена занимается архитектурными проектами. За один год заработала девяносто три миллиона рублей. Дочь, Любовь Хлопонина, вышла замуж за Никиту Артемовича Шашкина, первого заместителя генерального директора АО «Курорты Северного Кавказа», отец которого, Артем Владимирович Шашкин, — заместитель генерального директора Корпорации развития Северного Кавказа. Его задача — привлекать в регион инвестиции. Артем Шашкин работал в Россельхозбанке вместе с Дмитрием Патрушевым. Семейное дело. Сам Хлопонин по распределению обязанностей в Совмине курирует Министерство по делам Северного Кавказа.

Александра Николаевича Ткачева в 2000 году избрали губернатором Краснодарского края. Его поддержал влиятельный в крае Николай Игнатьевич Кондратенко, который назвал Ткачева «сынком» и «преемником». Доброе дело не осталось без благодарности. Сам Кондратенко был членом Совета Федерации. Когда он умер, в верхней палате его сменил младший сын — бизнесмен Алексей Кондратенко.

Александр Ткачев, состоявший в компартии, вступил в «Единую Россию». В 2015 году стал министром сельского хозяйства. Его семье принадлежит огромный агрокомплекс, который дает многомиллиардную прибыль.

Его жена Ольга еще в бытность мужа хозяином края попала в первую десятку самых богатых жен губернаторов России. Его старшая дочь Татьяна вышла замуж за Романа Александровича Баталова, выпускника МГИМО и сына владельцев крупного торгового дома. Зять Ткачева в двадцать три года стал самым молодым депутатом Законодательного собрания Краснодарского края, заместителем директора Краснодаргоргаза и членом совета директоров ОАО «Независимая энергосбытовая компания Краснодарского края». Что значит попал в семью с хорошими традициями…

Брат Романа Баталова Дмитрий женился на дочери советника губернатора Краснодарского края и возглавил краснодарский филиал Связь-банка.

Теперь уже журналисты составляют длинные списки компаний, принадлежащих зятю Ткачева. Но и дочь Татьяна старается не отставать. Ей принадлежала компания «Кубанский бекон», которая тоже присоединилась к агрокомплексу Ткачева.

Генеральным директором агрокомплекса был старший брат министра Ткачева, Алексей Николаевич. Вот уже много лет он депутат Государственной думы. Его дочь (и племянница министра) Анастасия Ткачева еще студенткой стала совладелицей двух трубных заводов и еще нескольких предприятий. Иначе говоря, вся семья посвятила себя отечественному сельскому хозяйству.

Мировая практика такова: у действующего министра не должно быть коммерческих интересов в той сфере, которой он руководит. Но мы идем своим путем. И решительно ничто не мешает карьере Ткачева. В бытность губернатором Краснодарского края ему не повредили события в станице Кущевской — невиданное по масштабам групповое убийство двенадцати человек…

Оружейные сделки составляют миллиарды долларов. Когда-то торговлей оружием занимался Алексей Огарев, близкий друг Татьяны Дьяченко. Путин объединил все организации, которые занимались экспортом оружия, в единый Рособоронэкспорт. Генеральным директором стал Андрей Юрьевич Бельянинов, который служил во внешней разведке и одновременно с Путиным находился в командировке в Германской Демократической Республике.

Его первый заместитель, Сергей Викторович Чемезов, тоже работал в ГДР, а потом трудился вместе с Путиным в управлении делами президента: «Мы работали в ГДР в одно время. С 1983 по 1988 год я возглавлял представительство объединения „Луч“ в Дрездене, а Владимир Владимирович приехал туда в 1985 году. Жили в одном доме, общались и по службе, и по-соседски».

Андрей Бельяминов возглавил потом таможенную службу, а с декабря 2017 года он — председатель правления Евразийского банка развития. Вместо него оружейным экспортом руководил генерал-полковник Чемезов: «Одно время бытовало мнение, будто торговля оружием — нечто позорное, постыдное. Дескать, аморально продавать «орудия смерти». Не соглашусь. Не зря ведь говорят: хочешь жить в мире — готовься к войне. Торговля вооружением слишком выгодный бизнес, чтобы мир отказался от него».

Потом он возглавил государственную компанию «Ростехнологии», правительство передало ей государственные пакеты акций сотен предприятий.

Его вторая жена, Екатерина Сергеевна Игнатова, заметная бизнесвумен. Газеты подсчитали: ее средний годовой доход — 600 миллионов рублей. Она вкладывала деньги в автомобильный бизнес, нефтегазовый, банковский, ресторанный, в недвижимость. Вместе с дочкой, аспиранткой МГИМО, — в медицинский бизнес. Старший сын, Станислав Чемезов, тоже занялся масштабным бизнесом — и на редкость удачным.

Много раз в прессе звучали недоуменные вопросы относительно невероятно успешного бизнеса детей государственных руководителей. Оппозиционные политики публиковали расследования с прямыми обвинениями в коррупции. Но никакие сомнения на сей счет не принимаются. У фракции коммунистов в Государственной думе возникала даже идея запретить родственникам высших чиновников заниматься бизнесом, но законники из «Единой России» объяснили им, что эта инициатива прямо нарушает конституцию.

Вопрос о бизнесе детей приобретает острый характер, когда речь идет о сыновьях руководителей правоохранительных органов. Например, внимание привлек сын министра внутренних дел Владимира Александровича Колокольцева, Александр. Начинавший в милиции, он расстался с погонами и внезапно оказался крупным и успешным бизнесменом, совладельцем нескольких компаний.

И конечно же, широко обсуждалась история с бизнесом сыновей генерального прокурора Юрия Яковлевича Чайки, Артема и Игоря, очень успешных предпринимателей с колоссальными доходами… На самом генпрокуроре это никак не сказалось.

Вспомнили по аналогии историю прокурора СССР Андрея Януарьевича Вышинского. После Февральской революции 1917 года меньшевика Вышинского избрали в Москве председателем 1-го участка Якиманской управы. Как и другие руководители местной власти, он получил распоряжение Временного правительства: «Ульянова-Ленина Владимира Ильича надлежит арестовать в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего и пятого июля в Петрограде. Ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести».

Вышинский распорядился развесить эти объявления у себя в районе, не предполагая, что всю остальную жизнь будет проклинать себя за этот поступок. После прихода большевиков к власти Андрей Януарьевич дрожал от страха. Но Сталин неожиданно сделал его прокурором СССР и поручил провести

позорные процессы над мнимыми врагами народа. И он старался! Сталин любил собирать вокруг себя людей с подмоченной репутацией. Они помнили, что в любую минуту могут лишиться всего…

Но Юрий Яковлевич Чайка с самого начала зарекомендовал себя надежным человеком. Еще в 1998 году, когда возникла проблема с тогдашним генпрокурором Юрием Ильичом Скуратовым.

Скуратов не знал, как сложится будущее, и держался отстраненно, поэтому в Кремле не считали, что могут на него положиться. А это были очень тяжкие месяцы для Ельцина. На ключевой должности генерального прокурора — на случай непредвиденных обстоятельств — хотелось иметь надежного союзника.

Скуратова отстранили от исполнения обязанностей «на период расследования возбужденного против него уголовного дела». Путин, который был директором ФСБ, имел возможность убедиться в том, что назначенный исполняющим обязанности генерального прокурора Юрий Чайка повел себя правильно. Заявил, что уголовное дело возбуждено законно. Хотя Московский городской суд придет к выводу, что прокуратура превысила свои полномочия, и отменит постановление о возбуждении уголовного дела против Скуратова. Никто его, впрочем, судить и не собирался — надо было сменить генпрокурора.

Дело в другом. Принцип таков: надежный, проверенный, нужный человек имеет право устраивать жизнь своих детей. Это давняя традиция.

Накануне очередного съезда партии секретарь ЦК по кадрам Иван Васильевич Капитонов, льстивый, но осторожный, спросил Брежнева, можно ли выдвигать в состав центрального комитета членов семьи генерального.

Леонид Ильич, даже несколько обиженный, ответил вопросом на вопрос:

— А что, разве члены моей семьи — лишенцы?

На ближайшем съезде его зятя, Юрия Чурбанова, ввели в состав Центральной ревизионной комиссии КПСС, на следующем сделали кандидатом в члены ЦК. Затем в состав высшего партийного руководства избрали и сына Брежнева — Юрия Леонидовича, первого заместителя министра внешней торговли.

О Юрии Леонидовиче советские люди узнали, когда по телевидению показали, как Брежнев-старший вручает Брежневу-младшему орден. Генеральный секретарь растрогался: какого сына вырастил! А страна дивилась беззастенчивости

брежневского семейства.

Впрочем, вожди всегда любили недостатки в анкетах своих помощников, знали, что это стимулирует рвение. В октябре 2011 года во время большого телеинтервью президент Путин вдруг обратился к одному из интервьюеров — генеральному директору и главному редактору НТВ Кулистикову:

— Вот вы, уважаемый Владимир Михайлович, руководите одним из крупнейших средств массовой информации, общенациональным каналом НТВ, а в свое время, если мне не изменяет память, работали на радио «Свобода».

— Был такой грех, — немедленно признался Кулис-тиков.

— А когда я работал в органах КГБ СССР, радио «Свобода» рассматривалось нами как подразделение ЦРУ США, — напомнил президент. — Пропагандистское, правда. И это имело под собой определенные основания. Мало того что оно финансировалось по каналам ЦРУ, оно фактически даже занималось агентурной работой на территории бывшего СССР.

Никому не придет в голову заподозрить бывшего уже гендиректора НТВ в том, что он иностранный агент или скрытый либерал. Просто, наделенный от природы завидным инстинктом, Владимир Кулистиков всегда знал, где надо работать. Поэтому на сломе эпох, когда резко ухудшилось финансовое положение отечественной журналистики, ушел в компанию «Русский дом», которая занималась торгово-посредническими операциями. Трудился корреспондентом арабской газеты. Нанялся на радио «Свобода» в Москве. В ту пору многие сотрудничали с иностранными средствами массовой информации, которые платили полновесными деньгами.

А на НТВ неуклонно проводилась линия партии и правительства не потому, что тем самым замаливались старые грехи вроде работы на радио «Свобода», а потому, что это высоко ценимая чиновниками работа, которая не остается без благодарности… Именно НТВ атаковал не только тех, кого считают оппозиционерами, но и президента братской Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко, одного из немногих союзников России, — в тот момент, когда им в Москве были недовольны. В 2010–2011 годах НТВ показало пять серий фильма «Крестный батька».

Но характерно, что Владимир Владимирович не счел за труд познакомиться с биографиями своих интервьюеров и хранит в памяти самые важные детали.

Вожди желают знать все обо всех.

Первый заместитель министра иностранных дел Георгий Маркович Корниенко однажды приехал к председателю КГБ

Андропову. Среди прочего рассказал Юрию Владимировичу, что в Иране опубликованы документы из захваченного здания американского посольства в Тегеране. Там оказались и присланные из центрального аппарата ЦРУ биографические справки о наиболее видных советских чиновниках.

Георгий Корниенко обнаружил справку и о себе. Со смехом заметил, что ЦРУ неважно работает — не знает, что он в юности служил в органах госбезопасности и имеет звание капитана.

«И вдруг я кожей почувствовал, что сказанное мною очень расстроило Андропова, — вспоминал Корниенко, — оказалось, что он тоже не знал этой «детали» моей биографии. Сущий пустяк, но я понял, что ему был неприятен сам факт, что он, самый информированный человек в государстве, не знал чего-то о человеке, с которым имел дело в течение многих лет».

Председатель КГБ всерьез рассердился на своих подчиненных:

— А мои говнюки не удосужились сказать мне об этом.

Министр Сердюков. Зять премьера Зубкова

1 ноября 2001 года президент Путин подписал указ о создании Комитета по финансовому мониторингу (финансовая разведка). Его возглавил Виктор Зубков (в ранге первого заместителя министра финансов). Он когда-то заведовал отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ленинградского обкома КПСС. В последние годы советской власти — первый заместитель председателя Леноблисполкома. В 1992 году Путин пригласил его заместителем в комитет по внешним связям мэрии. А в 2007-м сделал главой правительства.

И сразу же подал в отставку министр обороны Алексей Эдуардович Сердюков. Он был женат на дочери Зубкова и считал невозможным служить под непосредственным руководством тестя. 18 сентября 2007 года новый премьер-министр прилетел к президенту, отдыхавшему в резиденции «Бочаров Ручей». После встречи Зубков вышел к журналистам:

— Мы обсудили еще один вопрос… Еще до утверждения моей кандидатуры Думой у меня была беседа с министром обороны. Он, как вы знаете, является моим близким родственником. Учитывая вот эти близкие родственные связи, он подал сегодня президенту рапорт об отставке.

На Арбате в здании Министерства обороны начальники снимали со стены портреты министра и провозглашали тосты:

— За торжество справедливости!

Гадали, кто сменит Сердюкова. Генералы делали вид, что их возмущает биография Сердюкова, который начинал трудовую деятельность в мебельном магазине и до Министерства обороны руководил Федеральной налоговой службой. В реальности генералы, преуспевшие в основном по хозяйственной части, не приняли штатского министра, потому что им стало ясно — придется уступать место молодым профессионалам.

А президент отставки не принял. Министр обороны — такова наша традиция — подчиняется не премьеру, а главе государства.

Назначение в Министерство обороны и для Сердюкова было большим сюрпризом. Он мне об этом сам рассказывал:

— Когда я вошел в президентский кабинет, там был и Сергей Борисович Иванов, на тот момент министр обороны. Президент мне говорит: «Мы посоветовались (я так понял, что в том числе и с Сергеем Борисовичем) и решили, что вы должны занять пост министра обороны». Для меня это было сказать неожиданно — мало, на самом деле — шок. Потому что я никакого отношения к армии не имел, кроме как в свое время служил срочную. Но

президент объяснил, есть важнейшие вопросы, связанные с экономикой, с финансами. Ими должен заняться профессионал и найти решения.

Намерение министра обороны Анатолия Сердюкова изменить само содержание военной службы было революцией. Изменить облик вооруженных сил, чтобы у молодых людей появилось желание стать военными. Что предложил министр? Служить неподалеку от дома. В выходные видеть семью. Получать отпуск. Не дежурить на кухне, не тратить драгоценные месяцы жизни на хозяйственные работы. Превратить казарму в удобное для жизни место. Армия же сосредоточится на боевой и физической подготовке.

А почему должно быть иначе? Военная служба — замечательная профессия, а не отбытие наказания. Военный человек в боевой ситуации обязан сражаться, если надо — отдать жизнь за родину, но почему его надо гнобить в казарме, унижать, содержать в жалких условиях?

Когда Анатолия Сердюкова назначили министром обороны, не было недостатка в ехидных комментариях: что гражданский человек понимает в военных делах? Экономист Сердюков увидел то, что было очевидно военным специалистам. Вооруженные силы — плохо организованная корпорация. Военный бюджет — колоссальный, а денег не хватает. Сердюков затеял реальную ревизию огромного армейского хозяйства.

Он объявил, что броню для автомобилей, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, машин разведки придется закупать в Германии. Услышал в ответ возмущенное: это не патриотично! А отправлять солдата в бой под броней, которую пробивает стрелковое орудие, патриотично?

В Израиле купили пятнадцать беспилотных летательных аппаратов. Опять недовольство: почему обижают своих производителей? Пытались создать свои — потратили пять миллиардов рублей, и не получилось. Главнокомандующий военно-воздушными силами заслуженный летчик России генерал-полковник Александр Николаевич Зелин честно сказал о российских моделях:

— Принимать их на вооружение — это просто преступление.

При Сердюкове ликвидировали существующие только на бумаге кадрированные части. Цель — добиться, чтобы все соединения и части находились в постоянной боевой готовности. Было 60 тысяч полковников, осталось 8 тысяч. Генералов было 1200, осталось 780. Конечно, можно посочувствовать старшим офицерам, которых отправляют в отставку. Но без обновления кадров не обойтись. После войны с Грузией начальник

Генерального штаба генерал армии Николай Егорович Макаров жаловался, как трудно было найти офицера, способного командовать войсками в боевой обстановке:

— Командиры, которые, командуя полками и дивизиями, существовавшими только на бумаге, просто были не в состоянии решать вопросы, возникшие в ходе реальной войны. Когда им дали людей и технику, они растерялись, а некоторые даже отказались выполнять задачи. Спрашивается, нужны ли нам такие офицеры?

Полностью менялась система военного образования. Исторически по всей стране открылось множество военных учебных заведений. Но преподаватели были далеки от современной науки, иностранных языков не знали, литературы не читали. Новой техники, на которой могли бы учиться курсанты, не было. Компьютерные классы безнадежно устарели. Как и тренажеры, на которых будущие летчики отрабатывали тактику скоротечного огневого контакта. Выпускник летного училища летать — и воевать! — не способен, его приходится доучивать уже в воинской части. Как было не согласиться с министром Сердюковым: вместо десятка безнадежно устаревших учебных заведений — одно современное, располагающее всем необходимым?

Но поддержки министр не получил. Начинаниям министра противостояла немалая часть офицерского корпуса, не желавшая перемен. Отставники высказывались откровенно и публично. Действующие мрачно роптали. Многие старшие офицеры и генералы просто не в состоянии были представить себе новый облик армии.

14 октября 2008 года министр Сердюков сообщил о начале радикальной военной реформы. Он не только обещал отправить в отставку лишних генералов и сократить штабы, но и изменить структуру Вооруженных сил: вместо округов, армий, дивизий и полков — округ, оперативное командование, бригады. Дивизионно-полковая структура устарела. Нужны более мобильные и управляемые бригады.

— Руководство российского военного ведомства наводит в Вооруженных силах элементарный порядок, — объяснил министр обороны Сердюков и напомнил: — Проходили годы, десятилетия, в течение которых ничего не делалось. Сейчас настало время.

20 апреля 2010 года министр обороны встретился с представителями правозащитных организаций и союзов солдатских матерей.

Министр сказал, что у солдата будет пятидневная рабочая неделя. В субботу и воскресенье он надевает гражданскую одежду

и отправляется домой. Подъем в семь утра, отбой в одиннадцать вечера. Призывники должны служить в регионе, где были призваны. Если там негде служить, тогда в соседнем. Призывников с высшим образованием, сыновей престарелых родителей, отцов маленьких детей — отправят служить поближе к дому.

В начале 2008 года Сердюков распорядился, чтобы Главное управление боевой подготовки и службы войск (начальник генерал-лейтенант Владимир Анатольевич Шаманов) проверило физическую подготовку генералов и офицеров центрального аппарата министерства. Нормативы — подтянуться на перекладине определенное число раз, пробежать сто метров и километр, проплыть сто метров. Многие вовсе не сдали, половина — на тройку.

Тогда сокращалась преступность, упало число смертельных случаев в армии. Военная прокуратура стала больше возбуждать уголовных дел против генералов и старших офицеров, которые брали взятки за освобождение призывников от воинской службы, за распределение жилья офицерам и передачу контрактов на поставку имущества для Вооруженных сил.

Сердюков начал программу продажи «непрофильных активов» Министерства обороны — особняков и домов приемов, опустевших военных городков и ненужных полигонов.

Но все завершилось 25 октября 2012 года, когда сотрудники Следственного комитета, Министерства внутренних дел и военной контрразведки провели обыск в доме № 6 по Молочному переулку — в квартире недавнего руководителя департамента имущественных отношений Министерства обороны Евгении Николаевны Васильевой.

Недовольных министром накопилось очень много. Особенно в оборонном комплексе. Сердюков отказывался закупать старые образцы вооружений, требовал разрабатывать новые виды боевой техники. Немалая часть офицерского корпуса не желала менять свою жизнь. Отставники не скрывали своих обид. Вместе с семьями это многие миллионы избирателей…

6 ноября 2012 года ровно в одиннадцать утра министр обороны Сердюков вошел в кабинет президента Путина. Через пятнадцать минут он вышел уже бывшим министром.

Очень скоро, после драматических событий вокруг Крыма и на Украине, мировая военная печать удивленно отметит, что облик российских вооруженных сил радикально переменился: это новая и современная армия, боеспособная и хорошо подготовленная.

Новым министром стал министр по делам гражданской

обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Сергей Кужугетович Шойгу. Он единственный министр, сохранившийся с первого ельцинского кабинета, который возглавлял Иван Степанович Силаев.

Шойгу долго благоразумно избегал политики. В 1993 году его включили в избирательный список гайдаровской партии «Выбор России», но Шойгу уклонился от такой чести (как чувствовал, что у этой партии нет большого будущего). Он попал и в оргкомитет черномырдинской партии «Наш дом — Россия», но опять-таки политиком не стал.

Осенью 1999 года Шойгу не устоял перед искушением, когда Ельцин присвоил ему звание Героя Российской Федерации и попросил без отрыва от работы возглавить новый предвыборный блок. Шойгу не мог решить, как именно назвать блок — то ли «Единство», то ли «Медведь». Придумал новое название.

— Мы, — сказал он, — это партия Путина.

После выборов «Единству» создадут региональную структуру, а потом уже объединят с лужковским «Отечеством» в партию «Единая Россия».

Пока Шойгу был просто хорошим министром, никто не интересовался его личными делами. А тут журналисты выяснили, что в районе Рублевско-Успенского шоссе приобрела два земельных участка, чья стоимость оценивается в девять миллионов долларов, Ксения Сергеевна Шойгу.

Дочь министра? Но ей было тогда восемнадцать лет, и она училась в МГИМО. Журналисты предположили, что это позволило министру Шойгу не указывать дорогостоящую недвижимость в декларации о доходах… Но официальные лица решительно опровергли сообщение о том, что оба участка принадлежали дочери министра. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) внесла изменения в документы о собственниках земельных участков, и упоминание о Ксении Шойгу исчезло.

Старшая сестра министра Лариса Кужугетовна Шойгу, врач по образованию, тоже перебралась в Москву. Трудилась в центральной поликлинике Министерства по чрезвычайным ситуациям. В 2007 году вернула себе девичью фамилию (ее муж — хирург Константин Якубович Фламенбаум), и Лариса Шойгу стала депутатом Государственной думы. Ее сын Александр, племянник министра, — бизнесмен, генеральный директор финансово-инвестиционной компании.

И жена самого министра, Ирина Александровна Шойгу, преуспела в бизнесе. Среди ее деловых партнеров называют жену Сергея Валентиновича Хетагурова, заместителя Шойгу в МЧС,

Сергея Владимировича Матвиенко, сына Валентины Ивановны Матвиенко (тогда губернатора Петербурга), и родственников первого заместителя министра по чрезвычайным ситуациям Юрия Леонидовича Воробьева.

Воробьевы — заметная семья в российском истеблишменте. Юрий Воробьев — друг и соратник Сергея Шойгу. Много лет был у него первым замом в министерстве, пока не перешел в Совет Федерации.

Его дети, Андрей Юрьевич и Максим Юрьевич, занялись рыбным бизнесом и очень преуспели. Но Андрей Юрьевич передал руководство группой компаний «Русское море» младшему брату, а сам пошел в политику. Поработал помощником у Сергея Шойгу. Очень молодым стал членом Совета Федерации. Получил мандат депутата Государственной думы, возглавил фракцию «Единой России», занял кресло заместителя председателя Думы. И наконец, сменил Шойгу на посту губернатора Московской области.

А Сергей Шойгу принял Министерство обороны. И сразу же распорядился, чтобы в параде 9 Мая на Красной площади вновь принимали участие воспитанники Суворовских и Нахимовских училищ. Сердюков считал неправильным отвлекать их от учебы бесконечными тренировками.

Шойгу стал приглашать назад уволенных офицеров, восстанавливал распущенные его предшественником структуры. Отказался от покупки итальянских бронеавтомобилей. Но ключевые сердюковские новации не отменил.

Глава шестая. Борьба кланов

В первые годы президентства Путина по Москве ходили веселые анекдоты о питерских, понаехавших в столицу. Сергей Борисович Иванов сразу предупредил:

— У команды Путина отличное здоровье, бодрое настроение. И мы пришли надолго.

В реальности процесс вхождения во власть не был простым. Путин — один из немногих кадровых офицеров госбезопасности, которые в перестройку пошли на службу к демократам, да еще к самому Собчаку, которого в КГБ ненавидели.

Во время августовского путча 1991 года Путин срочно вернулся из отпуска (отдыхал с семьей в чудесном месте — на Куршской косе). 20 августа был рядом с питерским мэром. Продемонстрировал готовность разделить его судьбу. А в случае победы ГКЧП Собчака точно не ждало ничего хорошего.

20 августа подполковник действующего резерва Путин демонстративно написал рапорт начальнику ленинградского управления КГБ генералу Куркову с просьбой уволить его из органов госбезопасности. Под руководством Путина сняли красный флаг с Дома политпросвещения — символическое событие для Ленинграда.

Питерская команда

Близкие знакомые Путина вошли в руководство органов госбезопасности. Заместителем директора ФСБ стал генерал Александр Андреевич Григорьев, давний друг президента; их общая фотография помещена в книге Владимира Путина «От первого лица». Потом Григорьев вернулся в родной Питер начальником областного управления. Но вскоре неожиданно покинул эту должность — говорят, не поладил с еще более близким в ту пору к Путину человеком — Виктором Васильевичем Черкесовым. В этом конфликте президент встал на сторону Черкесова.

Впрочем, старый друг без должности не остался. В 2001 году генерал-полковник Григорьев возглавил Российское агентство по государственным резервам, ведающее всеми запасами на случай войны и чрезвычайных ситуаций.

А главным чекистом в Северной столице стал еще один представитель сплоченной питерской команды — генерал Сергей Михайлович Смирнов (он учился в одной школе с Грызловым и Патрушевым). До этого он возглавлял управление собственной безопасности ФСБ. Это управление занимается только серьезными делами. Сравнительно мелкие проступки разбирают управление кадров и инспекция по личному составу в инспекторском управлении ФСБ.

Генерал Смирнов говорил журналистам, что наибольшую опасность представляли попытки коммерческих структур подкупить офицеров госбезопасности. Он полагал, что этим пользуются иностранные разведки, которые внедряют в коммерческие структуры своих людей, а уж те умело выманивают информацию из сотрудников Федеральной службы безопасности. В 2003 году он был переведен в Москву первым заместителем директора ФСБ, получил звание генерала армии.

Статс-секретарем и заместителем директора ФСБ был назначен Владимир Леопольдович Шульц. В советские времена он вместе со Степашиным преподавал в Ленинграде в военно-политическом училище МВД. Потом Шульц возглавил академию Федеральной службы безопасности.

Путин перевел в Москву еще одного питерского сослуживца — Виктора Петровича Иванова. Он окончил Ленинградский электротехнический институт связи имени М.А. Бонч-Бруевича (там же учился Борис Грызлов) и Высшую школу КГБ. Последняя должность — начальник отдела по борьбе с контрабандой питерского управления госбезопасности. В 1994 году уволился в

запас и возглавил управление административных органов мэрии Санкт-Петербурга.

Перебравшись в Москву, Путин вернул его в кадры госбезопасности и сделал главой важнейшей Службы собственной безопасности ФСБ. Виктор Иванов вырос до заместителя директора и начальника департамента экономической безопасности. И вслед за Путиным перешел в Кремль — заместитель главы президентской администрации, помощник президента. Ведал руководящими кадрами. Все ключевые назначения проходили через него.

Иванов, в частности, добился того, что прекратила свое существование комиссия по помилованию при президенте во главе с писателем Анатолием Игнатьевичем Приставкиным, автором трогательной повести «Ночевала тучка золотая» о трагической истории депортации чеченцев и ингушей при Сталине. За десять лет работы комиссия Приставкина, принимая во внимание обстоятельства дела, личность осужденных, осознание ими своей вины и степень их опасности для общества, смягчила приговор многим заключенным, чтобы они быстрее могли вернуться к семьям и нормальной жизни. В 2001 году комиссию распустили.

В мае 2008 года, когда президентом стал Дмитрий Анатольевич Медведев, Виктора Иванова утвердили директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Но кресло это оказалось неудачным. В 2016 году президент Путин ее упразднил. Нового назначения Иванов не получил.

Начальником Федеральной службы охраны (бывшее 9-е управление КГБ) стал еще один выходец из Питера — Евгений Алексеевич Муров. Он начинал в разведке, три с половиной года провел в командировке в Юго-Восточной Азии, а в 1992-м сменил стезю и перешел в контрразведку. В Санкт-Петербурге возглавлял различные райотделы, вырос до заместителя начальника областного управления.

В мае 2000 года, сразу после первой инаугурации президента Путина, Муров возглавил Федеральную службу охраны. После его назначения на пост главного охранника журналисты заговорили о том, что Путин повсюду расставляет лично известных ему людей.

— Да, у Владимира Владимировича очень много знакомых и приятелей, — подтвердил Муров и сам себе сделал комплимент: — И тем не менее в свою команду он берет только тех людей, которых знает как профессионалов.

На Западе охрана только бережет жизни. У нас все по-другому. Одежда и еда, мебель и выбор дачи, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи — всем занимается

личная охрана. За исключением Сталина, близость и откровенность с которым исключалась, все остальные хозяева Кремля превращали главного охранника в доверенное лицо всей семьи.

Основа влияния начальника охраны — близость к первому человеку в стране. Начальник охраны проводит со своим подопечным больше времени, чем его жена. Начальнику охраны рассказывают то, чем не делятся и с женой. Его посвящают во все семейные секреты. Он заботится о детях и внуках хозяина, спасает от неприятностей и выручает из беды.

Без охранника кремлевские небожители не могли ступить и шага. В мемуарах Сергея Никитича Хрущева описана та растерянность, которая охватила семейство после того, как Никиту Сергеевича отправили на пенсию. Когда исчез привычный начальник охраны, Хрущевы просто не знали, как им жить.

А в мае 2016 года Муров был уволен. О генерале армии Мурове много писала «Новая газета», одно из немногих изданий, профессионально занимающихся расследовательской журналистикой. По ее информации, отставка связана с возрастом — генералу пошел седьмой десяток. И здоровье стало подводить. «Новой газете» рассказали, что «частным самолетом в Швейцарию по поводу лечения двух тазобедренных суставов и одного коленного вылетел Аркадий Петрович Иванов, как две капли воды похожий на Евгения Алексеевича Мурова».

И по словам журналистов «Новой», ему повредил скандал, связанный с арестом бизнесмена Дмитрия Михальченко, который «реализовывал проект по обеспечению энергией многофункционального морского перегрузочного комплекса «Бронка» на территории нового грузового района «Большой порт Санкт-Петербург», призванного заменить порты враждебной ныне Латвии при содействии Андрея Мурова».

Андрей Евгеньевич Муров, сын недавнего руководителя ФСО, после юридического факультета Санкт-Петербургского университета начинал адвокатом. Ощутил в себе талант бизнесмена и крупного менеджера. Управлял аэропортом Пулково. А в 2013 году возглавил правление Федеральной сетевой компании Единой энергетической системы, которая занимается передачей электроэнергии по всей России. Это стратегически важное предприятие.

А бизнесмен Дмитрий Павлович Михальченко, арестованный весной 2017 года оперативниками ФСБ, долгое время получал подряды на строительство объектов для высшего начальства, за которыми присматривала служба охраны. Чувствовал себя крайне уверенно… Несложно предположить, что смежники крайне

неодобрительно отзывались о близости такого человека к руководству службы охраны.

Личную охрану Путина еще осенью 1999 года возглавил Виктор Васильевич Золотов. Его выбрал сам Владимир Владимирович. Он служил в девятом управлении КГБ. В начале девяностых работал в охранных предприятиях Санкт-Петербурга, потом стал телохранителем мэра Собчака.

В 2013 году Путин поручил Золотову более масштабное дело — поставил во главе внутренних войск МВД, присвоил звание генерала армии. А в апреле 2016 года сделал главнокомандующим только что созданными войсками Национальной гвардии. Это уже самостоятельная должность министерского уровня. Считается, что важнейшая задача национальной гвардии — подавлять любые беспорядки в стране.

Еще один заместитель руководителя президентской администрации — Дмитрий Николаевич Козак — тоже старый знакомый Путина. Выпускник юридического факультета Ленинградского университета, он работал в прокуратуре, в 1994–1999 годах возглавлял юридический комитет мэрии.

Судя по всему, Путин прочил его в генеральные прокуроры, но в последний момент президента уговорили поставить на эту должность потомственного прокурора Владимира Васильевича Устинова. Дмитрий Козак был полпредом президента в Южном федеральном округе. Министром регионального развития. Ныне — заместитель председателя правительства.

Во главе обширного кремлевского хозяйства Путин поставил Владимира Игоревича Кожина. Он родился в Челябинской области, но после школы переехал в Ленинград. Окончил электротехнический институт и Академию внешней торговли. Защитил диссертацию. Работал в райкоме комсомола. В 1993 году возглавил в Питере Ассоциацию совместных предприятий. Тогда и началось его деловое сотрудничество с Путиным.

Путин перевел его в Москву директором Федеральной службы по валютному и экспортному контролю, затем взял в Кремль. В управлении делами президента Владимир Кожин поразил подчиненных современными методами — не отрывался от компьютера и даже с подчиненными общался по электронной почте.

Важные посты в столице — как в государственном аппарате, так и в бизнесе — тогда заняли и другие выходцы из Питера.

Леонид Дододжонович Рейман, начинавший главным инженером в Ленинградской городской телефонной сети, стал министром связи и информатики. Два его заместителя Александр Михайлович Пронин и Александр Николаевич Киселев тоже

прибыли из Северной столицы.

Георгий Сергеевич Полтавченко получил должность полпреда президента в Центральном федеральном округе, затем стал губернатором Санкт-Петербурга. После окончания Ленинградского института авиационного приборостроения он поработал в райкоме комсомола, откуда был взят в КГБ, где, как говорят, и познакомился с Путиным. Когда Путин вернулся из ГДР, Полтавченко служил начальником Выборгского горотдела КГБ. Когда Путин работал в мэрии, Полтавченко руководил питерским управлением Федеральной налоговой полиции, получил погоны генерал-лейтенанта.

Борис Вячеславович Грызлов родился во Владивостоке, но в четыре года его перевезли в Ленинград. Отец — военный летчик, мать — учительница. Работал на предприятиях военно-промышленного комплекса, занимался бизнесом.

В ноябре 1998 года Грызлов баллотировался в депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга, но проиграл. Летом 1999 года руководил избирательной кампанией Виктора Алексеевича Зубкова, баллотировавшегося в губернаторы Ленинградской области, и тоже неудачно. Судьба улыбнулась ему, когда он возглавил петербургское отделение движения «Единства», созданного в поддержку Путина, и благодаря этому стал депутатом Государственной думы. Преувеличенно серьезного, с выправкой гвардейского офицера Грызлова сделали главой фракции «Единства», а затем министром внутренних дел. Два срока он был председателем Государственной думы и прославился вошедшей в историю фразой: «Дума — не место для дискуссий».

Когда Грызлов в декабре 2011 года покинул Думу, о нем не забыли. Три года он был председателем наблюдательного совета государственной корпорации по атомной энергии Росатом. А в декабре 2015 года Путин назначил его полномочным представителем в трехсторонней Контактной группе по урегулированию ситуации на востоке Украины.

Видя, как питерские по-хозяйски занимают руководящие кабинеты, наверное, многие чиновники горько пожалели о том, что в начале девяностых не перебрались в Питер и не приняались в питерскую мэрию хотя бы на небольшую должность. Запись в трудовой книжке — «работал в мэрии Санкт-Петербурга» — сулила немалую карьеру. Злые языки не преминули заметить, что толковых менеджеров в такой стране, как наша, много, а выбирали все-таки тех, кто трудился под непосредственным руководством президента.

Противостояние двух столиц

На протяжении последних ста лет московские и питерские политики никак не могут решить, кто из них важнее и чей город должен быть столицей. Для питерских этот спор прежде заканчивался самым печальным образом.

За разговоры о том, что столицу надо перенести из Москвы в Питер, целую группу ленинградских руководителей в октябре 1950 года Сталин распорядился приговорить к смертной казни. Так называемое «ленинградское дело» — это был настоящий разгром питерских кадров. Причем по всей стране искали и уничтожали даже тех питерцев, которые давно перебрались в другие города.

Причиной стала не только давняя нелюбовь Сталина к Питеру. Через несколько лет после войны вождь искал повод избавиться от уже упоминавшегося в этой книге Андрея Александровича Жданова, который одно время был вторым человеком в партии. Иностранные журналисты отмечали: в Ленинграде портретов Жданова больше, чем Сталина. Такой «иконографии» они не видели ни в одном другом городе.

Жданов активно переводил в Москву ленинградские кадры. По его рекомендации, скажем, союзным наркомом текстильной промышленности стал Алексей Николаевич Косыгин — с должности председателя ленинградского горисполкома. Другой заместитель председателя горисполкома Николай Алексеевич Вознесенский возглавил в Москве Госплан.

Жданов с гордостью говорил о своих людях:

— Если несколько лет тому назад боялись выдвигать на руководящую партийную работу людей образованных и молодежь, руководители прямо душили молодые кадры, не давая им подниматься вверх, то самой крупной победой партии является то, что партии удалось, избавившись от вредителей, очистить дорогу для выдвижения выросших за последний период кадров и поставить их на руководящую работу.

Сталин не любил кланы, боялся, что сложатся какие-то группы, следил за тем, чтобы высшие чиновники не встречались и не дружили. В распространении питерских кадров по стране он увидел некую угрозу.

1 октября 1950 года были тайно расстреляны трое самых видных ленинградцев — секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, член политбюро, председатель Госплана и заместитель главы правительства Николай Алексеевич Вознесенский, член оргбюро ЦК и председатель Совета министров РСФСР Михаил

Иванович Родионов. Сотни связанных с ними партработников сняли с работы. 214 человек посадили, 23 расстреляли. Это была показательная расправа.

Выживший Иосиф Михайлович Турко, бывший второй секретарь ленинградского обкома, в 1954 году рассказывал: «Так как я отрицал свою вину, следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. После избиений направлял меня в карцер».

Ленинградцев обвинили в том, что они проводили вредительско-подрывную работу: хотели создать отдельную компартию России, чтобы неоправданно поднять значение РСФСР внутри Советского Союза, и даже перенести российское правительство из Москвы назад на берега Невы, в Ленинград.

Комсомольцы Шелепина

Разгром питерцев — далеко не единственный пример клановых чисток. После того как Хрущева в октябре 1964 года отправили в отставку, первым секретарем ЦК стал Брежнев. Но его в ту пору многие недооценивали. Считали руководителем слабым, временным. А стране нужна крепкая рука, вот и думали, что Брежневу придется уступить место более сильному лидеру — Александру Николаевичу Шелепину.

Он был образованнее, моложе и энергичнее Брежнева. Вокруг него группировались в основном недавние выходцы из комсомола, которые занимали видные посты в органах госбезопасности, внутренних дел, аппарате ЦК, идеологических учреждениях. Пошли разговоры о том, что вот комсомольцы пытаются захватить власть в стране, в партии.

Леонид Ильич был внешне доброжелателен, но с особой брежневской хитростью всех разогнал. Сменил председателя КГБ, потому что Владимир Семичастный дружил с Шелепиным. Брежнев отправил на Лубянку Юрия Андропова, у которого друзей не было. Сменил министра внутренних дел — Вадим Тикунов прежде был заместителем Шелепина в КГБ. А Брежнев сделал министром своего давнего приятеля Николая Щелокова.

Брежнев позаботился о том, чтобы и должность начальника 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения не занял человек, считавшийся ставленником Шелепина. Леонид Ильич тогда еще не жаловался на здоровье, но угадал важность этой позиции. Состояние здоровья высшего руководства — бесценная информация в борьбе за власть.

Человек тридцать — сорок из окружения Шелепина разослали кого куда, большей частью послами в малозначимые, но далекие государства.

В апреле 1967 года перестал быть генеральным директором ТАСС Дмитрий Петрович Горюнов, бывший главный редактор «Комсомольской правды». После отставки Хрущева Горюнов не прервал отношения с его зятем Алексеем Аджубеем. Они встречались в компании бывших комсомольских работников. Доброхоты советовали встречаться пореже. Горюнов не прислушался и поехал послом в Кению.

В один день распустили отдел международной информации ЦК, которым руководил Дмитрий Петрович Шевлягин, потому что в его составе было много комсомольцев. Шевлягина отправили послом в Алжир.

Председатель правления агентства печати «Новости», бывший

член бюро ЦК ВЛКСМ и главный редактор «Комсомольской правды» военных лет Борис Сергеевич Бурков тоже считался близким к Шелепину человеком. Он пытался попасть в брежневский круг, пробиться к Леониду Ильичу, но безуспешно. Его убрали из АПН, которое превратилось в огромное пропагандистское ведомство.

Проба сил в истории с Щелоковым и Тикуновым, освобождение Семичастного от должности, которое прошло как по маслу, показали Брежневу, что он набрал силу и может не считаться с Шелепиным. Более того, нет смысла держать его внутри партийного аппарата. Зачем ему видеть брежневскую политическую кухню изнутри?

— Знаешь, надо нам укрепить профсоюзы, — сказал Брежнев Шелепину. — Есть предложение освободить тебя от обязанностей секретаря ЦК и направить на работу в ВЦСПС председателем. Как ты смотришь?

Александр Николаевич ответил, что никогда себе работы не выбирал и ни от какой не отказывался. Хотя он прекрасно понимал, что укрепление профсоюзов Брежнева совершенно не интересует. Ему нужно было убрать Шелепина из партийного аппарата.

Впрочем, в роли главы профсоюзов энергичный и популярный Шелепин тоже был неудобен Брежневу. Генеральный секретарь объяснил генеральному директору ТАСС Леониду Замятину прямым текстом:

— Всех идеологов, которые окружали Шелепина, мы отослали за рубеж или в другие места. Сейчас он ищет новых людей на идеологическом фронте, формирует новую команду. Он, видишь, не бросил своих идей. Мне это не нравится. И мы с этим покончим.

Шелепина сняли с должности председателя ВЦСПС и вывели из политбюро. Это стало сигналом для окончательной кадровой чистки бывших комсомольцев.

«Мне стало ясно, что придется уходить на пенсию, — вспоминал бывший второй секретарь ЦК ВЛКСМ Николай Николаевич Романов, много лет руководивший спортивным ведомством. — Попал в опалу не только я, многие бывшие комсомольские работники оказались в таком же положении. Я был вынужден подать заявление».

К власти пришла южная когорта, которую знающие люди делили на разные группы — днепропетровскую, молдавскую и казахстанскую — в зависимости от того, где тому или иному чиновнику посчастливилось поработать с Леонидом Ильичом. В особом фаворе были те, кто познакомился с Брежневым еще в

годы его юности и молодости, когда он начинал свою карьеру в Днепропетровске.

— На посту председателя КГБ мне открылись секреты взаимоотношений в высшем эшелоне власти, — рассказывал Семичастный. — Я и не знал раньше, где какой клан, землячество, из какого хутора кадры подбираются. А тут начинаешь обращать внимание, почему у председателя Совета министров Косыгина пять заместителей из Днепропетровска, откуда и сам Брежнев. Тут уж понимаешь, с кем и как себя вести.

Секретарь ЦК Михаил Васильевич Зимянин, знакомясь с новым директором издательства «Молодая гвардия», спросил:

— Знаешь, что главное в газете или издательстве?

Тот стал бойко перечислять:

— Идейный и художественный уровень, кадры…

Опытный Зимянин покачал головой:

— Главное знать, кто за кем стоит.

В Москве невесело шутили, что история России делится на три этапа — допетровский, петровский и днепропетровский. Леонид Ильич не упустил ни одной возможности поставить на важный пост своего человека. Брежнев не забывал старых знакомых, помогал им. Он обладал завидным даром поддерживать добрые отношения с нужными людьми, и они ему преданно служили. А он нуждался в поддержке, особенно в первые годы, пока его позиции не окрепли.

Леониду Ильичу понадобились годы на то, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. Только тогда он смог успокоиться. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева.

Старые знакомые в случае нужды сразу обращались к его жене, Виктории Петровне. Брежневский клан хорошо знал, что муж к ней прислушивается, и при каждом удобном случае спешил расписаться в своем почтении. Днепропетровцы не упускали возможности о себе напомнить. Постоянно приглашали к себе в город — со всей семьей, устраивали пышные встречи.

И Брежневы старых друзей не забывали. 12 июля 1982 года (Леониду Ильичу оставалось жить несколько месяцев) подруга по Днепропетровску горячо благодарила Брежневых за то, что генеральный секретарь велел перевезти ее в столицу и дал квартиру в центре Москвы:

«Дорогие Леонид Ильич, Виктория Петровна! Не знаю, какими словами выразить Вам свою благодарность. Спасибо, Леонид Ильич, тебе, что ты не остался глухим к моей просьбе. Переезд мой организовался молниеносно. Как бывает только в

сказке. Квартира мне дана очень хорошая, в хорошем месте. Конечно, за Днепропетровском я скучаю. Как-никак я прожила в этих краях пятьдесят лет. Из них с Вами я знакома сорок девять.

Желаю тебе, Леонид Ильич, доброго здоровья и еще здоровья для счастья и мира на земле. Много лет жизни и покоя на земле. Виктория Петровна! Тебе также здоровья и благополучия. Дай бог обоим Вам самого наилучшего и желанного. Крепко целую и обнимаю».

Желание видеть счастливые лица членов большой семьи Брежнев легко удовлетворял за казенный счет.

Ельцин боялся кланов

«В январе 1986 года мне позвонили из приемной М.С. Горбачева и предложили через час явиться к «самому», — вспоминал Василий Георгиевич Захаров, в ту пору первый заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК партии. — Спросил: надо ли взять какие-то материалы? В ответ — нет. Я немало удивился, не каждый день вызывают к генеральному».

В кабинете Горбачева уже сидел посетитель — новый хозяин столицы Ельцин.

— Ты знаешь, произошла смена руководства в московском горкоме, — объяснил Михаил Сергеевич. — Борис Николаевич подбирает кадры, в первую очередь секретарей горкома. Он сам хороший хозяйственник, строитель. Но Москва — это столица, здесь огромные культурные ценности, активная культурная жизнь, целая армия работников науки и образования, культуры. Тут нужен не только хороший орговик, но прежде всего умный и опытный идеолог. Борис Николаевич попросил рекомендовать на должность второго секретаря тебя. Для успешной работы на этом посту все у тебя есть: долго и успешно работал в Ленинграде секретарем обкома, ученый — доктор наук, вел идеологию, культуру, науку, образование…

Захаров выразил сомнение:

— Я — ленинградец, а, как известно, между Москвой и Ленинградом всегда было определенное соперничество. Секретарь ленинградского обкома становится вторым секретарем московского горкома! Никогда ни один ленинградский функционер не был не только вторым, но и рядовым секретарем в Москве. Партийный аппарат — особенно первые секретари райкомов — могут встретить меня не очень хорошо, и это осложнит мою работу в городе.

Горбачев ответил, что Захарова берут не из Ленинграда, а из аппарата ЦК, а это уже другое дело:

— Кроме того, партийный аппарат тебя уже знает, ты часто выступал на активах, собраниях. Мы изучили этот вопрос и уверены, что тебя примут.

Василий Захаров потом поинтересовался у Ельцина, почему тот его выбрал.

— Ты пока не «спаялся», не переплелся с москвичами, — ответил Борис Николаевич.

Говоря это, он характерно вращал руками, как будто в них был шар:

— Ты еще не увяз в московских клановых связях.

«Я не раз мог убедиться в его нерасположенности к московским мифическим или реальным группировкам, — рассказывал Захаров. — Прихожу, бывало, к нему с кандидатурой на замещение какой-то должности, которую должен рассмотреть горком. Он долго читает «объективку», затем спрашивает:

— Кто тебе предложил (в смысле подсунул) эту кандидатуру?

Я рассказываю о кандидате, о том, что он был давно в резерве на замещение этой должности, что его орготдел изучал. А он мне в ответ:

— Ты думаешь, орготдел не связан с группировками? Нет, ты еще поизучай эту кандидатуру, а затем примем решение.

Такое поведение объяснялось не только его чрезвычайной мнительностью, боязнью «московских кланов», но и тем, что он очень плохо знал московский актив лично (в отличие от Свердловска, где ему были известны все и вся)».

Кому-то казалось, что вокруг Ельцина образовалась «свердловская мафия». Так же, дескать, в свое время Брежнев повсюду расставлял людей из Днепропетровска. В реальности Ельцин привез с собой из Свердловска только двух помощников — Виктора Васильевича Илюшина, который проработал с ним много лет, и Алексея Николаевича Царегородцева. Они оба были секретарями райкомов в Свердловске и стали помощниками у Ельцина в московском горкоме. После отставки Ельцина осенью 1987 года Илюшину подыскали место в аппарате ЦК, Царегородцева отправили в Академию народного хозяйства. Когда Ельцина избрали председателем Верховного Совета России, он пригласил к себе Царегородцева и Илюшина.

Всего несколько выходцев из Свердловска получили в Москве заметные должности. Бывший второй секретарь обкома Олег Иванович Лобов работал то в правительстве, то в Совете безопасности. Первый проректор Уральского университета Рудольф Германович Пихоя возглавил архивное ведомство, а его жена Людмила Григорьевна писала президенту России речи и выступления. Его бывший покровитель из свердловского горкома Федор Михайлович Морщаков стал первым управляющим делами президента.

Назначение людей из Свердловска на заметные должности объяснялось просто. Почти все москвичи, кого он выдвинул в бытность первым секретарем столичного горкома, его не просто предали, а с наслаждением топтали.

Первый руководитель Российской телерадиокомпании и народный депутат РСФСР Олег Максимович Попцов вспоминает: «У Ельцина произошло своеобразное отравление Москвой. Когда я слышу разговоры о свердловской команде, мне представляется

все это достаточно несуразным. Человек не в состоянии адаптироваться в чужом мире, не имея перед глазами ни одного знакомого лица. И дело даже не в команде, а в микроатмосфере, наличие которой делает период привыкания менее болезненным… Пережив предательство московского окружения, он надолго сохранил подозрительность к любым выдвиженцам из Москвы».

Но, между прочим, с самым влиятельным в его окружении свердловчанином Ельцин познакомился уже в Москве, на съезде народных депутатов. Скромного преподавателя марксизма-ленинизма из Свердловска Геннадия Эдуардовича Бурбулиса первый секретарь обкома Ельцин и не знал. А именно Бурбулис возглавил его предвыборный штаб, стал государственным секретарем РСФСР, первым заместителем председателя Совета министров, а в реальности — руководителем правительства реформаторов.

Ельцин не был клановым человеком. Личной преданности он требовал только от личных помощников, секретарей и охранников. Остальных ценил с точки зрения их способности делать дело.

Путин к моменту прихода в Кремль слишком мало проработал в Москве, чтобы обзавестись собственными кадрами. Он поначалу чувствовал себя не слишком уютно в столице. В Москве приезжим непросто. В Питере Владимир Владимирович знал всех, и он всем был известен. В Москве он ощутил себя чужаком. Ему еще предстояло выяснить, кто есть кто в столице, прочувствовать настроения в высшем эшелоне, осознать, как работает невидимый простому глазу механизм власти. Поэтому и обратился к друзьям и сослуживцам по Питеру. Это была кузница первых путинских кадров.

Потом он обрел опыт и уверенность, и питерское происхождение перестало быть определяющим в выборе кандидатов на руководящие должности. Идет время, и старые соратники, с которыми когда-то был на «ты» и на равных, надоедают. Появляются новые фигуры. Но он все равно предпочитает тех, кого знает. Скажем, Путин очень доверяет экономическим суждениям Алексея Леонидовича Кудрина.

Будущий министр финансов России родился в Добеле (Латвия), где его отец служил в штабе 24-й танковой дивизии Прибалтийского военного округа и женился на Зинте Миллер. Дедушка Кудрина по материнской линии в независимой Латвии состоял членом военизированной организации айзсаргов, которых коммунисты считали врагами. После присоединения республики к Советскому Союзу в 1940 году его вместе с женой и

маленькими детьми выслали в Сибирь. Они выжили. В пятидесятых годах им позволили вернуться на родину (подробнее см. выходящий в Риге журнал «Открытый город», № 9, 2011). Алексей Леонидович учился на экономическом факультете Ленинградского университета вместе с будущим советником президента Андреем Николаевичем Илларионовым, а работал в Институте социально-экономических проблем Академии наук вместе с Анатолием Борисовичем Чубайсом.

В питерской мэрии у Собчака Кудрин стал первым заместителем мэра и председателем комитета экономики и финансов. Потом перебрался в Москву, трудился в президентской администрации. Весной 1997 года перешел в правительство. Администрацию возглавил Валентин Юмашев. Вот ему Кудрин настоятельно рекомендовал Путина на свою прежнюю должность руководителя Главного контрольного управления. Владимир Владимирович это помнит.

Многих удивило, когда Путин накануне новых президентских выборов взял в Кремль на ключевую должность Сергея Владиленовича Кириенко, который стал в 1998 году главой реформаторского правительства, затем лидером фракции Союза правых сил в Думе, и вообще он человек иных политических взглядов.

И в свое время он считался премьером с перспективой.

Невысокий, худенький Сергей Владиленович казался маленьким рядом с Борисом Николаевичем, который сам за руку отвел его в кабинет главы правительства. Президент хотел дать Кириенко шанс: а вдруг это новый Гайдар, столь же энергичный и твердый в преобразованиях? Ельцину понравился «стиль его мышления — ровный, жесткий, абсолютно последовательный».

Кириенко принадлежал к поколению удачливых деловых людей, которым путевку в жизнь дал комсомол. Сидя под красными знаменами, эти люди строили капитализм — успешно для себя и в конечном счете для страны. Он олицетворял новое поколение — людей, которые формировались в перестроечные времена и законы рыночной экономики постигали на деле.

«Я думаю, — писала Татьяна Дьяченко, — это полностью мое предположение, папа никогда об этом со мной не говорил, если бы не было дефолта августа 1998 года и правительство Сергея Кириенко с хорошими результатами доработало бы до лета 2000 года, папа мог поддержать действующего премьера. Папа считал, что следующим президентом должен стать политик нового поколения, с демократическими взглядами».

Кириенко рассказывал о разговоре с Ельциным в день назначения.

— Вы понимаете, что происходит в стране? — спросил его президент.

— Понимаю, — ответил Кириенко, — вкатываемся в долговой кризис. Если не принять срочные меры, последствия будут самые печальные.

— Вы считаете, что выйти из кризиса можно?

— Можно. Но для этого придется пойти на самые жесткие действия.

— Беритесь и делайте, Сергей Владиленович.

Кириенко не предполагал, что экономический кризис перерастет в политический, что из-за дефолта начнется настоящая паника и сделать он уже ничего не успеет.

1998 год сломал карьеру большой группе политиков, которые претендовали на первые роли. Сергей Кириенко, Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Борис Федоров (вице-премьер и лидер партии «Вперед, Россия!») оказались отодвинутыми от определения политики в стране. И открылись замечательные вакансии для новых людей, которые поднялись наверх неожиданно для самих себя. Путину, Касьянову, Волошину, Сергею Иванову именно август 1998-го открыл дорогу наверх.

Так почему же Путин призвал в Кремль Кириенко?

У всего есть история. В один из летних дней 1998 года глава президентской администрации Валентин Юмашев позвонил своему первому заместителю Владимиру Путину и, ничего не объясняя, попросил съездить в аэропорт и встретить главу правительства Сергея Кириенко, который возвращался от президента, отдыхавшего в Карелии.

Кириенко вышел из самолета со словами:

— Володя, привет! Я тебя поздравляю!

— С чем?

— Указ подписан. Ты назначен директором ФСБ.

Обычно руководителей спецслужб отбирает президент. На назначении Путина настоял Кириенко. Глава правительства сам приехал на Лубянку, чтобы представить чекистам нового главу Федеральной службы безопасности.

Бывший директор ФСБ генерал армии Николай Дмитриевич Ковалев, огорченный и обиженный неожиданной отставкой, считал, что Кириенко важно было доказать свою состоятельность как премьер-министра, показать, что он влияет на кадровую политику президента, внушить силовикам, что им следует относиться к нему серьезно. Если он способен заменить фигуру, подчиненную не премьеру, а президенту, это доказывает его аппаратный вес.

Генерал Ковалев после короткого разговора передал дела

своему преемнику и покинул Лубянку. Путин говорил потом, что не слишком обрадовался новому назначению:

— У меня не было желания второй раз входить в одну и ту же воду.

Но именно эта кадровая ступенька привела Владимира Владимировича на вершину власти. И он помнит, что его назначение в ФСБ было целиком и полностью личной инициативой Сергея Кириенко.

Глава седьмая. Новая номенклатура

Номенклатура — это перечень должностей, назначение на которые и смещение с которых в советские времена проходило под контролем вышестоящих партийных органов.

Когда-то создатель системы госбезопасности Феликс Эдмундович Дзержинский возмущался: почему ему не доверяют? С какой стати не он будет решать, кто ему нужен на той или иной должности, а аппарат ЦК станет проверять его людей и определять, годны они или не годны для службы на Лубянке!

Но Сталин твердо стоял на своем:

— Нет, Феликс, ты не прав. Речь идет о системе партийного контроля, о системе партийного руководства. Нужно, чтобы партия назначала руководящих людей. И ты должен быть благодарен ЦК, а не спорить.

Только по команде сверху

Смысл существования номенклатуры состоял в том, чтобы централизованно, сверху управлять расстановкой кадров. Номенклатура существовала начиная с уровня райкома партии. Нельзя было переизбрать даже секретаря первичной парторганизации, не согласовав кандидатуру с райкомом.

Номенклатура ЦК КПСС делилась на несколько категорий. Низший уровень — учетно-контрольная, это когда вопрос о назначении согласовывался с отделом ЦК, где с кандидатом на должность беседовал инструктор, заведующий сектором или заместитель заведующего отделом.

Номенклатура секретариата ЦК — более высокий уровень. Одних кандидатов на высокие должности приглашали непосредственно на секретариат. В день утверждалось назначение нескольких десятков человек. Другие назначались путем заочного голосования секретарями ЦК. Они получали краткие личные дела кандидатов, подготовленные отраслевым отделом, и должны были в случае согласия поставить свою подпись. Часто секретари ЦК этих людей не знали и просто расписывались, полагаясь на мнение отдела.

И еще была номенклатура политбюро: первые секретари обкомов, крайкомов, национальных республик, министры и заместители председателя Совета министров, высший командный состав армии, послы и некоторые главные редакторы газет и журналов. Но предварительно эти кандидатуры обсуждались и на секретариате ЦК.

В отделе организационно-партийной работы ЦК на Старой площади заводилось личное дело на каждого номенклатурного работника. В делах хранились так называемые справки-объективки — сухая официальная информация плюс ритуальные пустые слова: политически грамотен, идеологически выдержан, морально устойчив… Перед утверждением номенклатурного чиновника высокого ранга сотрудники отдела оргпартработы писали свои характеристики. Перед этим опрашивали несколько человек, которые знали кандидата, и их мнения подшивали в дело. В КГБ за справками не обращались, это были уже проверенные люди.

Дела номенклатуры хранились в секторе учета кадров отдела оргпартработы. Сотрудник ЦК, допущенный к этим секретам, мог туда сходить, через окошечко попросить дело и быстро посмотреть. Если предстояла длительная работа, то по телефону заказывали дело, и технический работник ЦК приносил его в

кабинет под расписку.

Профессор Вадим Александрович Печенев, который работал в отделе пропаганды ЦК, а потом стал помощником Черненко, вспоминал:

— Была любопытная деталь в той аппаратной жизни. Мы знали, что если сегодня в каком-то отделе появился инструктор или заведующий сектором с Урала, который курировал секретарь ЦК Кириленко, то завтра появится кто-то со Ставрополья, которое курировал секретарь ЦК Суслов. То есть они следили за соблюдением баланса.

Когда советская власть исчезла, казалось, возникнут новые принципы подбора и расстановки кадров. Но вернулись к прежней.

Евгений Вадимович Савостьянов, который после руководства столичной госбезопасностью и присвоения генеральского звания стал заместителем главы президентской администрации, рассказывал:

— Президентская администрация, как когда-то ЦК КПСС, контролирует кадровые дела, назначения на все важные должности.

— А что такое президентская номенклатура должностей, которая заменила номенклатуру политбюро и секретариата ЦК? Кто в нее входит?

— Президентская номенклатура — это военнослужащие в звании генералов и все, кто назначается на должности, которым соответствуют такие звания. Скажем, если полковник назначается на генеральскую должность, он попадает в сферу внимания президентской администрации… Это судьи. Это послы, потому что они назначаются указом президента — при согласии Федерального собрания. И — при разных премьер-министрах это было по-разному — мы участвовали в подборе кандидатур на министерские посты. Мы оценивали президентскую номенклатуру в двадцать семь — двадцать восемь тысяч человек.

— На каждого, кто входит в президентскую номенклатуру, у вас заводят личное дело?

— До нас этого не было. Мы поставили вопрос о том, что нужно вести сокращенный дубликат личного дела и хранить его в администрации. Мы создали и собственную систему региональных представителей, то есть управление кадровой политики располагало своим аппаратом на местах. Задача кадровиков в том, чтобы оценивать кандидатов на высокие назначения и следить за работой тех, кто уже вошел в президентскую номенклатуру.

Президент присваивает генеральские звания и определяет

место службы всех генералов (судьбу остальных офицеров решает министр обороны). Это мощный рычаг влияния на армию и специальные службы. Первоначально администрация президента просто штамповала бумаги, поступавшие из Министерства обороны. Канцеляристы лишь проверяли, правильно ли они составлены, и писали указ, который шел на подпись к президенту.

— Мы ввели иную систему, — рассказывал Савостьянов. — Встречались с кандидатами на высокие должности, старались понять их уровень подготовки, амбициозность, стремление продвинуться. Ни один генерал не мог быть назначен без визита в администрацию президента.

— А в чем смысл контроля над назначением судей по всей стране?

— Задача Министерства юстиции, судейской коллегии давать профессиональную, ведомственную оценку кандидату на должность или действующему судье. Мы в это не лезли. Это не наше дело — оценивать, хорош судья или нет. Наше дело — давать общественно-политическую оценку, поэтому мы старались связаться с правозащитными организациями, с адвокатскими коллегиями, с МВД, ФСБ, чтобы понять, что представляет собой тот или иной судья.

Иногда выяснялись неприятные факты. Например, к судье претензий вроде нет, а ее муж фигурирует как глава местной преступной группы. Формально жена за мужа не отвечает, но в реальности лучше, согласитесь, подыскать другую кандидатуру…

— Как именно осуществляется проверка президентской номенклатуры: с помощью оперативных возможностей Федеральной службы безопасности?

— Не только. Мы запрашивали представителей президента на местах, общественные организации. Скажем, к нам поступают материалы на награждение орденами и медалями. До нас наградные листы просто подмахивали. Мы стали проверять каждое представление. Например, представляется к награждению директор завода. Мы спрашиваем местную профсоюзную организацию: нет ли задолженности по выплате зарплаты? Налоговую службу — не должник ли директор? Если ты не платишь зарплату и налоги, то извини, друг, награждать тебя не будем. А то, конечно, директор и его семья будут счастливы, а в коллективе скажут: ну, они там в Москве совсем дураки.

Принадлежность к номенклатуре многое значит в карьере. Попав в фавор, амбициозные и тщеславные чиновники на время получают частицу безграничной власти. Уверенность в своем величии подкрепляется системой распределения благ и привилегий, доступных только тем, кто занимает высокий пост. И

это придает дополнительную сладость принадлежности к высшему кругу избранных.

Нам можно, а вам нельзя — таков был важнейший принцип советской жизни.

Все ориентировано на максимально комфортное устройство собственной жизни, извлечение максимальных благ из своей должности. А необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи лишь усиливает привычку к двоемыслию и воспитывает безграничный цинизм. Режим многое дает тем, кто прорывается наверх. Речь не только о материальных благах. Функционеры, нашедшие себя в системе, не испытывают никакого разлада со своей совестью и считают, что поступают в соответствии со своими убеждениями.

И никогда за сто лет страдания людей не находили отклика у правящего класса. В советские времена руководители страны, чиновничество, чекисты, как показывает анализ поступавших к ним (и рассекреченных ныне) документов, были прекрасно осведомлены о масштабах голода, о страданиях людей. Но историки отмечают, что нет ни одного документа, в котором хозяева страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан. В них начисто отсутствовали человеческие чувства.

Крупные чиновники быстро отрываются от реальной жизни и преспокойно обрекают сограждан на тяжкие испытания. Дочь Хрущева, Рада Никитична Аджубей, со знанием дела говорила, что уже через пять лет, проведенных на политическом олимпе, хозяин страны теряет представление о реальной жизни.

Личные достоинства ближайших помощников вождя не стоит преувеличивать. Даже если они все прекрасно понимают и знают, что нужно предпринять, это часто не реализуется в практической политике. Наивно видеть в них смельчаков, которые режут вождю правду-матку. На олимпе сохраняются не те, кто перечит хозяину, а те, кто наделен способностью угадывать желания хозяина. Вождь еще ничего не сказал, а помощник уже понимает, что от него желают услышать.

Олег Николаевич Сысуев, который сам был вице-премьером и имел возможность вблизи наблюдать нравы политического истеблишмента, объяснял:

— Если человек достиг поста президента, внушать ему что-либо можно только на основе личной близости и преданности.

Избираемый монарх и его двор

12 декабря 1993 года одновременно с избранием депутатов первой Государственной думы страна проголосовала за новую конституцию, изменившую положение президента. Прежде парламент мог ограничить его полномочия и вообще доставить ему массу неприятностей. Теперь президент практически не зависит от воли депутатов. Парламент лишился и возможности участвовать в формировании правительства.

Ельцина стали называть царем. Кто в шутку, кто всерьез. Борис Николаевич и в самом деле переменился. Крушение советской власти не отменило Марксовой формулы насчет того, что бытие определяет сознание. А бытие стало царским. Один из тогдашних руководителей президентской администрации говорил:

— Не существует идеальных схем. Коль скоро вводится институт избираемого монарха, надо мириться с тем, что появится двор, возникнет своя камарилья, будут те, кто ближе к монарху, и те, кто дальше.

В Кремле сформировалась иерархическая система власти. Скажем, помощники президента, как и в советские времена, обедали в особой столовой. Имело значение, кто с кем трапезничает за одним столиком. Близость к президенту открывала невероятные возможности. «Ближние» невиданно богатели.

Когда-то первого секретаря московского горкома партии Бориса Ельцина спросили, почему освобожден от должности руководитель Октябрьского района.

— Квартиру отгрохал себе барскую, с персональным камином и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом, — возмущался Борис Николаевич. — Таким князь ям не место в партии! Нужны кристально чистые люди…

Забавно перечитывать эти слова сейчас, когда новая номенклатура понастроила себе дворцов. Ельцин, став президентом, не сделал ничего, чтобы помешать разложению своих чиновников. Его окружение с ходу освоило систему привилегий, не сознавая, что этого следовало избежать любой ценой. И быстро выяснилось, что демократические избирательные механизмы и профессионально работающие средства массовой информации только мешают.

Советская система привилегий пережила Советский Союз.

Высших чиновников по-прежнему охраняют. Они живут на государственных дачах, бесплатно получают в собственность

прекрасные квартиры, оплачивают жилищно-коммунальные расходы со скидкой.

История с квартирами бывшего министра здравоохранения Юрия Шевченко и нынешнего патриарха Кирилла в знаменитом Доме на набережной напомнила о том, что высшие чиновники получают в подарок от казны квартиры стоимостью в пятьдесят миллионов! А почему, собственно говоря? Понятно, когда социальное (то есть бесплатное) жилье предоставляется малоимущим, тем, кто не способен его купить. Неужто федеральные министры (и не только министры) тоже нуждаются?

Наши чиновники ездят на машинах со спецсигналами, спецномерами и спецпропусками, как нарушали, так и будут нарушать все правила уличного движения. И не найдется автоинспектора, который посмеет их остановить.

Отменили только столовую лечебного питания. В ней отпала нужда — с началом гайдаровских реформ еда вернулась в магазины. Но высший истеблишмент все равно снабжают экологически чистыми и проверенными продуктами. В буфетах и столовых Кремля и Белого дома сохранились невиданно низкие цены. В советские времена из столовых ЦК КПСС запрещалось выносить меню, чтобы посторонние не узнали, чем и по какой цене потчуют начальство. Нынешние меню для президентско-правительственного аппарата тоже могут испортить настроение у обычных людей.

Сохранилась вся иерархическая система медицинского обслуживания номенклатуры, правительственные санатории и дома отдыха, куда продают путевки с большой скидкой. Начало положил Владимир Ильич Ленин, заботившийся о состоянии здоровья тех, кем дорожил.

В мае 1921 года он написал жене Рыкова, которого только что сделал своим заместителем в правительстве:

«Алексей Иванович производит впечатление совсем больного человека. Не можете ли Вы его уговорить или хитростью, что ли, заставить, или самой с ним поехать?

Ну, где в Ессентуках у нас хорошее лечение? Явный вздор! Будет хаос, бестолочь, неустройство, усталость, а не лечение, дерганье нервов, обращения местных работников. Он упрямится, не хочет в Германию. А там 2–3 месяца стоит 4–5 у нас. Будет изоляция, отдых, корм, лечение по науке строгое. Станет работоспособным человеком. Очень прошу постараться его «вывезти» в Германию и вылечить серьезно».

Ленин отчетливо понимал пороки советской системы, но избавить от них был готов только избранных. По его настоянию политбюро обязало Рыкова «выехать за границу для постановки

диагноза и лечения». Алексей Иванович подчинился воле партии.

Большевики, взяв власть, запретили согражданам уезжать из страны. Но для себя начальство сделало исключение. Высшее руководство лечилось за границей, в Германии. Наркому просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому в Берлине сделали операцию на глазах. Потом он перебрался в санаторий в Париже. Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин несколько лет лечился у немецких врачей и не хотел возвращаться домой. Секретарь ЦК Вчеслав Михайлович Молотов через год после свадьбы направил молодую жену лечиться в Чехословакию, потом сам ее навестил, на обратном пути заглянул в Италию.

Политбюро постановило: создать при правительстве «специальный фонд в размере 100 000 рублей для организации отдыха и лечения ответственных работников». Ленин инструктировал полпреда в Берлине: «Поставьте дело так, чтобы о каждом лечившемся в Германии присылался в ЦК оригинал самого подробного заключения врачей и предписания больному или вылечившемуся».

И разумеется, из Германии везли лекарства. Ленину их присылал полпред. Остальные получали через кремлевскую аптеку.

Новые вожди быстро освоили преимущества своего высокого положения. Они не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроения своих высокопоставленных пациентов, предписывали им длительный отдых в комфортных условиях.

Через два месяца после революции, 5 января 1918 года, Ленин попросил предоставить ему отпуск. Просьбу удовлетворили. На следующий день с женой и сестрой поехал в санаторий в финской деревне Халила. Лечили там усиленным питанием и регулярными прогулками в парке. Ленин распорядился, чтобы питерский комитет партии открыл для себя дома отдыха в Эстонии и в Финляндии — мест на двадцать — тридцать.

Новая власть заботилась о том, чтобы руководящие кадры ни в чем не испытывали нужды. 31 января 1924 года на пленуме ЦК будущий маршал Климент Ворошилов сделал доклад «О здоровье партверхушки». После этого началось создание особой, разветвленной системы медицины для высшей номенклатуры, существующей и по сей день.

Кремлевская больница первоначально располагалась в Потешном дворце. Когда пациентов стало много, ее перевели в трехэтажное здание на улицу Грановского. На втором этаже врачи принимали членов и кандидатов в члены ЦК, членов Центральной

ревизионной комиссии. Первый этаж отвели для хозяев жизни — членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК.

Сразу после войны построили раскинувшуюся на огромной территории Центральную клиническую больницу, ставшую известной потому, что там часто лежал президент Ельцин. Право пользования системой 4-го управления определялось решением секретариата ЦК. В решение о назначении на номенклатурную должность вписывалась ключевая фраза: «и распространить на него право пользования Первой поликлиникой 4-го главного управления при Минздраве СССР», которая и по сей день находится на Сивцевом Вражке. При повышении в должности постановление секретариата ЦК предусматривало «право пользования Объединенной спецбольницей и поликлиникой 4-го главного управления при Минздраве СССР». Это медицинский центр на Мичуринском проспекте — для старшей номенклатуры, который построили при Брежневе.

Потеря возможности лечиться в 4-м управлении была настоящим горем для чиновника и его семьи. В каждой республике и каждой области существовали свои спецполиклиники для местных чиновников.

Традиция?

В царской России не было медицины для начальства. Все пользовались услугами частных врачей. В США президент как Верховный главнокомандующий (а также вице-президент как его возможный сменщик) и министр обороны могут обследоваться в военно-морском госпитале в Бетесде. Все остальные — министры, сенаторы, губернаторы — лечатся за свои деньги. В не любимой нами Европе никому и в голову не приходило создать поликлинику для высших чиновников.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер выговаривала министрам, которые пользовались всеобщей системой страховой медицины: вы не должны лечиться на деньги, которые за вас платят другие. Она сама за все, в том числе за сложные операции, платила из собственного кармана.

Медицина для начальства возникла в СССР как следствие тотального дефицита, нехватки врачей, медицинской техники, больничных коек и лекарств. И как следствие социального неравенства. Детский писатель Корней Иванович Чуковский, оказавшийся в ЦКБ в 1965 году, записал в дневнике: «Больница позорная: работники ЦК и другие вельможи построили для самих себя рай, на народ — наплевать. Народ на больничных койках, на голодном пайке, в грязи, без нужных лекарств, во власти грубых нянь, затурканных сестер, а для чинуш и их жен сверх-питание, сверх-лечение, сверх-учтивость, величайший комфорт».

Второй человек в партии и главный советский идеолог Михаил Андреевич Суслов не любил врачей, не доверял их рекомендациям и не желал принимать прописанные ему лекарства. Лечащему врачу он жаловался на боли в левой руке и за грудиной после даже непродолжительной прогулки. Опытные кардиологи сразу определили, что боли сердечного характера — у Михаила Андреевича развилась сильнейшая стенокардия. Сняли электрокардиограмму, провели другие исследования и установили атеросклероз сосудов сердца и коронарную недостаточность. Но Суслов категорически отверг диагноз:

— Вы все выдумываете. Я не больной. Это вы меня хотите сделать больным. Я здоровый, а это у меня сустав ноет.

Может быть, он не хотел считать себя больным, чтобы не отправили на пенсию, может, искренне не верил, что способен болеть, как и все другие люди.

По просьбе начальника 4-го главного управления академика Евгения Чазова в Соединенных Штатах заказали мазь, содержащую сердечные препараты. Михаилу Андреевичу обещали, что она снимет боли в суставах. Суслов старательно втирал мазь в больную руку. Лекарство, как и следовало ожидать, помогло. Сердечные боли уменьшились. Довольный Суслов назидательно заметил врачам:

— Я же говорил, что болит рука. А вы мне твердили: сердце, сердце…

Эта история — метафора отношений нашего начальства с западной медициной. Понимали ее высокий уровень, хотели ей пользоваться, но не афишируя.

Президент Академии наук Мстислав Всеволодович Келдыш страдал атеросклерозом сосудов нижних конечностей с перемежающейся хромотой. Весной 1972 года Келдыш обратился к Чазову за помощью. Сказал, что не может ходить: чуть походит, и возникают такие боли в левой ноге, что он вынужден остановиться.

Келдыш десять дней пролежал в институте хирургии, его лечили барокамерами, но не помогло. Встал вопрос об операции. Семья хотела, чтобы это сделали иностранные врачи. Возможно, на них подействовала трагическая история Сергея Павловича Королева, главного конструктора ракетных систем. Его оперировали академики — министр здравоохранения Борис Васильевич Петровский и главный хирург Министерства обороны Александр Васильевич Вишневский, но он умер на операционном столе.

Чазов доложил Брежневу, для которого Келдыш был высшим авторитетом. За год до этого Келдыш получил третью «Звезду»

Героя Социалистического Труда. Генеральный секретарь потребовал вылечить Келдыша.

Его оперировал знаменитый американский хирург Майкл Дебейки, который позднее консультировал президента Ельцина. Дебейки прилетел со своей бригадой. Операцию провели в Институте сердечно-сосудистой хирургии. Она продолжалась шесть часов. Дебейки удачно провел операцию аортобедренного шунтирования, соединив аорту с бедренной артерией для улучшения нарушенного кровообращения. От предложенного гонорара Де-бейки отказался, сказав, что ученые должны помогать друг другу.

Брежнев страдал от проблем с зубами, вернее с зубными протезами. Речь генсека стала невнятной. Это его очень мучило, поскольку он считал себя умелым оратором и верил в свою способность произвести впечатление на публику.

«Требовалось готовить так, чтобы в блюде не было ничего жесткого, — вспоминал главный шеф-повар Особой кухни старший прапорщик Николай Васильевич Морозов. — Брежнев всегда узнавал мои «фирменные» котлеты: я делал их такими, что можно было есть губами. Секрет заключался в том, что фарш прокручивали через мясорубку 3 раза, а потом в него обязательно добавляли сливки. Готовили ему и диетические блюда: оладьи с тыквой, из цветной капусты. Супы старались делать вегетарианские, на легком овощном бульоне. Врач нам давал рекомендации, и мы четко им следовали».

Пациент был трудный, у него так быстро происходило изменение твердых и мягких тканей челюсти, что зубные протезы плохо сидели. Когда Брежнев выступал, он должен был языком поддерживать протез. Поэтому он плохо говорил, возникали цокающие звуки, смешившие аудиторию. Задача состояла в том, чтобы изготовить такой протез, который бы очень плотно присасывался, тогда Леонид Ильич мог бы спокойно говорить.

Посол в ФРГ Валентин Михайлович Фалин нашел немецких врачей, которые взялись помочь Брежневу, используя новые технологии и материалы.

22 октября 1974 года Брежнев писал Фалину в Бонн:

«Валентин Михайлович — прошу передать врачам, что я жду их с надеждой на успех дела — мне очень трудно передать ощущение во всех деталях от того, что я испытываю от ношения оставленной модели, хотя я все время пользуюсь ею.

В целом хотелось бы, чтобы она была легче — особое неудобство я испытываю в местах соединения модели с моим мостом — выпирание моих крайних зубов создает неприятное ощущение для языка. Обо всем этом мы говорили в Москве, и

поэтому я не хотел бы вносить новых замечаний».

Вместе с запиской Брежнев через Министерство иностранных дел переслал Фалину подарки немецким стоматологам, а самому послу — кусок кабаньего мяса, фирменный охотничий трофей генерального секретаря.

Для системы 4-го управления исправно закупали иностранные лекарства и иностранное медицинское оборудование. Академик Чазов как рачительный хозяин следил за тем, чтобы начальство не оставалось без новинок.

Однако людям знающим была ясна разница между оригиналом и копией. Чины, служащие по ведомству здравоохранения, могут рвать на себе импортную рубашку и твердить, что медицина у нас наилучшая. Но есть надежный индикатор. Высшие чиновники и олигархи, все, кому это по карману, поправляют свое здоровье далеко от России. Евгений Максимович Примаков, которого никто не обвинит в недостатке патриотизма или в любви к Западу, после вынужденного ухода в отставку сделал операцию по замене тазобедренного сустава в Швейцарии.

Конечно, лечиться за границей могут позволить себе немногие. Хотя… У нас в стране стоимость операции (они теперь почти все платные) — не единственный расход. Приходится раздавать взятки, чтобы попасть к хорошему хирургу и лечь в приличную палату. Необходимые лекарства (в том числе препараты, которые понадобятся при операции, а то и средства анастезии), протезы или сердечные клапаны тоже предстоит купить самим; хорошие — импортные и стоят безумных денег. Еще надо платить за послеоперационный уход. Иначе усилия даже лучшего хирурга пропадут втуне: выхаживание — слабое место отечественного здравоохранения. Словом, если сложить все расходы, то получатся цифры, сравнимые с поездкой в страну, где гарантирован высочайший уровень медицины.

У нас действительно всегда были чудесные врачи. Бог талантами не обидел. Но так и не удалось создать систему оказания медицинской помощи на современном (и постоянно совершенствующемся!) уровне. Никогда не концентрировалось столько интеллектуальных сил и не выделялось денег из казны, дабы догнать ушедших далеко вперед Европу и Северную Америку. А наличие медицины для начальства объясняет, почему и не было, и нет потребности ликвидировать отставание…

Прежде материальные блага и радости жизни прикладывались к высокой должности. Ни за какие деньги нельзя было купить того высокого качества еду, которая распределялась через столовую лечебного питания, или пройти обследование на

аппаратуре, существовавшей лишь в поликлиниках 4-го главного управления Министерства здравоохранения. Поэтому наследников пускали по чиновничьей стезе.

Теперь за деньги можно было получить то же самое и много больше. Открылись радости, о которых советские чиновники в закрытой стране и мечтать не могли. Поэтому должность стала рассматриваться как инструмент зарабатывания больших денег. И заботливые родители сразу определяют детей в банковский или иной бизнес. А поскольку в нашей стране практически все зависит от государственного аппарата, то детям одаренных родителей неизменно сопутствует успех.

Чем презрительнее сильные мира сего твердят о полной неэффективности западных санкций и чем громче их высмеивают, тем отчетливее боль их сердца. Личные санкции невыносимы! Вот из-за чего оскудела жизнь. Какой смысл был покупать чудный особняк на берегу океана, если увидеть его ты можешь только на старых фотографиях, хранящих память о безмятежной жизни!

Для истеблишмента лето плохо вовсе не тем, что в стольном граде прохладно и идут дожди. Это не беда. Современный авиалайнер способен за несколько часов переправить страждущего в счастливый мир, где небо всегда голубое, а море теплое.

Но нынче не избежать ответа на вопрос:

— Где намерен отдыхать?

Интересуются не друзья и не коллеги. Не акционеры и не избиратели. Вопрос звучит с самого верха.

Правильный ответ:

— Конечно, в Крыму!

Приемлемый ответ, рассчитанный на природную доброту и душевную щедрость начальника:

— На этот раз все-таки в Сочи.

Недавние хождения на собственной яхте за три моря, полеты на зафрахтованном самолете на лучшие курорты, семейный отдых на любимой вилле в Ницце — табу. Одни попали под санкции. Другим следует проявить патриотизм. Третьи — в первую очередь силовики — уже сдали загранпаспорта.

А что за радость чиновникам тащиться с женой в санаторий, заботливо хранящий традиции советского сервиса! Те же номера, то же меню, те же запахи с кухни. Стоило ради этого карабкаться по ступенькам карьерной лестницы? К тому же сильно обновился парк номенклатурных жен. Многие дополнили государственное счастье личным. Юные спутницы жизни вовсе не рассчитывали проводить лето в тех же местах, что их бабушки и дедушки.

Но решение принято. Оно окончательное и пересмотру не

подлежит. Поэтому ненависть истеблишмента к западным либералам и демократам, которые исключили их из своего мира, — искренняя, идущая от сердца.

Единственная отрада — дети. На них санкции не распространяются. Произнеся очередную филиппику в адрес растленного Запада, чиновники провожают детей — на учебу или на работу. Но как горестно сознавать, что не удастся навестить любимое чадо в Лондоне или Нью-Йорке, насладиться его успехом, увидеть, как на берегах Темзы или Ист-Ривер растут твои внуки… Но в цене те, кто не просто костерит Запад, а те, кто ненавидит его искренне, кто не ездил за границу и не поедет.

Клановый капитализм

Провал августовского путча в 1991 году привел к полному крушению лагеря противников радикальных реформ. Все то, что никак не удавалось, совершилось в одно мгновение. Противников реформ смело с политической сцены, они были испуганы и деморализованы. КПСС и партийные структуры распустили. Партийно-политические органы в армии, на флоте, в КГБ, МВД и железнодорожных войсках упразднили. КГБ размонтировали, и чекисты замерли, не ведая, какая судьба их ждет.

Победа над путчистами поставила немногочисленное демократическое крыло в положение победившей стороны. Абсолютное меньшинство вдруг оказалось властью. Но достаточно узкий круг молодых политиков и экономистов не был готов принять на себя управление страной, не имея ни механизма власти, ни практической программы. Они-то намеревались вести долгую борьбу в роли оппозиции, что, возможно, позволило бы им подготовиться к новой роли. Но путчисты-неудачники спровоцировали революцию, которая внезапно очистила политическое пространство.

Партийный аппарат и госбезопасность утратили контроль над обществом. Сколько десятилетий система казалась непоколебимой, несокрушимой, всемогущей! Но она пребывала таковой только до того момента, пока оставалась цельной. Стоило изъять всего один элемент — насилие! — как все рухнуло. Люди утратили страх перед начальством. На короткий исторический момент исчезла ничем не ограниченная власть, которая распоряжалась каждым нашим шагом. Словно слетела низкая, давящая крыша, и открылось небо.

Партийные функционеры, сотрудники госбезопасности теряли влияние и привилегии, возмущались и злобились. Распадалась система, и власть уходила из рук. Это было невыносимо. А вместе с властью над людьми исчезало и чувство превосходства, избранности: нам положено то, чего нет у других. Один из сотрудников ЦК КПСС с ненавистью писал о недавних сослуживцах, которые в августе 1991 года перешли на сторону российской власти: «Оба мои бывшие хорошие товарищи по аппарату ЦК. В этот день мы с ними оказались по разные стороны — не баррикад, а корыта. Они — с той, где берут, а я — где отнимают».

В Советском Союзе утверждалось, что средства производства — да и вообще все в стране — это общенародная собственность, то есть принадлежащая всем членам общества. Эти слова

повторялись так часто, что люди поверили, потому и рассчитывали в ходе приватизации получить свою долю, какие-то ценности или источник дохода.

Но понятие «общенародная собственность» — фикция. Единственным собственником было государство. Точнее — руководители партии и правительства, которые всем единолично и бесконтрольно распоряжались. Советские чиновники получали прибавочный продукт в форме разнообразных привилегий, имея доступ к спецраспределителям, спецмагазинам, спецбуфетам, спецбольницам. Прибавочный продукт именовался «корытом».

Поездки за границу (что дозволялось немногим) приобрели прежде всего экономический смысл — избранная публика покупала то, что на территории Советского Союза вовсе не существовало. Детей чиновники пристраивали на заграничную работу, зятьев определяли в дипломаты, чтобы дочери могли жить за границей.

При Брежневе престиж дипломатической службы высоко поднялся. Если раньше в МИД сбагривали ненужных, то теперь заботливо пристраивали на загранработу своих. Советские чиновники в полной мере оценили преимущества буржуазного образа жизни.

«В брежневские годы широко распространилась практика направления на работу за границу и быстрого продвижения по службе детей высокопоставленных родителей, — вспоминал бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР Юлий Александрович Квицинский. — Все это мешало нормальному росту и перемещениям кадрового дипломатического состава, вызывало у одних недовольство и чувство бессмысленности честной, прилежной службы, у других порождало желание не бежать вместе со всеми по беговой дорожке, а попробовать прийти к финишу, рванув поперек стадиона: уйти на работу в ЦК КПСС хотя бы младшим референтом с тем, чтобы через пару лет вернуться на дипломатическую службу в должности советника, жениться на чьей-либо дочке, изловчиться поднести кому-либо из руководителей крупный подарок».

Все было ориентировано на максимально комфортное устройство жизни высших чиновников государства, извлечение из своей должности максимальных благ. А необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи о высоких идеалах, поучать других только усиливала привычку к двоемыслию и воспитывала безграничный цинизм.

Сотрудник КГБ Украины вспоминал, как в одной из областей принимали члена политбюро и хозяина республики Петра

Ефимовича Шелеста. На правительственную дачу, где он остановился, командировали шеф-повара ресторана «Верховина», официанта из ресторана «Киев», официантку из столовой облисполкома и врача из санитарно-эпидемиологической станции. Красную рыбу и икру Шелесту доставляли из Астрахани и с Дальнего Востока, колбасы и мясо из Москвы и Ужгорода, пиво — из Львова, вина из Закарпатья. Живых раков самолетом привезли из Николаевской области.

Генерал-майор Геннадий Александрович Федяев начинал службу в львовском управлении КГБ.

«Помню, как во Львов приезжал первый секретарь ЦК компартии Украины П.Е. Шелест. Нашему отделению досталась забота о безопасности сопровождавших его лиц. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что в товарном вагоне спецпоезда приехала корова, которую обслуживали ветеринар и доярка. Шелест пил «спецмолоко» только от этой спецкоровы».

Барство наших властителей, возмущающее общество, зародилось именно тогда. Сейчас сильные мира сего строят замки и заказывают себе яхты, а тогда гоняли спецпоезд со спецкоровой. В августе 1991 года к материальным потерям прибавились психологические. Трудно было примириться с утратой привычного социального статуса. То, что недавно считалось почетным, перестало быть таковым. Огромный управляющий слой жаловался на неуверенность и неопределенность: выбили из колеи, нет ни славной истории, ни ясного будущего…

Но отлучение от корыта оказалось недолгим. Оно и остыть не успело.

Старая советская система распределения благ, основанная на личных связях, легко приспособилась к новым условиям. Чиновники осознали, как выгодно помогать бизнесу, который щедро расплачивался за оказанные ему услуги. Вместо жесткого соблюдения единых правил игры, соблюдения налогового и таможенного кодекса постоянно делались исключения, выносились решения о льготах.

Самыми богатыми людьми России стали бывшие директора крупных предприятий, тихо приватизировавшие целые отрасли. То, чем они управляли по должности, превратилось в их личную собственность. Основные коммерческие банки были созданы еще до Гайдара с Чубайсом. Владели ими директора крупнейших государственных предприятий. Они перекачивали в свои банки бюджетные деньги, которыми распоряжались. Но поскольку они избегали публичности, то остались неизвестны гражданам России. Ненависть общества обрушилась на других людей.

Сформировался особый, клановый капитализм. Его

характерные черты — непрозрачность и тесное сращивание с государственным аппаратом. В такой системе чиновники распоряжаются бюджетными средствами в пользу определенных экономических кланов. Такие кланы образуются и на местах. Они контролируют рынки и не позволяют появиться конкурентам. В тесном сотрудничестве с силовиками. Российская бюрократия превратилась в касту, неэффективную и развращенную невероятными возможностями личного обогащения.

Без связей на всех этажах бюрократического механизма много не заработаешь: большие деньги раздают крупные руководители, и чиновники с каждым годом все дороже оценивают свои услуги бизнесу. Выделение земли под строительство, передача зданий в аренду, распределение выгодных заказов, кредитов, защита от бандитов и от правоохранительных структур — все эти услуги покупаются. Появление олигархов было бы невозможно, если бы за каждым из них не стояли сильные мира сего, получившие свою долю. Не бизнес покупал в России власть, а власть выращивала большой бизнес, который подчиняла себе.

Многие изумленно вопрошают, откуда взялось столько бандитов и прохиндеев, связывая их появление с демократией и реформами. Но все эти люди не свалились с Луны. Они выросли и сформировались в советской системе. Не точнее ли будет заметить, что разрушение нравов произошло задолго до перемен в нашей жизни? Советская власть десятилетиями разрушала мораль, развращала людей и воспитала все эти пороки — невероятное лицемерие, тотальное вранье, постоянный обман.

Важнейшие институты советской системы остались неизменными. Они благополучно пережили распад Советского Союза и крах социализма. Суд, прокуратура, госбезопасность, органы внутренних дел сохранились как инструменты репрессий и контроля над страной. Некоторое время, пока высшие посты занимали люди с демократическими убеждениями, эти структуры словно находились в спящем режиме. Прокуроры, чекисты и милиционеры, отодвинутые революционными переменами в сторону, с недовольством, раздражением, а то и плохо скрываемой ненавистью следили за деятельностью молодых реформаторов. Ждали, когда вновь придет их время.

Жизнь сохранила прежнюю иерархию: значимы только те, кто служит власти. Человек заранее согласен с тем, что аппарат, то есть начальство, высшие чиновники, имеют полное право командовать. Готов терпеть, слушаться. Правильно голосовать. Возмущаться чужими. Восхвалять своих. Как велено…

Годы зрелости молодых бизнесменов совпали с крушением государственного всевластия. Они взрослели, зная, что им

предстоит самостоятельно принимать решения и полагаться на самих себя. У них рыночное мышление — не книжного происхождения, не заемное, они усвоили его на практике, занимаясь собственным бизнесом. Это поколение желает преуспевать в жизни и зарабатывать деньги. Молодые руководители ценят знания, умение и образование. Все остальное не имеет значения для успеха. Бизнес — демократичная сфера. Никакой номенклатуры. Любой может подсесть к этому карточному столу и попытаться сорвать куш.

Так в теории. А на практике… Молодые люди, даже выучившись за границей, дома столкнулись с прежней системой и вынуждены в нее встраиваться, приспосабливаться к традициям местничества, клановости и коррупции. Забудьте все, чему вас учили… По-прежнему невероятно важны связи с влиятельными людьми, дружеские и родственные, принадлежность к влиятельному клану или семье.

Важные должности в государственном аппарате и в деловом мире занимают чиновники, заинтересованные только в одном — хорошо пожить. Но тронуть их невозможно — за каждым влиятельные родственники, могущественная семья. При назначениях выбор делается не в пользу профессионала, а в пользу «своего человека». Это мешает заслуженному продвижению достойных работников, а государственный механизм, как кровеносная система человека, закупоривается тромбами — некомпетентными чиновниками.

Выяснилось, что новая власть в смысле обретения благ и устройства личного благополучия ничем не лучше прежней. А может, и хуже, потому что неравенство стало масштабнее, а ощущение обиды — острее. Окружающая жизнь неопровержимо доказывает, что личный успех и признание в обществе приносят отнюдь не увлеченность своим делом, не безукоризненное исполнение своих обязанностей и не честный труд.

Верхом на асфальтовом катке

Как работает аппарат? Выразил московский мэр неудовольствие ларьками возле метро, которые не радовали его глаз, и указание исполнили мгновенно. Не размышляя, бросились сносить все, что можно, лишь бы поскорее отрапортовать об исполнении. Пришлось руководителям мэрии придерживать самых рьяных.

А вот как городские власти действуют в Сеуле, столице Южной Корее. В шестидесятых годах прошлого века в районе Чонгичен протекающую по Сеулу реку, как у нас Неглинку, упрятали под землю и проложили скоростное шоссе, чтобы справиться с пробками. Теперь от шоссе отказались, и реку вернули городу и горожанам. Соображения экологии, возвращение исторического облика города и создание комфортной среды обитания важнее.

Но вдоль шоссе выстроились сотни ларьков и магазинчиков, которые пришлось убрать. Прежде чем перестроить район, городская власть провела четыре тысячи (!) совещаний с торговцами, которых эта перестройка задела. Договаривались с каждым владельцем, чтобы никому не повредить и ничьи интересы не ущемить. Владельцы магазинчиков, которым пришлось перебраться на новое место, получили от города помощь…

Но наш аппарат — это асфальтовый каток, работающий по своим правилам.

Правило первое.

Реализуются только те распоряжения, за неисполнение которых начальник накажет. Это пошло со сталинских времен. Почему-то считается, что при нем государственный механизм работал как часы. Часто говорят: вот когда был Сталин… В реальности задания вождя исполнялись, только если Сталин давал их кому-то лично и существовала опасность, что он может поинтересоваться результатом. Все остальные идеи и указания повисали в воздухе. Самое невинное поручение норовили спихнуть на кого-то другого. Полное отсутствие инициативы и самостоятельности было возведено в принцип государственного управления: ничего не решать без товарища Сталина!

Правило второе.

Гигантский бюрократический механизм совершает множество ненужных оборотов, бумаги движутся в аппарате с черепашьей скоростью, ходят от одного чиновника к другому. Потому даже хозяин страны не знает, что именно произойдет с его поручением:

когда оно дойдет до исполнителя и будет ли выполнено. Огромное количество документов движется по иерархической лестнице не потому, что это необходимо, а потому, что чиновник, который мог бы принять решение сам, не желает брать на себя ответственность и переправляет документ вышестоящему начальнику. Система родилась еще в сталинские времена, когда старались на документе собрать побольше виз — труднее потом найти одного виноватого.

Правило третье.

Можно быть святее папы римского, нельзя быть менее ортодоксальным.

Петр Нилович Демичев сначала руководил Москвой, а потом в должности кандидата в члены политбюро и секретаря ЦК ведал вопросами идеологии. Благообразный, с пышной шевелюрой и в модных очках, он не был злым или коварным человеком. Он говорил ровно и спокойно, был мягок в общении с людьми, выступал без бумажки. Он даже писал диссертацию о европейской философии XIX века в Высшей партийной школе, но работа осталась незавершенной, поскольку секретарю ЦК не пристало защищаться в подведомственном учреждении. Но окружающие быстро заметили, что обещания Демичева не исполняются. Поэт и главный редактор «Нового мира» Александр Трифонович Твардовский ему в лицо обидно сказал:

— Я вам не верю. Вы говорите одно, а потом все получается по-другому.

Цензура не пропускала военные дневники Константина Михайловича Симонова за честное описание трагических событий сорок первого года. Демичев высказался за публикацию дневника. Обрадованный Симонов пришел к заведующему отделом культуры ЦК Василию Филимоновичу Шауро, который подчинялся Демичеву. Шауро недовольно покачал головой:

— Да, Петр Нилович так сказал, но я лично считаю, что это было бы необдуманным решением, надо посоветоваться, взвесить…

То есть держимордой можно быть большим, чем начальник! За это не накажут. Шауро чувствовал, что Демичев либеральничает, а это опасно. Оказался прав. И симоновские дневники не напечатали, и Демичева из секретарей ЦК убрали, а Шауро сидел на своем посту до горбачевских времен.

И сегодня чиновник безошибочно выбирает формулу выживания — слово «нет». Люди гибнут на слове «да», потому что потом могут призвать к ответственности: зачем позволил? Будешь отвечать… Сказав «нет», не пропадешь, за излишнюю бдительность выволочки не устроят. Невозможно добиться ясного

и однозначного ответа, потому что в этом закрытом мирке каждое слово и каждый шаг взвешиваются на аптекарских весах. Чиновник на большой должности знает, что в предбаннике толкутся молодые и голодные аппаратчики, которые мечтают занять его место за столом и принять участие в дележе власти.

Правило четвертое.

Аппарат не всякому подчинится. Назначенный главой правительства, Сергей Вадимович Степашин старался честно исполнять свои обязанности и в первые же дни вызвал симпатии в обществе. Он произнес ключевую фразу:

— Я пришел с этим президентом, я с ним и уйду.

Так и получилось. Но президент Ельцин был им недоволен:

— Нужно создать твердый центр власти, собрать вокруг себя политическую элиту страны. Проявите решимость…

«Степашин слишком мягок, — говорится в последней книге Ельцина. — Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе».

Вот это Ельцин хорошо понимал: властители такой страны, как наша, делаются из куда более жесткого материала.

Степашин говорил:

— Я не Пиночет.

Вот поэтому с ним и расстались.

Аппаратчики сознают собственную значимость. Они скептически смотрят на руководителей, не внушающих страха. Что хотят — исполняют, что им не нравится — не делают. Аппарат способен легко повернуться против своих создателей. При попытке его укротить тявкает и огрызается.

Правило пятое.

Нерушимы два основных закона: аппарат, конечно, должен смертельно бояться хозяина, но тот обязан что-то подбрасывать своим людям. Власть, привилегии, возможность получать свой кусок бюджетного пирога — в обмен на лояльность и беспрекословное исполнение указаний.

Почему, например, в нашей политической системе бесполезно добиваться отмены спецсигналов на автотранспорте высших чиновников? Оттого, что без привилегий работа в аппарате представляется чиновнику бессмысленной. Принадлежность к власти должна быть зримой и завидной, это крайне важно для самоощущения чиновника.

Всевластие аппарата — не чисто российское явление. Американский президент Джон Кеннеди, выслушав интересную идею, озабоченно говорил:

— Это отличная мысль. Нужно подумать, как нам получить

согласие аппарата на ее принятие.

Но в нашей ситуации даже готовность аппарата помогать хозяину мало что решает. Существующая система управления позволяет кого угодно закатать в асфальт и что угодно снести. Но она не предназначена для того, чтобы взращивать и поощрять, создавать условия для развития и модернизации. И это ставит крест на благих начинаниях. На работу в аппарат приходят не разрешать, а запрещать.

Когда президент с высокой трибуны призывает развивать современные технологии, двигать страну вперед, сидящие в зале думают: это же он не всерьез, это предназначено для иностранцев и для журналистов… Аплодируют, преданно смотрят ему в глаза, но делать ничего не собираются.

Обслуживание на высшем уровне

Один из ленинградских чекистов вспоминал, как в позднесоветские времена к ним в райотдел приехал заместитель начальника областного управления госбезопасности Анатолий Алексеевич Курков. Вскоре он станет генералом и возглавит управление, под его руководством начинали многие видные ныне члены питерской команды. Собрали оперативных работников. Каждый отчитывался об успехах. Один поспешил порадовать начальство:

— Появилась возможность отслеживать обстановку в райкоме партии. Получена первичная информация об аморальном поведении и стяжательстве отдельных работников партийного аппарата.

Курков остановил его:

— Кто дал вам право заниматься этим?

— Характер нашей работы, — неуверенно ответил молодой оперативник, — ведь враг, как нас учили на курсах, ориентируется именно на таких людей.

— Органы государственной безопасности, — веско объяснил ему Курков, — это вам не полиция нравов, а партийные органы — не объект нашего контрразведывательного внимания. Я вам приказываю эту вашу задумку немедленно выбросить из головы и прекратить сбор такого рода информации, а начальнику райотдела завтра мне лично доложить, что у вас отсутствуют такие возможности в райкоме.

Молодой и неопытный оперативник не понимал, что столь деликатные темы, конечно же, обсуждаются не на совещаниях, а в разговорах один на один за закрытыми дверями. И у начальника не оставалось иного выхода, кроме как громким голосом произнести такую тираду.

Отношения между властью и чекистами складывались сложно.

Еще в двадцатых годах восторжествовала принципиальная линия: госбезопасность не подчиняется местным органам власти — только центру. Партийным секретарям не нравилось, что рядом существует тайная сила, которая исполняет только команды из Москвы, не дает им отчета в своей деятельности и даже присматривает за ними. Но попытки местного начальства обрести власть над чекистами не удавались.

Сменявшие друг друга хозяева страны понимали цену органам госбезопасности как инструмента контроля. Установилась практика получения партийными органами

документальных справок на назначаемых работников. Без санкции ведомства госбезопасности на заметные должности не назначали и за границу не выпускали.

Чекистам, конечно, втолковывали, что они не смеют ставить себя выше партийного аппарата. Но они видели, что госбезопасностью лично руководит Сталин. Сотрудники органов пренебрежительно относились к партийным и советским организациям на местах, считали себя выше их. Хотя вождь демонстративно дистанцировался от исполнителей его страстных желаний.

20 декабря 1937 года в Большом театре пышно отмечалось двадцатилетие органов. Сталин не пришел. Приветствовать чекистов поручил не второму человеку в стране главе правительства Вячеславу Молотову, а одному из его заместителей — Анастасу Микояну.

Вожди сознавали специфику деятельности ведомства, понимали, что не всякий за такую работу возьмется. В 1973 году Леонид Брежнев на пленуме ЦК напомнил, каково приходится председателю КГБ Юрию Андропову:

— Это вам не так чтобы… с чистенькими ручками.

Формально собирать материалы на партийных работников высокого ранга они не имели права. Но если выяснялось, что, исполняя инструкцию, чекист уничтожил дело оперативного учета на партсекретаря, которого вдруг посадили, то это расценивалось как попытка скрыть враждебную деятельность врага народа. И чекист оказывался в соседней камере. Поскольку в сталинские годы никто не знал, кого завтра велят посадить и расстрелять, то материалы собирали на всех. Не дай бог попасть впросак, когда хозяин спросит: а что есть на такого-то? Выбивали из арестованных нужные показания и копили компромат на высших руководителей страны.

Скажем, после поездки члена политбюро по стране составлялся подробный рапорт службы охраны, а в нем такие детали, которые легко могли стать поводом для освобождения от должности. Партийные руководители тоже люди: вдали от дома и бдительного ока коллег, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо все фиксировали.

Ни первый секретарь обкома, ни секретарь ЦК республики не были гарантированы от внезапного ареста. Боялись местного чекистского начальника. Не знали, что именно начальник областного управления или республиканский министр сообщает в Москву. И партийный аппарат осознал, что неприкасаемых в стране нет и не будет.

Когда летом 1953 года арестовывали Берию, новый глава

правительства Георгий Максимилианович Маленков, воспринимавшийся как наследник Сталина, объявил, что органы госбезопасности будут поставлены под контроль партии, дабы исключить повторение прежних преступлений:

— Органы занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Получилось, что товарищ Берия с этого поста контролирует и партию, и правительство… Возникла разобщенность, все делаем с оглядкой, настраиваемся друг против друга. А нужен монолитный коллектив!.. Управление охраны подчинить ЦК, а то и шагу не сделаешь без контроля… ЦК должен проверить организацию прослушивания, товарищи не уверены, кто и кого прослушивает.

Хрущев, став главой партии, запретил проводить оперативные мероприятия в отношении партийных работников, то есть вести за ними наружное наблюдение, прослушивать их телефонные разговоры. Членов партии к негласному сотрудничеству можно было привлекать только в особых случаях. Но, как говорили чекисты, источнику рот не заткнешь. Оперативная информация о том, кто чем занимается, копилась в сейфах.

Генерал Валерий Павлович Воротников, который возглавлял Свердловское областное, затем Красноярское краевое управление КГБ, рассказывал:

— Нам не рекомендовали собирать информацию, касающуюся партийного руководства. Но такая информация все равно к нам попадала, и таить ее мы не имели права. Мы ее сообщали в центр. А мелкую информацию старались не вытаскивать на свет божий.

— Но на местах руководители были уверены, что вы о каждом их шаге докладываете в Москву.

— Мы их в этом не разуверяли. На то и кошка, чтобы мышки боялись…

А как реагировала Москва? Если начальник областного управления сообщал председателю КГБ, что первый секретарь обкома ведет себя недостойно, как поступал хозяин Лубянки?

Владимир Семичастный:

— Такие вещи на бумаге не писали. Это обсуждалось только во время личной встречи один на один. Начальник управления должен был получить у меня разрешение прибыть в Москву для разговора по специальному вопросу или, будучи в Москве, попроситься на личный прием и все рассказать.

— И что же?

— Я брал на заметку и говорил: посмотри дополнительно,

как это будет развиваться, и доложи мне. Или, если я был уверен в том, что дело очень серьезное, шел к Брежневу или к секретарю ЦК по кадрам: посмотрите, есть сигналы… Я приехал в одну страну, со мной пять генералов. Наш посол устраивает обед, а к концу обеда он под столом. Резидент докладывает, что посол уже и на приемах появляется в таком виде. Это же позорище! Я своим накрутил хвосты: почему молчали!

В составе оперативно-технического управления КГБ существовал отдел, занимавшийся прослушиванием телефонов и помещений. Контролеры отдела, в основном женщины, владели стенографией и машинописью, их учили распознавать голоса прослушиваемых лиц.

Самым опасным было дурно отзываться о хозяине страны. Это практически всегда приводило к увольнению. Такие записи приносили председателю комитета, он сам их прослушивал и либо самостоятельно решал судьбу неосторожного критика, либо, если речь шла об очень высокопоставленной персоне, ехал в Кремль.

В июне 1957 года на пленуме ЦК Маленков пожаловался, что госбезопасность и его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих. Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и назначил на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

Многих ли прослушивали? После провала ГКЧП в 1991 году новый руководитель президентского аппарата Григорий Иванович Ревенко жаловался, что весь Кремль утыкан «жучками» и потребуется месяц, чтобы их извлечь.

К телефонам высокопоставленных аппаратчиков подключались по особому распоряжению. Сотрудники КГБ утверждали, что запрещено прослушивать телефоны и записывать разговоры сотрудников партийного аппарата. Но эти ограничения легко обходили, когда, например, подслушивали тех, с кем беседовал сотрудник парторганов.

Валентин Фалин, который работал в ЦК, вспоминал, как ему позвонил Андропов и потребовал убрать консультанта из отдела международной информации ЦК, потому что записали его «сомнительный» разговор с немецким собеседником.

— Я познакомился с записью, — уверенно сказал Андропов, — не наш он человек.

Прочитав запись еще одного разговора, Андропов позвонил секретарю ЦК по идеологии:

— Мои ребята засекли примечательный междусобойчик.

Один участник светского раута заметил: выдворенные из страны диссиденты неплохо устраиваются, на что этот журналист бросил реплику: умный человек нигде не пропадет. Похоже, и себя к умникам относит. Комитет рекомендует закрыть ему поездки за рубеж вместе с женой.

Секретарь ЦК покорно исполнил высшую волю.

Виктор Васильевич Гришин, который многие годы был руководителем Москвы, рассказывал:

«Думаю, что в КГБ вели досье на каждого из нас, членов и кандидатов в члены политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Ю.В. Андропов сказал:

— У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно».

Все высшие чиновники исходили из того, что их кабинеты и телефонные разговоры прослушивают, и были очень осторожны. Важные разговоры вели только на улице или на даче. Но их слушали не только на рабочих местах.

Например, в санатории «Барвиха» построили корпус для членов политбюро. Обслугу обязали докладывать сотруднику КГБ, который курировал санаторий, абсолютно все, что удавалось услышать и увидеть: как себя ведет отдыхающий, с кем встречается, что и кому говорит. По существу, личная охрана членов политбюро присматривала за ними. А начальник девятого управления информировал председателя КГБ о поведении и разговорах руководителей партии и страны.

КГБ мог заниматься сколь угодно высокими лицами. Только на проведение разработки руководящего работника требовалась санкция хозяина страны.

Что такое разработка?

Установка звукозаписывающей аппаратуры в служебном кабинете и дома, что называлось «техническим контролем». А позже — по мере развития видеотехники — и средств визуального контроля. Слуховой контроль — прослушивание телефонных разговоров. Слежка — то есть наружное наблюдение, которое ведется круглосуточно. Внедрение агентуры в окружение этого человека. Чтобы знать, о чем он говорит в своем кругу. А иногда и чтобы подтолкнуть в нужном направлении…

О подлинных масштабах прослушивания телефонных разговоров те, кто точно знает, как обстоят дела, не говорят. Эта

информация подпадает под разряд государственной тайны, и за ее разглашение можно угодить в тюрьму.

В советские времена существовал большой список людей, чьи телефонные переговоры подлежали постоянному техническому контролю. Когда Андропов перешел из КГБ в ЦК партии, он считал, что теперь слушают и его разговоры.

Занимался этим огромный аппарат. Люди знающие уверяют, что на сломе эпох, после 1991 года, он сохранился в неприкосновенности, только технику закупили новую. Руководитель президентской администрации (при Ельцине) Сергей Александрович Филатов рассказывал, что прослушиваются телефоны всех кремлевских служащих — под предлогом борьбы с коррупцией.

В ельцинские времена даже помощники президента исходили из того, что их разговоры записываются. Когда назначенный первым вице-премьером Борис Ефимович Немцов узнал, что его телефонные переговоры прослушиваются, он, возмущенный, пошел к Черномырдину.

Глава правительства удивился:

— А ты что, не знал об этом?

Тогдашний руководитель аппарата правительства Владимир Степанович Бабичев, бывший заведующий отделом ЦК КПСС, прямо говорил, что в правительстве прослушивают всех, даже премьер-министра.

Иногда этим занимались дилетанты. Обнародовались записи разговоров высших чиновников, откровенность которых потрясала. Начинались поиски — кто записал разговор и кто предал его гласности. Проводились громкие обыски. Например, в охранной фирме «Атолл-1», которую именовали первой в России частной спецслужбой и которая вроде бы прослушивала даже президентскую дочку Татьяну Борисовну Дьяченко. Представители прокуратуры рапортовали, что нашли «материалы, которые свидетельствуют об организации незаконного прослушивания».

— Мы занимались информационной разведкой и контр разведкой, — гордо рассказывал позже руководитель «Атолл-1» Сергей Юрьевич Соколов. — Мы разрабатывали практически весь бомонд.

В январе 2018 года Сергея Соколова арестовали сотрудники ФСБ — по другому обвинению. Уверяли, что фирмой «Атолл-1» владел Борис Березовский. Но самое большое ухо в нашей стране всегда принадлежало государственным спецслужбам.

В позднесоветское время в каждом министерстве, ведомстве, научном и учебном заведении сидели официальные сотрудники

комитета или чаще офицеры действующего резерва. Так называли офицеров, которых командировали для работы за пределами органов и войск КГБ. В отличие от Вооруженных сил они не отправлялись в запас, а оставались на службе, но действовали под прикрытием.

В 1980 году в Госплане создали службу безопасности, укомплектованную сотрудниками КГБ. Начальником сделали бывшего руководителя военной контрразведки генерал-лейтенанта Ивана Лаврентьевича Устинова. Андропов объяснил генералу:

— Обстановка в стране сложная, и я должен иметь достоверную информацию, что же у нас творится, особенно на экономическом фронте.

Иначе говоря, это была не инициатива Госплана, не объективная потребность в защите государственных секретов, а внедрение в важное ведомство осведомительной структуры. Генерал Устинов докладывал председателю КГБ, «что происходило в Госплане, какие проблемы в стране, каковы предложения, перспективные разработки».

Такие же службы появились и в других ведомствах, в том числе в Министерстве иностранных дел. Едва ли Андрею Андреевичу Громыко это нравилось, но и он, член политбюро, ничего не мог поделать.

В период разрядки международной напряженности решили присоединиться к международным конвенциям, охранявшим авторские права, и образовать Всесоюзное агентство по авторским правам. Своего рода Министерство иностранных дел в области культуры — развивать контакты с творческой интеллигенцией всего мира и продвигать за рубеж советских авторов. Поэты, прозаики, драматурги, художники получили возможность издаваться, ставиться и выставляться за границей и получать за это какие-то деньги — причем в валюте, столь ценимой гражданами социалистического государства. Прежде все гонорары доставались государству.

Разумеется, аппарат воспринимал ВААП как идеологический инструмент, которому поручено контролировать произведения литературы и искусства, идущие на Запад, и отсеивать то, что неприемлемо. Секретным постановлением политбюро был установлен список должностей, замещаемых в агентстве по авторским правам сотрудниками КГБ.

Заместителем председателя ВААП стал «широко известный в узких кругах» полковник Василий Романович Ситников из службы «А» — активные мероприятия за рубежом (это подразделение разведки превратилось в мощную службу дезинформации и

влияния на мировое общественное мнение). И внутри каждого управления ВААП один из заместителей начальника представлял интересы комитета госбезопасности.

А на роль руководителя нового ведомства в аппарате ЦК предложили Василия Сергеевича Фомичева, который работал в цензуре — первым заместителем начальника Главлита. Кому еще, рассудили партийные идеологи, как не профессиональному цензору, присматривать за идущими на экспорт литературой и искусством? Фомичева уже поздравляли с новым назначением.

Председатель ВААП — министерская должность. Председателя утверждал секретариат ЦК КПСС, определявший кадровую судьбу всего высшего чиновничества страны. Заседания проходили на Старой площади каждую неделю по вторникам в четыре часа дня. Секретари рассаживались за большим столом, обтянутым зеленым сукном. Вел секретариат второй человек в партии и главный идеолог Михаил Андреевич Суслов. Он высказывался тихо, просто и по делу. Никаких шуток, анекдотов, посторонних разговоров. Ни на кого не кричал, был очень сдержан. Обращался ко всем по фамилии. На секретариате не позволял говорить больше пяти — семи минут. Если выступавший не укладывался, Суслов ледяным тоном говорил «Спасибо», и тот замолкал.

Назначение председателя ВААП сорвалось! Увидев послужной список кандидата, Суслов распорядился:

— Вопрос о руководителе ВААП откладывается. Все приглашенные на рассмотрение этого вопроса могут быть свободны.

Аппаратчики расходились в полном недоумении. А Суслов сам предложил другую кандидатуру, немало удивив подчиненных. Председателем ВААП назначили Бориса Дмитриевича Панкина, главного редактора популярной и смелой тогда «Комсомольской правды», литературного критика с либеральными взглядами (и будущего министра иностранных дел при Горбачеве).

Суслов был невероятным догматиком. Не допускал ни малейшего отклонения от генеральной линии. Но в отличие от своих подчиненных сразу сообразил, что поручить культурное сотрудничество с миром руководителю цензуры — опозорить страну. Позднесоветское руководство зависело от мирового общественного мнения. Старалось ладить с интеллигенцией. Политические претензии не переводились в уголовные дела.

Заместитель главного ученого секретаря Академии наук СССР своей властью увеличил зарплату советским ученым, работающим на Кубе. Министерство финансов усмотрело в этом незаконное

расходование средств и нанесение ущерба государству. Решило передать материалы в прокуратуру для привлечения Виноградова к уголовной ответственности.

Президент академии Мстислав Всеволодович Келдыш позвонил министру. Сказал, что решение принято с его ведома и уже дает положительные результаты. На этом все закончилось. Жаловаться в прокуратуру на президента Академии наук в ту пору было невозможно. Дело не только в том, что сам Келдыш был высшим авторитетом для власти. Академия, ученые представляли ценность.

Вожди понимали, что наука создает славу государству и озаряет их светлый образ. Академики отправили человека в космос и создали ракетно-ядерный потенциал, что определило место нашей страны в мировых делах. Ученые могли запросто позвонить первому человеку в стране и знали, что их внимательно выслушают, что к ним прислушаются. С учеными были вежливы, любезны и предупредительны. А в наше время высших чиновников академия просто не интересует. Из нашей страны поступают разнообразные новости, иногда оглушительные и поражающие воображение. Но все реже о выдающихся достижениях науки. Одаренные люди не находят себе применения. Чиновники их не жалуют. Академия наук становится обузой…

По заведенному в советские времена порядку сотрудники КГБ не могли трудиться в партийном аппарате. Политических работников постоянно переводили на Лубянку, а вот офицеров КГБ первыми секретарями обкомов и председателями облисполкомов не делали. Чекисты не могут быть над партией. Если же офицера КГБ — большая редкость! — брали в партийный аппарат, он снимал погоны, то есть увольнялся из комитета.

Органы госбезопасности и внутренних дел неустанно укрепляли партийными кадрами. Но перевод в аппарат КГБ или МВД для растущего партработника часто оказывался неприятным сюрпризом, потому что фактически ставил крест на карьере. Партийный работник мог занять любую должность в стране, а надевший погоны до пенсии оставался внутри системы.

Чекисты сидели в отделах кадров, в первых отделах, в отделах внешних сношений, которые занимались оформлением командировок за границу и приемом иностранных гостей. В оборонных министерствах один из заместителей министра представлял КГБ. Они только формально подчинялись руководителю ведомства. В реальности исполняли указания руководителя ведомства госбезопасности и сообщали ему о ситуации внутри министерства. Иначе говоря, председатель КГБ

управлял мощным аппаратом, который пронизывал все государство. Своими знаниями он делился только с первым человеком в стране.

Официальные бумаги КГБ поступали в ЦК через общий отдел. Они доставлялись генеральному секретарю в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже его помощники. Самые деликатные материалы председатель комитета госбезопасности докладывал хозяину без свидетелей. Почти каждый день он появлялся в главном кабинете страны с толстой папкой. Разговор один на один.

Люди знающие уверяют, что ныне сотрудники госбезопасности так же присутствуют во всех важных государственных структурах, как и в советские времена, но еще и включены в руководящие структуры частного бизнеса, за которым и присматривают.

Старая площадь и Лубянка

О воссоздании единого Министерства госбезопасности, в состав которого вернутся и внешняя разведка, и служба охраны, на Лубянке мечтают многие годы. Идея чисто ведомственная; любое учреждение жаждет масштабного расширения штатов и полномочий, повышения статуса и престижа. Сторонники этой идеи доказывают, что речь идет о возвращении к прошлому, которое вновь рисуется славным.

Но история свидетельствует: советские вожди боялись излишнего укрепления госбезопасности. При советской власти сменилось семнадцать хозяев Лубянки, из них пятерых расстреляли — практически каждого третьего. Вожди ценили инструмент контроля над страной. Но прежде всего спешили обезопасить самих себя

В марте 1946 года наркоматы переименовали в министерства. Появились Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности. Причем аппарат МГБ был сравнительно небольшим.

Еще перед войной Сталин распорядился разукрупнить НКВД, превратившийся в гигантское ведомство. 3 февраля 1941 года НКВД разделили на два наркомата. В новый Наркомат госбезопасности вошли разведка и контрразведка, секретно-политическое управление, следственная часть. Наркому внутренних дел остались милиция, пожарные, пограничники и ГУЛАГ. Когда началась война, НКВД и НКГБ поспешно слили в один наркомат. Как только ситуация на фронте улучшилась, Сталин опять их разделил. А военную контрразведку (главное управление Смерш) не доверил ни одному из наркомов, выделил в самостоятельную структуру и подчинил себе. Армию, особенно генералитет, он желал контролировать сам.

Вождь постоянно менял структуру органов госбезопасности и переставлял чиновников на Лубянке. Только со стороны это кажется проявлением страсти к экспериментам. Реальная причина иная: Сталин постоянно менял кадры, чтобы чекисты не засиживались, не обзаводились связями, не теряли хватки. Страшноватая практика работы чекистов строилась на вахтовом методе. Формировалась команда, которая выполняла свою часть работы. На это время они получали все — материальные блага, звания, должности, ордена, право общения с вождем. Когда они свою задачу выполняли, команду уничтожали. Приходила следующая бригада.

И еще одно: Сталин никогда не давал одному чиновнику

слишком много власти.

Рано или поздно наступал момент, когда он приходил к выводу, что нужен новый человек. Генрих Григорьевич Ягода был хозяином Лубянки два года. Лаврентий Павлович Берия руководил госбезопасностью чуть больше двух лет, пока наркомат не поделили. Еще около двух лет командовал всеми чекистами во время войны — и вновь Сталин отставил Берию от госбезопасности. Перевел на хозяйственные дела, хозяин ГУЛАГа имел возможность широко использовать осужденных — дармовую и бессловесную рабочую силу. А в конце 1945 года Берия и вовсе перестал быть наркомом внутренних дел.

Всеволод Николаевич Меркулов, в свободное время писавший пьесы (под псевдонимом), продержался в роли хозяина Лубянки меньше трех лет. Бывший начальник военной контрразведки Виктор Семенович Абакумов — пять. Но Меркулова хотя бы пересадили в другое кресло, а Абакумова отправили за решетку, где недавние подчиненные его жестоко избивали и быстро превратили в инвалида.

После смерти Сталина и ареста Берии партийный аппарат по всей стране вздохнул с облегчением. С 2 по 7 июля 1953 года в Кремле заседал пленум ЦК КПСС.

— Давайте разберем, — обратился к членам ЦК Хрущев, — какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? За исключением липовых, дутых — никаких.

— Правильно, — поддержал его председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов, — никаких.

— Мы же с вами знаем, — продолжал Хрущев, — до 1937 года и после 1937 года — больше половины липы.

— Правильно, — вновь поддержали его из президиума.

— Если сейчас разобрать архив, я убежден, на восемьдесят процентов населения есть анкеты, на каждого дело разрабатывают.

В зале сочувственный смех.

— А молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем.

Голос из президиума:

— Картошки нет.

— Картошки и капусты в магазине нет. Что, наши колхозники разучились выращивать капусту?

Арестованный вместе с Берией недавний министр госбезопасности генерал армии Меркулов рассказал на допросе:

— В 1938–1940 годах велась проверка биографических данных руководителей партии и правительства.

Материалы на ответственных работников в отделе «А» (учетно-регистрационном) держали в опечатанных мешках с надписью «Личный архив наркома Государственной безопасности Меркулова». В начале войны спецархив как величайшую ценность эвакуировали в Куйбышев, потом на всякий случай перевезли еще дальше, в Свердловск. В 1944 году вернули в Москву.

Через полгода после расстрела Берии самые важные досье с Лубянки перетащили в здание ЦК, чтобы никто из чекистов в них не заглянул. Руководители страны договорились все уничтожить. Набралось одиннадцать больших бумажных мешков.

Ближайшие сталинские соратники не хотели усиления чекистского ведомства, поэтому оно не стало министерством, а получило второразрядный статус госкомитета. Намеревались превратить КГБ в обычное общегражданское ведомство, отказаться от воинских званий, а то в Москве и так полно генералов. Вывели партаппарат из-под постоянного контроля спецслужб. Госбезопасность подчинили политическому руководству. Партийный аппарат был счастлив.

Руководство КГБ в 1964 году приняло участие в свержении Хрущева. Брежнев учел этот урок. Почему он сделал председателем КГБ Андропова? Юрий Владимирович не руководил крупной парторганизацией, не имел поддержки в стране, своего землячества. Одиночка в партийном руководстве. Это определяло его слабость. А Брежневу и нужен был на этом посту человек без корней и связей, без стоящей за ним спаянной когорты.

Но на всякий случай среди заместителей председателя КГБ Брежнев держал двух преданных ему генералов — Цвигуна и Цинева, которые доносили ему о каждом шаге Андропова. Леонид Ильич придавал кадрам госбезопасности особое значение, сам отбирал туда людей, находил время побеседовать с членами коллегии комитета, начальниками управлений.

Дабы не дать чекистам обособиться, на работу в органы госбезопасности регулярно переводили целые группы партийных и комсомольских секретарей. После короткой спецподготовки они занимали руководящие посты в центральном аппарате КГБ, областных и краевых управлениях. Все кадровики в комитете были недавними партийными работниками. Один из способов контроля над чекистами. Приходящие со стороны партийные секретари были чужаками в КГБ и должны были присматривать за тем, что происходило внутри системы госбезопасности.

В республиках и областях существовал некий паритет влияния партийного хозяина и руководителя госбезопасности. Местный чекист понимал, что должен быть аккуратен и

демонстрировать партийному руководителю уважение. Если он допустит ошибку и партийный секретарь на него пожалуется, председатель КГБ за него не вступится. Но каждый первый секретарь подозревал, что начальник областного (краевого) управления присматривает за ним и обо всем сообщает в Москву. Поэтому в перестройку чиновники были довольны, когда ослабла власть комитета… Ведомственные надежды поклонников суперминистерства госбезопасности противоречат личным интересам вождя и потребностям всего аппарата.

Что означает готовность перепоручить сотрудникам госбезопасности политическую работу? Желание оградить себя от неприятностей, перевалить на других заботы. Это свидетельство дряблости управленческого аппарата. Проще увидеть в собственных неудачах заговор, происки экстремистов. Вот и возникает соблазн снять с себя эту обузу.

Конечно, сотрудники спецслужб — такие же люди, как и все. Среди них есть и дураки, и умные, дальновидные и недалекие, порядочные и не очень. Но у работников специальных служб с годами вырабатывается определенный взгляд на жизнь и на людей. Чувство субординации и исполнительность воспитывают привычку подчиняться, а не самому принимать решения. В плоть и кровь впитываются подозрительность и недоверчивость к окружающим, когда мир жестко делится на своих и чужих. И они привыкают действовать методами, которые часто неприменимы к гражданской жизни.

Во всем мире ветеранов спецслужб охотно берут в охранные структуры, службы безопасности банков или крупных корпораций, в аналитические центры. Но они очень редко становятся депутатами или министрами.

Войны спецслужб продолжаются

Николай Анисимович Щелоков стал министром внутренних дел за полгода до того, как Андропов возглавил КГБ. Назначение Юрия Владимировича на Лубянку было для Брежнева рискованным ходом — он не так уж хорошо знал Андропова, скорее угадал, что это правильный выбор. В Щелокове Леонид Ильич не сомневался. Старый знакомый.

Личные отношения с генеральным секретарем создавали Николаю Анисимовичу особое положение в стране. Щелоков любил в нужный момент сослаться на Брежнева: вот я был у Леонида Ильича, мы этот вопрос уже обсудили…

Деятельность Щелокова в МВД складывалась из двух этапов. На первом Николай Анисимович очень серьезно отнесся к новому делу. Пытался устроить работу правоохранительных органов на современный лад. Не отвергал с порога иностранный опыт, понимая, что у западных стран есть чему поучиться. На втором этапе он только наслаждался высокой должностью и занимался устройством своего быта, в чем весьма преуспел.

Николай Анисимович покончил с остатками сталинского крепостничества. Постановлением ЦИК и Совнаркома от 27 декабря 1932 года крестьянам запрещалось покидать деревню. Им не выдавали паспорта. Крестьянина советская власть держала на положении крепостного, потому что без паспорта нельзя было устроиться ни на учебу, ни на работу. Право на паспорт крестьяне получили, когда 28 августа 1974 года по инициативе Щелокова появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР».

Николай Анисимович мог бы благополучно перейти на пенсию или числиться консультантом МВД и нянчить внуков, если бы не Андропов.

Юрий Владимирович ненавидел Щелокова. Соратники председателя КГБ уверяют, что министра внутренних дел Андропов в своем кругу именовал «жуликом» и «проходимцем». В чем причина ненависти Андропова к Щелокову? Желание покарать коррупцию, которая расцвела при Щелокове? Или это соперничество силовых ведомств?

Генерал Виктор Валентинович Иваненко, который в те годы работал в инспекторском управлении КГБ, считает так:

— С Щелоковым у Андропова шла борьба за власть, за влияние, за доступ к телу генерального секретаря. Это чувствовалось. Но было и ощущение, что надо взрывать это застойное время. Нужны были кричащие примеры сращивания с

преступным миром, коррупции. Наступил момент, когда спросили: у кого что есть? Выяснилось, что на Щелокова есть материал.

— А в КГБ и раньше говорили, что за Щелоковым что-то тянется?

— Слухи были. Милиция занималась черновой, грязной работой. В белых перчатках там не поработаешь. Я часто участвовал в совместных оперативно-следственных группах и с уважением к ним относился. Вместе с тем их соприкосновение с уголовной средой, с грязью подрывало иммунитет самих органов.

Бывший член политбюро Александр Николаевич Яковлев не сомневался:

— Андропов хотел избавиться от человека, который мог влиять на Брежнева. Власть вся была коррумпирована, почему Андропов выбрал себе только один объект, достойный борьбы? Почему других не посмел тронуть?

У Андропова была еще одна причина не любить Щелокова.

Много лет Юрий Владимирович добивался, чтобы комитет получил право «контрразведывательного обеспечения органов внутренних дел», то есть контролировать министерство так же, как комитет контролирует вооруженные силы.

Когда в 1966 году восстановили союзное Министерство внутренних дел, то в решении политбюро не указали, что комитет государственной безопасности берет на себя «контрразведывательное обслуживание» органов внутренних дел. Особисты получили право действовать только во внутренних войсках МВД. Еще действовала инерция хрущевского пренебрежения органами госбезопасности, да и тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный — в отличие от своего преемника — не был сторонником тотального контроля.

Чекисты не имели права следить за тем, что происходит внутри МВД, заводить там агентуру. Когда КГБ возглавил Андропов, он завел разговор о том, что Министерству внутренних дел «нужно помогать». Но Щелоков, пользуясь особыми отношениями с Брежневым, успешно отбивал атаки КГБ. Однажды он даже поставил этот вопрос на коллегии МВД: может быть, нам нужна помощь товарищей чекистов? Почти все выступили против. В составе министерства приказом первого зама Юрия Чурбанова было создано управление особых отделов МВД, своего рода служба собственной безопасности.

Андропова и его подчиненных независимость министра бесила. Став генеральным секретарем, 9 августа 1983 года, Андропов провел через политбюро решение «о контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и

внутренних войск». В третьем главном управлении КГБ (военная контрразведка) сформировали управление «А», которое присматривало за милицией. Чекисты должны были выявлять иностранных шпионов, проникших в органы внутренних дел, и сражаться с коррупцией. В реальности они старались взять под полный контроль своих недавних соперников. Ни одного шпиона в органах внутренних дел не нашли.

Противостояние спецслужб сохранялось.

Начальником питерской госбезопасности в 1992 году стал профессиональный чекист Виктор Васильевич Черкесов. Он на два года раньше Путина окончил юридический факультет Ленинградского университета. Поработал в прокуратуре и был приглашен в КГБ. Черкесов решительно встал на сторону Собчака во время августовского путча, и Анатолий Александрович не стал возражать против его назначения, хотя возмутились городские депутаты и деятели культуры. Собчак, видимо, наивно полагал, что демократическому мэру никакие чекисты не страшны.

Путин в 1998 году взял Черкесова своим первым заместителем в Федеральной службе безопасности. Став президентом, назначил полномочным представителем в Северо-Западном округе, включил в состав Совета безопасности. Казалось, карьера Черкесова на подъеме…

И тут началась история, связанная с генерал-полковником Юрием Евгеньевичем Заостровцевым. Журналисты составили его биографию — весьма любопытную. Потомственный чекист, до 1993 года служил на Лубянке. Последняя должность — начальник управления по борьбе с контрабандой и коррупцией. Неожиданно в звании полковника уволился и перешел в банковский бизнес. Возглавил службу безопасности и охраны Тверьуниверсалбанка, которым руководил бывший глава советского правительства Николай Иванович Рыжков.

Через три года Заостровцев ушел в компанию «Медокс», которая входила в группу «Сибирский алюминий». Сам основал несколько частных охранных предприятий. Так что Юрий Евгеньевич на личном опыте познакомился с нравами делового мира того времени, которое любят называть «лихими девяностыми».

Не так уж часто людей, ушедших в бизнес, возвращают на Лубянку. Считается, что собственные коммерческие интересы, работа в охранных предприятиях (не самая законопослушная часть отечественного бизнеса) мешают чекистской работе. Но Юрия Евгеньевича вспомнил сам руководитель ведомства Патрушев, его бывший начальник по карельскому управлению госбезопасности. Николай Платонович вернул Заостровцева в

кадры. И с большим повышением.

Юрий Евгеньевич стал заместителем директора ФСБ и руководителем департамента экономической безопасности. В те годы, когда государственный аппарат возвращал себе контроль над экономикой, роль этой структуры была невероятно высока.

Министр по атомной энергии Евгений Олегович Адамов навсегда запомнил разговор с Заостровцевым на повышенных тонах, когда заместитель директора ФСБ как бы ненароком обронил:

— Видали мы таких героев. Сегодня на коне. Завтра в Лефортово.

«Неприязнь вельможного чекиста проявилась отчетливо, — пишет Адамов, который вскоре окажется под следствием и судом. — Нередко вопросы приходилось решать через голову ФСБ с премьером или президентом. Не любят этого на Лубянке. Для них нормальной является ситуация, когда беспрекословно принимаются их позиции, передаваемые, как правило, через соответствующих кураторов».

Общественность услышала имя генерала Заостровцева, когда началось печально знаменитое дело «Трех китов». В августе 2000 года таможенники задержали незаконно ввезенную партию импортной мебели. История была рутинной, но брат одного из участников сделки, полковник Евгений Николаевич Жуков, руководил секретариатом заместителя директора ФСБ Заостровцева.

«Имел или нет генерал-полковник Заостровцев причастность к контрабандным делам, — осторожно писал тогдашний депутат Государственной думы и журналист Александр Евсеевич Хинштейн, — установить так и не удалось».

Но в историю «Трех китов» вовлеклись серьезные ведомства и очень влиятельные люди. Таможенников поддержало Министерство внутренних дел. Сформировали совместную оперативно-следственную группу МВД и Государственного таможенного комитета. Суть обвинений: мебель ввозили по заниженным ценам и недоплатили в бюджет налогов на миллионы долларов.

Владелец «Трех китов» Сергей Васильевич Зуев и его партнеры вроде бы стали искать сочувствия в прокуратуре. В ноябре 2002 года Генеральная прокуратура изъяла дело и тут же его прекратила. Несколько томов с важными доказательствами потерялись.

А в декабре прокуратура возбудила дело уже против самих таможенников и следователя по особо важным делам Павла Васильевича Зайцева из отдела по расследованию тяжких и особо

тяжких преступлений о коррупции и в сфере экономики следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Следственного комитета при МВД. Обвинение: «превышение полномочий».

Настоящая война спецслужб. Скандал!

Вмешался президент. В этой сложной истории, надо понимать, он искал человека, которому можно было бы доверить это непростое дело. Путин попросил по старой памяти Виктора Васильевича Черкесова, в ту пору полномочного представителя президента в Северо-Западном округе (включающем Санкт-Петербург), подобрать независимого следователя. Тот рекомендовал Владимира Владимировича Лоскутова, первого заместителя начальника отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Ленинградской области.

Путин поручил ему провести следствие. Владельца «Трех китов» Сергея Зуева и еще нескольких человек арестовали. Заместителя генерального прокурора, который санкционировал прекращение контрабандного дела, уволили. Дело не ограничилось мебельным бизнесом. Вскрылась неприглядная картина массовой коррупции, в том числе среди чекистов.

«Высшие чины прокуратуры, МВД, ФСБ, Федеральной таможенной службы, члены парламента оказались вовлечены в громадный преступный промысел, — писал депутат Думы Александр Хинштейн. — Ежемесячно казна недосчитывалась миллиардов долларов… Черкизон был основным местом реализации контрабанды, поступавшей из Китая по каналу, «крышевавшемуся» высокопоставленными сотрудниками ФСБ и МВД».

В отставку отправили два десятка высокопоставленных чиновников, в том числе несколько высших офицеров ФСБ. Считается, что расстались с теми, кто мешал следствию или сам был причастен к контрабанде.

Юрий Заостровцев потерял свое кресло. Ему в начале 2004 года присвоили звание генерал-полковник, перевели в действующий резерв ФСБ и сделали вице-президентом Внешэкономбанка, где он трудился до лета 2007 года. Газеты писали, что после ухода из банка он занялся лесным бизнесом…

Место Заостровцева занял питерский человек — генерал Александр Бортников.

Но конфликт продолжался. Весной 2006 года следователь Лоскутов доложил Путину: следственная бригада фактически не работает, ему самому угрожают. Считается, что в результате потерял кресло генеральный прокурор Владимир Устинов. А президент еще раз попросил помочь Черкесова, которого в марте

2003 года перевел в Москву и поставил во главе нового, но сравнительно небольшого ведомства — Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. В результате генерал-полковник госбезопасности Черкесов стал еще и генералом полиции.

И на своем новом посту он уверенно вступил в опасную игру. Аппарат Госнаркоконтроля помогал следователям: говоря профессиональным языком, вел оперативное сопровождение дела «Трех китов». Это столкнуло Черкесова с его бывшими коллегами по ведомству госбезопасности. И в конкуренции с другими силовиками он стал проигрывать.

Личное покровительство Путина и помощь Черкесова не помогли следствию. В 2007 году Лоскутова вернули в Питер. Два других следователя сами оказались под следствием. А Черкесову ответили тем, что возбудили дело против его подчиненного — генерал-лейтенанта полиции Александра Алексеевича Бульбова, начальника департамента оперативного обеспечения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Генерала Бульбова 2 октября 2007 года взяли прямо на трапе самолета в аэропорту Домодедово. Следственный комитет обвинил генерала в незаконном прослушивании телефонов, взятках и злоупотреблении полномочиями.

Руководители Госнаркоконтроля просили выпустить генерала под личное поручительство, однако Бульбова держали в предварительном заключении два с половиной года. Генеральная прокуратура отказалась утверждать обвинительное заключение. Бульбов заявил в зале суда, что его арест — месть ФСБ за его участие в расследовании контрабандных дел.

В «Известиях» появился подробный рассказ об имуществе арестованного генерала. Список недвижимости семьи Бульбовых впечатлял — квартиры и дома в Москве и Подмосковье, а также туристический комплекс, гостевой дом, кафе на знаменитой Куршской косе. Напрашивался вопрос: откуда деньги?

Выпускник академии Федеральной службы контрразведки Александр Бульбов осенью 1993 года служил заместителем начальника отдела в военно-строительном управлении Министерства обороны. После октябрьских событий он был арестован в Белом доме — по обвинению в участии в массовых беспорядках. Но его амнистировали вместе со всеми участниками событий той осени. Продолжить службу он не захотел, уволился и ушел в бизнес. Как и генерал Юрий Заостровцев, основал несколько частных охранных фирм. Бизнес, надо понимать, оказался успешным и позволил обзавестись дорогостоящей недвижимостью. В 2000 году Бульбова взял к себе в аппарат

Черкесов, в ту пору полпред президента. Потом перевел в наркоконтроль.

После ареста Бульбова вечером 8 октября 2007 года президент Путин неожиданно приехал в Федеральную службу безопасности. Все восприняли это как поддержку Николая Патрушева. А на следующий день, 9 октября, газета «Коммерсант» поместила большую статью генерала Черкесова о междоусобной войне спецслужб под названием «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

Виктор Черкесов напомнил, что его подчиненные, которых арестовали, по поручению Генеральной прокуратуры участвовали в расследовании дел о «Трех китах» и контрабанде китайского трикотажа. Выходит, они виновны в том, что исполняли свой долг? Черкесов обещал: «Честные люди, наши товарищи по оружию, попавшие в беду, должны быть уверены, что мы их будем отстаивать до конца».

Черкесов напомнил, что именно чекисты удержали страну «от окончательного падения, и в этом историческая заслуга президента Путина», поэтому так опасно критиковать «чекистский крюк», на котором держится страна. Но в чекистской корпорации, призывал Черкесов, должны соблюдаться определенные законы: «Те, кто обнаруживает, что его подлинное призвание — это бизнес, должны уйти в другую среду. Не пытаться оставаться одновременно и торговцем, и воином. Так не бывает. Либо — либо».

Иначе говоря, один из самых информированных людей в стране открыто обвинил своих коллег по спецслужбам в незаконной коммерческой деятельности, в крышевании бизнеса, в использовании своего положения для зарабатывания больших денег. Война силовых ведомств из-за «Трех китов» открыла общественности то, что многие и так подозревали, но не имели доказательств. Слова генерала Черкесова — более чем авторитетное свидетельство.

Поначалу бизнесмены с радостью нанимали бывших силовиков, надеясь на их связи, или напрямую обращались к действующим офицерам различных ведомств, чтобы одолеть конкурентов — различными способами, включая заведение уголовных дел. Со временем стало ясно, что без людей, входящих в корпорации спецслужб, дела вообще не делаются. В мире бизнеса возник страх, что в любую минуту люди в погонах заберут успешный и процветающий бизнес. А предприниматели в погонах стали процветать и получать прекрасный доход.

Широкой публике осталось неизвестным, что заставило опытного Черкесова вынести спор с коллегами-чекистами на

всеобщее обозрение. Отчаяние? Утратил доступ к первому человеку в стране и попытался хотя бы таким образом привлечь его внимание к сложной ситуации, в которую попал?

Теперь все зависело от реакции Путина. Корреспондент «Коммерсанта» прямо спросил президента, что он думает о статье генерала Черкесова? Владимир Владимирович явно был недоволен:

— Я бы на месте людей, которые защищают честь мундира, не стал обвинять в ответ всех подряд, особенно через средства массовой информации. Выносить такого рода проблемы в средства массовой информации считаю некорректным. Если кто-то действует таким образом, предъявляет такого рода претензии о войне спецслужб, сам сначала должен быть безупречным.

Стало ясно, что Виктор Васильевич Черкесов не нашел понимания у президента.

Черкесов и Патрушев покинули свои посты сразу после избрания президентом Дмитрия Медведева. Считается, что одновременная отставка подвела черту под «войной спецслужб». Разница состоит в том, что Патрушев занял заметный пост секретаря Совета безопасности. Черкесову же подобрали заведомо обреченное дело — поручили возглавить новое Федеральное агентство по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (Рособоронпоставка). Это агентство так и не заработало.

На декабрьских 2011 года выборах в Государственную думу Виктор Черкесов стал депутатом по списку компартии, то есть перешел в оппозицию к недавним коллегам, питерской команде. Сказал в интервью: «Корпоративный эгоизм стал доминантой в идеологии правящего класса. Не могу не признать, что преувеличил свои надежды на особую миссию чекистского сословия, которое остается ядром этого класса… Полагал, что запас прочности и государственной зрелости в наших рядах значительно серьезнее и позволит дальше продержаться».

В недавнее время возникло еще одно громкое дело, истолкованное обществом как очередное противостояние Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности.

Оперативных работников Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД задержали, когда они после длительной разработки пытались зафиксировать получение взятки начальником 6-й службы девятого управления (управления собственной безопасности) ФСБ Игорем Леонидовичем Деминым.

Выяснилось, что один из участников комбинации заранее

рассказал обо всем на Лубянке, и ФСБ начала свое расследование. В кабинете начальника главка МВД Сугробова установили средства слухового контроля, прослушивали его телефонные разговоры. По этому делу арестовали начальника главка — самого молодого в системе генерал-лейтенанта Дениса Александровича Сугробова, кандидата юридических наук, и его давнего сослуживца и первого заместителя генерал-майора Бориса Борисовича Колесникова.

Обвинили их в том, что они провоцировали получение чиновниками взятки, чтобы продемонстрировать мнимые успехи в борьбе с коррупцией. «В итоге они получили материальную выгоду в виде карьерного роста, значительных денежных премий, присвоения внеочередных специальных званий, ведомственных и государственных наград», — говорилось в заявлении Следственного комитета.

Наблюдавшие за ходом дела журналисты пришли к выводу, что причиной ареста стала попытка сотрудников МВД поймать на взятках коллег из ФСБ и тем самым доказать, что они надежнее чекистов.

Генерал Сугробов не сумел или не захотел наладить отношения с коллегами из управления собственной безопасности ФСБ. Вел себя слишком самоуверенно. Может быть, полагал себя круче смежников с Лубянки. А может, наивно рассчитывал на чье-то высокое покровительство. Но явно забыл, что в нашей стране чекисты присматривают за милиционерами (теперь полицейскими), а не наоборот.

Генерал Колесников, попав в следственный изолятор, получил травму головы неустановленного происхождения. Жаловался, что его жизни угрожает опасность. Похоже, нуждался в срочной медицинской помощи. Когда его вели на допрос, выбросился из окна Следственного комитета, упал с шестого этажа и разбился насмерть. Эта невиданная история произвела тягостное впечатление.

Генерала Сугробова, не признавшего своей вины, приговорили к двадцати двум годам заключения. Верховный суд России сократил срок практически пополам — на десять лет.

Кадровый лифт остановлен

— Революция, — говаривал Наполеон, — это десять тысяч вакансий.

Революция разом меняет весь политический класс. Государственный аппарат заполняется новыми людьми. Оттого смена власти так радует молодежь. После октября 1917 года реализовался принцип «кто был ничем, тот станет всем». В учетной карточке члена оргбюро ЦК и наркома пищевой промышленности Семена Семеновича Лобова в графе «Образование» написано: «Не учился». Это не мешало успешной министерской карьере.

Нарком иностранных дел Чичерин тяжело переносил кампании, проводившиеся партаппаратом — опытных работников отправляли на работу в деревню, а в дипломаты набирали партийно-комсомольскую молодежь. Обратился в ЦК с письмом: «Прошу на моей могиле написать: «Здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток». Чистка означает удаление хороших работников и замену их никуда не годными».

Молодые чиновники жаждали возвышения. Сохранилось любопытнейшее письмо Ленина, адресованное одному старому члену партии. Ленин жаловался, что новое поколение партийцев к нему не прислушивается: «Есть и предубеждение, и упорная оппозиция, и сугубое недоверие ко мне… Это мне крайне больно. Но это факт… «Новые» пришли, стариков не знают. Рекомендуешь — не доверяют. Повторяешь рекомендацию — усугубляется недоверие, рождается упорство. «А мы не хотим»!!!»

Владимир Ильич раздал крупные должности тем, кого хорошо знал. Старая гвардия в 1922 году составляла всего два процента численности партии, но занимала почти все руководящие посты. Молодые аппаратчики толкались в предбаннике, а хотели сесть за стол и принять участие в дележе власти. Ленин нарушил основное правило: аппарат должен смертельно бояться хозяина, но и что-то получать от него.

Партийная молодежь досталась Сталину. Он дал ей то, в чем отказывал Ленин. Сталин возмущался: «старики» мешают новым кадрам продвигаться. И ловко натравил новых членов партии на своих политических соперников, старых партийцев еще с подпольным стажем. Высшие должности заняли молодые карьеристы, которые своим восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле Сталина. Они его боготворили. В годы репрессий карьеры делались стремительно. Надо было только самому уцелеть…

Но после войны Сталин стал болеть, как-то сразу постарел, ко многому утратил интерес, и кадровые лифты, возносившие наверх карьерную молодежь, замерли.

Хрущев, возглавив страну, открыл молодому поколению дорогу наверх, освобождая руководящие кабинеты от прежних хозяев. Ему нравилось назначать на высокие посты молодых людей. Динамичная политика Хрущева открыла новые возможности.

«Возникло ощущение, что мы становимся свидетелями небывалых событий, — писал известный литературный критик Владимир Яковлевич Лакшин. — Привычно поскрипывавшее в медлительном качании колесо истории вдруг сделало первый видимый нам оборот и закрутилось, сверкая спицами, обещая и нас, молодых, втянуть в свой обод, суля движение, перемены — жизнь».

Хрущев чувствовал, что монополия руководящего строя на власть губит страну. Молодежь растет, а должности для нее не освобождаются. Приходится ждать, когда кто-нибудь из старшего поколения умрет.

— Буржуазные конституции, — высказал Хрущев крамольную мысль, — пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что эти их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться? Что же мы, не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Нас выбрали, и мы самые гениальные? А за нами люди совершенно незаслуженные? Поэтому я считал бы, что нужно так сделать, чтобы таким образом все время было обновление.

Кому из тех, кто слушал первого секретаря, могли понравиться эти слова? Неужели придется расстаться с должностью просто потому, что больше двух сроков нельзя занимать высокое кресло?

— Если каждый будет знать, что он будет выбран только на один срок, максимум на два, — продолжал фантазировать Хрущев, — тогда у нас не будет бюрократического аппарата, у нас не будет кастовости. А это значит, что смелее люди будут выдвигаться, а это значит, демократизация будет в партии, в народе, в стране.

Именно эта идея создала Хрущеву больше всего врагов внутри аппарата. В нашей стране не удаются попытки ограничить всевластие верхушки временными сроками. А он всерьез увлекся идеей обновления:

— Товарищи, вредно задерживаться. Может быть, нам даже

установить какое-то расписание, что такой-то пост могут занимать люди не старше такого-то возраста. Это может быть не закон, могут быть исключения, но должны быть какие-то правила… Я сам себя ловлю. Бывало, машина станет, выскакиваешь как пуля, а теперь одну, вторую ногу выдвинешь, и я замечаю, что я приобрел приемы старика, которые свойственны каждому старику. (Шум в зале.) Нет, товарищи, вы меня не подбадривайте. Я у вас не прошусь на пенсию, но я уже пенсионер по возрасту… Другой раз выдвигают, говорят — молодой. Сколько же ему лет? Сорок пять. Когда мне было тридцать пять лет, я уже был дед.

Чиновники жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Его отправили на пенсию. Возникла надежда на обновление. Старое-то руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию.

Борис Леонидович Пастернак писал:

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.

Брежнев расставил на номенклатурные посты своих людей; это были те, кого он хорошо знал, с кем работал, кому доверял. Таков был главный принцип кадровой политики, оказавшийся безошибочным. Леонида Ильича не назовешь более талантливым и ярким политиком, чем Хрущев. Но Никита Сергеевич провел остаток жизни в роли никому не нужного пенсионера, за каждым шагом которого следили чекисты. А Брежнев оставался хозяином страны до своего смертного часа.

Прорвавшиеся наверх мертвой хваткой держались за свое место. При Брежневе кадровые перемены происходили редко. Высших чиновников это устраивало. Но молодежь заскучала.

«Совсем старые руководители, очень больные, не уходили на пенсию, — писал министр здравоохранения академик Борис Петровский. — Им было не до перемен. Дожить бы до естественного конца при власти и собственном благополучии. Знаете, у врачей есть даже термин «старческий эгоизм». Так вот, в годы застоя в руководстве страны прямо-таки процветал «старческий эгоизм».

Иван Алексеевич Мозговой, избранный секретарем ЦК на Украине, наивно-прямолинейно спросил одного из коллег по аппарату:

— Чего вы так держитесь за свое кресло? Вам уже под семьдесят. Месяцем раньше уйдете, месяцем позже — какая разница?

Наступила пауза. Потом, сжав ручки кресла, чиновник сказал:

— Да я буду сражаться не только за год или месяц в этом кресле, а за день или даже час!

Через несколько лет Мозговой понял, почему никто по собственной воле не уходит с крупной должности. Как только его самого лишили должности, то сразу же отключили все телефоны — дома и на даче. Он связался с заместителем председателя республиканского комитета госбезопасности, с которым по пятницам ходил в сауну, возмутился:

— Да как же так? Это же форменное хулиганство!

Тот философски ответил:

— Ты же знаешь, таков порядок, это не мной придумано.

Члены политбюро, которым по возрасту и состоянию здоровья давным-давно следовало уйти на пенсию, до последнего держались за должность. Пока у власти — ты всем нужен и у тебя все есть, а вышел на пенсию — ты никто.

Брежнев у себя на даче отмечал очередной день рождения. Первый секретарь ЦК компартии Украины Петр Шелест преподнес Леониду Ильичу поздравление, в котором говорилось: «Ваши годы — это ранняя золотая осень, которая приносит огромные плоды для нашего народа!»

Брежнев остался недоволен:

— О какой осени идет речь?

Он продолжал считать себя молодым.

Сменявшие друг друга старцы на трибуне Мавзолея — можно ли придумать более зримую метафору упадка советского строя?

Непосвященные не подозревали, как те, кому положено, заботились, чтобы вожди там не замерзли и не проголодались.

«Там стояли столики с телефонами и тележки, на которые мы ставили термосы с заранее сваренным глинтвейном, — вспоминал заместитель начальника отделения Особой кухни подполковник Игорь Николаевич Нетылев. — Это делалось на 7 ноября, 1 мая и в других подобных случаях. Рядом раскладывали выпечку, шоколадные конфеты в больших коробках. Эти конфеты дарили детям, которые поднимались на трибуны Мавзолея с красными гвоздиками для членов политбюро. За Мавзолеем существовала пристройка, в которой стояли накрытые столы, здесь можно было поесть и первое, и второе. Но кушали тут далеко не все, так как за официальной частью праздника обычно следовал прием».

Даже сотрудники партаппарата в своем кругу, не стесняясь,

крыли матом заскорузлую систему. С горечью говорили, что в стране идет распад, а вожди в маразме и лишились здравого смысла. Когда телевидение показывало членов политбюро, людей разбирал гомерический хохот. Самое сильное впечатление от церемонии похорон Леонида Ильича Брежнева в ноябре 1982 года — болезненный, немощный вид людей, которые после его смерти остались руководить государством.

Андропов страдал целым букетом тяжелых заболеваний. Не будь он членом политбюро, давно бы перевели на инвалидность. Новый генсек с трудом мог встать из-за стола. Когда он шел, его поддерживали два охранника. Через несколько месяцев он оказался в больнице, откуда уже не вышел. Вместо него генеральным секретарем избрали Черненко, и во главе государства оказался столь же безнадежно больной человек. Охране приходилось постоянно выводить его в комнату отдыха, там врачи установили кислородный аппарат, помогавший ему дышать.

«От имени политбюро кандидатуру Черненко предложил пленуму 79-летний предсовмина Тихонов, — писал сотрудник ЦК Валерий Михайлович Легостаев. — Явление этих двух слабых старых людей на политической вершине страны, и без того измученной многолетним зрелищем брежневского увядания, произвело гнетущее впечатление. Как будто бы сам Брежнев вдруг встал из могилы, отряхнул с пиджака землю со снегом и пошел на свое прежнее рабочее место… Крушение всех надежд, тревога, подавленность, и вместе с тем веселая отчаянная злоба — дать бы кому-нибудь по морде, а там будь что будет. По моим впечатлениям, именно в такое состояние привело общество избрание Черненко генсеком».

Как же так случилось, что в руководстве остались одни старцы, физически и морально не способные руководить огромным государством? А где же молодые? Почему они не взяли власть? Кадровая политика кремлевских вождей состояла в том, чтобы устранять сильные и самостоятельные фигуры, всех, кто мог составить конкуренцию. Новые и энергичные люди воспринимались как опасность.

Поэтому так много надежд связывалось с молодым Горбачевым. Преобразований жаждали и его будущие яростные критики. Разумеется, представление о переменах у всех было разное. Кого-то вполне устроило, если бы Михаил Сергеевич ограничился освобождением начальственных кресел от засидевшихся в них ветеранов.

Однако же кадровые чиновники в перестройку провалились.

Продвинуться по карьерной лестнице было трудно.

Требовалась особая предрасположенность к существованию в аппаратном мирке и годы тренировки по комсомольской линии. Это был тогда единственный кадровый лифт, суливший в случае удачи стремительное продвижение.

Наиль Бариевич Биккенин, который много лет трудился на Старой площади, писал: «Я безошибочно мог определить в аппарате ЦК бывших комсомольских работников по тому, как они садились и выходили из машины. Такую непринужденность и автоматизм навыков можно было приобрести только в молодости».

Если с юности поднаторел в составлении звонких лозунгов, организовывал «группы скандирования», отчитывался «наверх» о массовой посещаемости несуществующей системы политучебы, переписывал текущий доклад с прошлогоднего, то какие качества ему были нужны? Если долгие годы занимался «выколачиванием» плана, в роли бдительного куратора присутствовал на партийных собраниях, то какой опыт приобретался? Аппаратных интриг? Умение лавировать, уходить от опасных решений?

В борьбе за право занять очередную ступеньку на карьерной лестнице эти кадры научились выходить победителями. А в перестроечные годы в реальной политической борьбе терпели поражение. Разумеется, и сквозь трясину чиновничьей жизни прорывались, «выламывались» из нее, как сказал бы Карл Маркс, яркие люди, прирожденные лидеры. Но много ли таких?

Провал августовского путча — это настоящая революция. Исчез ГКЧП, исчезло все — ЦК, обкомы, горкомы, райкомы!.. КГБ перестал внушать страх. И никто не пришел на помощь старой системе! Даже ее верные стражи.

В те дни любые начальники говорили и вели себя необычно — предупредительно, даже заискивающе. Они боялись! Потеряли свои кресла вожди, которые столько лет командовали народом. Еще вчера они были хозяевами страны, а сегодня — никто и ничто! Сколько руководящих кресел освободилось!

Новые чиновники были благодарны Ельцину. Они пересаживались в ЗИЛы, положенные прежде членам политбюро, ездили с машинами сопровождения, обзаводились многочисленной охраной. Откровенно наслаждались атрибутами власти.

Ельцина, ушедшего на пенсию отнюдь не под фанфары, сменил молодой Владимир Путин. Его поддержали как зримый символ обновления. Тогда многие голосовали просто за новых людей, потому что старые — причем все! — надоели. Чиновники, оставшиеся «с раньшего времени», исчерпали свой ресурс. У старых ничего не вышло, пусть другие попробуют… Избиратели

откликнулись на призыв голосовать за «молодых, энергичных, грамотных». К власти должны были прийти новые люди, которые в представлении многих наших сограждан лучше знают, как устроен современный мир и как надо действовать.

Но проходят годы. Система формируется и застывает. Молодые когда-то чиновники достигают пенсионного возраста. Уходить не собираются — в соответствии с традиционными ценностями. А каковы традиции отечественного аппарата?

Полная преданность — хотя бы на словах.

«Когда лидеры страны на пути к успеху или на вершине власти, их окружает льстивый хор приближенных и стремящихся приблизиться, — писал Наиль Биккенин. — Наблюдая поведение некоторых у подножия трона, я как-то в сердцах проронил: если бы это видели их женщины, неужели они могли бы отдаться так суетящимся мужчинам!»

Воля вождя претворяется в жизнь немедленно. Если подчиненные точно знают, что он проверит, исполнено ли… Остальные указания повисают в воздухе, самое невинное поручение пытаются спихнуть на кого-то другого. Отсутствие инициативы и самостоятельности возведено в принцип государственного управления: ничего не решать без вождя!

В результате кресла занимают чиновники, которых в иной системе сочли бы серыми и невыразительными. Они гордо именуют себя государственниками, призванными навести в стране порядок. Но не забывают о себе. Почему, например, бесполезно добиваться отмены спецсигналов на автотранспорте высших чиновников или отказа от системы спецполиклиник и спецбольниц? Без привилегий работа в аппарате представляется бессмысленной! Принадлежность к власти должна быть зримой и завидной, это крайне важно для самоощущения чиновника.

Чиновники, достигшие вершины власти, жаждут стабильности, то есть покоя и комфорта. И несменяемости! Поначалу еще существовали официальные молодежные организации, которые обещали своим активистам карьерный рост. И кто-то даже пробился… А теперь и комсомола нет. Амбициозные молодые люди выстраиваются у подножия карьерной лестницы. Но кадровый лифт остановлен. И ожидающие своей очереди толкутся у подножия олимпа.

Относительно неприкасаемых

Единственное, что сулит надежду на продвижение, — это периодически проводимые чистки кланов.

Назначенный при Андропове министром внутренних дел генерал армии Виталий Васильевич Федорчук распорядился составить списки тех, чьи родственники служат в системе МВД. Если находили родственника в милиции, кадровики говорили:

— Выбирайте, кто из вас уходит из системы.

Федорчук безжалостно изгонял людей из органов и уволил в общей сложности чуть ли не девяносто тысяч человек. За глаза его именовали «чистильщиком». Милиция стонала. На руководителей МВД пришло тридцать тысяч жалоб.

Федорчук и его помощники закрыли важные аналитические службы, отказались от профилактики преступлений. В Главном управлении уголовного розыска сменили все руководство, всех начальников отделов, разогнали лучших сыщиков страны, которые работали в группе старших инспекторов по особо важным делам. Группу просто ликвидировали. Двое розыскников высшего класса покончили с собой — после беседы с новыми руководителями управления кадров МВД. В таких случаях полагается проводить расследование. В министерстве решили расследование не проводить.

Министр Федорчук, вспоминал начальник Главного управления уголовного розыска профессор генерал-лейтенант Игорь Иванович Карпец, сформировал комиссию, которой поручил изъять из ведомственных библиотек книги и брошюры, написанные теми, кто попал в черный список. Книги было приказано сжечь…

Многолетний министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко радел родным людям. Его дочь Эмилия вышла замуж за профессора МГИМО Александра Сергеевича Пирадова. Для него это был третий брак. Первой его женой была дочь Серго Орджоникидзе. Пирадов быстро получил ранг посла и уехал в Париж представителем в ЮНЕСКО, чудесное место для умеющих получать удовольствие от жизни.

Сын Громыко Анатолий, внешне очень похожий на отца, захотел попробовать себя в дипломатии. В молодом возрасте он стал советником-посланником (второй человек в дипломатическом представительстве) в США, затем советником-посланником в посольстве ГДР. Но научная карьера казалась более надежной — он стал директором академического Института Африки, член-корреспондентом Академии наук СССР,

получил Государственную премию СССР. Его старший сын, Игорь Громыко, после МГИМО тоже работал в МИД под руководством дедушки.

Другим это было запрещено — трудиться под началом прямых родственников. И за этим строго следили. На сек ретариате ЦК, когда заместителем министра иностранных дел утверждали бывшего секретаря московского горкома комсомола Виктора Федоровича Стукалина, Суслов недовольно спросил:

— Вы родственник того Стукалина?

Борис Иванович Стукалин был тогда председателем Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Услышав отрицательный ответ, Суслов успокоился и подписал решение.

В годы перестройки в Министерстве иностранных дел устроили кампанию борьбы с семейственностью. Если в МИД работали отец и сын, кого-то одного просили уйти. Это была идея секретаря ЦК Егора Кузьмича Лигачева, ведавшего партийным аппаратом страны. Он и прислал в министерство нового заместителя по кадрам — Вален тина Михайловича Никифорова, тот получил указание брать в МИД побольше детей рабочих и крестьян, а также партийно-комсомольских активистов.

Чистки часто проводятся под видом очищения аппарата от коррупционеров. Так Сталин заменил свое чекистское окружение: за финансовые упущения — продукты, выделяемые для политбюро, нагло разворовывались многочисленной челядью — снял с должности начальника главного управления охраны Министерства госбезопасности генерал-лейтенанта Николая Сидоровича Власика, своего верного слугу.

В Новом Афоне, когда Сталин обедал с Берией, им принесли молодое вино. Вождь распорядился хранить вино при температуре не ниже 13–15 градусов, а его переохладили.

«Обслуга подала на стол злополучное вино, не проверив температуру, — с ужасом вспоминал начальник главного управления охраны Министерства госбезопасности генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик. — Все это крайне возмутило т. Сталина, и он справедливо выразил нам свое недоверие. Т. Сталин никак не мог успокоиться… Не знаю, как выдержало сердце, думал, что потеряю сознание. После этого инцидента я не спал трое суток».

Собачья преданность вождю не мешала Власику пить и гулять за казенный счет. Генерал привозил на правительственные дачи веселых женщин. Случалось, прямо за обеденным столом устраивал стрельбу — по хрустальным бокалам. Обарахлился трофейным имуществом — собрал четырнадцать фотоаппаратов,

золотые часы, кольца, драгоценности, ковры, хрусталь в невероятных количествах. В голодающей, разрушенной войной стране развращенная и обнаглевшая бесконтрольная челядь вождя устроила себе красивую жизнь.

Подражали хозяину. В самые трудные послевоенные годы Сталин распорядился построить ему новые резиденции для отдыха — под Сухуми, возле Нового Афона, на Валдае и на озере Рица. Не смущало, что страна разрушена, голодает и эти бюджетные деньги можно было использовать на строительство больниц или школ.

Светлана Аллилуева писала об отце:

«Не знал ни счета современным деньгам, ни вообще сколько что стоит. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было тратить. Его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — все это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление в системе МГБ, а там своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили… Он и сам это не знал. Иногда набрасывался на своих комендантов и генералов из охраны, на Власика с бранью: «Дармоеды! Наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!»

Зная, что челядь в генеральских мундирах постоянно мухлюет, вождь пугал Власика и его подручных:

— Спросите англичан, американцев. Им никогда не удавалось меня обмануть, а ведь среди них были серьезные противники. А вы беретесь меня одурачить!

Что не помешало Сталину в сентябре 1947 года подписать огромную смету финансирования строительства своей новой дачи на озере Рица.

Сталин раздражался, что строительство и ремонт резиденций идут медленно. Генерал Власик записал в дневнике, как в сентябре 1948 года, отправляясь на отдых в Крым, вождь его распекал: почему только летом занялись ремонтом госдачи № 5 (бывший дворец Юсупова), почему на госдаче № 2 (бывший дворец Воронцова) в бассейне нет морской воды…

Но Сталин снял Власика с должности и велел его посадить по другой причине: бывшего начальника охраны вождя обвинили в том, что в его окружении были американские шпионы, которым он раскрыл систему сталинской охраны.

Вожди и себя не обижали, и с пониманием относились к мелким слабостям свиты.

Щелоков привел на прием к генсеку Брежневу всю коллегию МВД. Леонид Ильич протянул руку Щелокову, расцеловался со своим зятем — первым заместителем министра Юрием Чурбановым, спросил:

— Ну, как дела? С чем пришли? Рассказывайте.

Щелоков доложил:

— Леонид Ильич, мы хотели бы вам доложить, как у нас организована работа, как обстоит дело с преступностью и как мы вам благодарны за ваше внимание, за то, что вы нашли время принять нас! Но сначала мы хотели бы преподнести вам сувенир.

Хозяйственное управление министерства приобрело охотничье ружье с инкрустациями — подарок генеральному. Министр положил на стол деревянный чехол, в котором на бархатной подкладке лежало ружье. У Брежнева, по словам начальника уголовного розыска страны Игоря Карпеца, заблестели глаза. Он сказал:

— Давай!

Все остальное время он рассматривал ружье. Щелоков заговорил было о работе министерства, но генеральный секретарь слушал невнимательно и ни о чем не спросил.

Коррупция принимает широчайший характер, когда жизнь человека зависит от воли чиновников. Сегодня размер тогдашних взяток кажется смехотворным, так ведь и уровень жизни был иным.

Министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева, по словам певицы Галины Павловны Вишневской, охотно принимала подношения от артистов:

«Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов — весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день. Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

— Спасибо…»

Начальник московского управления госбезопасности Виктор Иванович Алидин вспоминал, что по делу о коррупции проходил министр рыбного хозяйства Александр Акимович Ишков, кандидат в члены ЦК, депутат Верховного Совета СССР.

Генерал Алидин доложил председателю КГБ Андропову: по материалам следствия выходит, что рыбный министр набрал взяток на двадцать три тысячи рублей. Андропов, подумав, сказал:

— Хорошо, я доложу Леониду Ильичу, но знаю, что для него это будет тяжелым известием.

Через некоторое время Андропов позвонил Алидину и сказал,

что материалы на Ишкова доложил генеральному секретарю:

— Но Брежнев считает, что поскольку министр — кандидат в члены ЦК, то до съезда вопрос о нем решаться не будет. Неудобно получится. Словом, Леонид Ильич посоветовал мне его вызвать и поговорить.

Вскоре Андропов вновь соединился с Алидиным. Ишков признал, что брал деньги, но считал их подарками. Министр заявил о готовности всю сумму внести в доход государства, что и сделал.

— Мало он внес, Юрий Владимирович, — сказал Алидин. — Следствием установлено, что за ним еще взяток на сумму в двадцать девять тысяч рублей.

Не возражая, Ишков внес и эту сумму. В феврале 1979 года его отправили на пенсию. Но он оставался кандидатом в члены ЦК и депутатом и после смерти был с почетом похоронен на Новодевичьем кладбище.

В первых числах января 1981 года в Завидово шла работа над отчетным докладом ЦК XXVI съезду КПСС. За длинным столом устроилась обычная бригада — помощники генсека, сотрудники отделов ЦК, доверенные журналисты. Проект доклада читали вслух. Сам Брежнев в шерстяном полуспортивном костюме устроился с края. Перед ним лежал текст, отпечатанный на специальной мелованной бумаге крупным шрифтом.

В проекте доклада упоминалась коррупция в здравоохранении. Брежнев недоверчиво переспросил:

— Неужели это правда? Неужели до этого докатились?

Присутствующие подтвердили, что дело обстоит именно так. Помощник по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов добавил:

— Знаете, Леонид Ильич, даже в нашей больнице для начальства, в ЦКБ, есть твердо установленная такса — сколько за какую операцию давать «на лапу».

Брежнев удивленно покачал головой. В окончательный текст этот пассаж не вошел. Вычеркнули. Леонид Ильич не хотел разговоров на сей счет: зачем огорчать людей? Борьбу с коррупцией затевали в исключительных случаях.

Офицеров КГБ первыми секретарями ЦК республик и первыми секретарями обкомов не делали. Генерала госбезопасности Гейдара Алиевича Алиева поставили во главе Азербайджана, потому что невероятно распространившаяся в республике коррупция угрожала столь высоко ценимой стабильности.

«На встречах люди говорили мне о взяточничестве высших чиновников, — вспоминал присланный из Москвы второй

секретарь ЦК компартии Азербайджана. — Как реагировать? У нас, секретарей ЦК, зарплаты одинаковые. У меня детей двое, у них по пять-шесть, а размах жизни куда богаче. Видно было, кто из какого кармана какие деньги доставал, какие машины заводил».

Гейдар Алиев провел массовую чистку кадров, снял с работы около двух тысяч чиновников. Часть из них была арестована. «Борьба с коррупцией, — вспоминал один из бакинских партработников, — придала на какое-то время утраченную моральную привлекательность начинавшей хиреть партийной власти».

В Баку со всей страны устремились изучать республиканский опыт. Но восхищались только те, кто приезжал в Азербайджан на экскурсию. Масштабы коррупции в республике не уменьшились. Произошла смена республиканских элит. Важнейшие должности и доступ к казне перешли к другому клану. А новое руководство желало так же наслаждаться жизнью, как и прежнее.

А в Узбекистане борьбу с коррупцией поручили не своим, а приезжим. Потому вскрылась картина тотального взяточничества в партийно-государственном аппарате. Система поборов — от республиканского ЦК до сельских райкомов. Нижестоящие тащили деньги вышестоящим. Вышестоящие брали, чтобы передать еще выше. Но и себя не забывали. В такой атмосфере должности, звания, ордена и даже «Золотые Звезды» Героя Социалистического Труда тоже превращались в товар — они продавались.

Государству ежегодно «продавали» около шестисот тысяч тонн несуществующего хлопка — таким образом из казны крали сотни миллионов рублей. На эти деньги узбекская элита вела сладкую жизнь и охотно делилась краденым с московскими начальниками. Местные партийные руководители установили полуфеодальный режим, распоряжаясь крестьянами как рабами. Милиция и прокуратура были ручными. У местных руководителей — по нескольку домов и машин. Многие воздвигли себе настоящие особняки. А в Ташкенте полмиллиона жителей — в землянках без водопровода и канализации…

Процветала не столько система взяток, когда деньги вручаются за конкретную услугу, а своего рода бартер. Люди, сидящие у кормушек, обменивались, кто чем владеет, и делились с сильными мира сего и просто с важными и полезными людьми. То же самое происходило и в других регионах страны.

А вот директора столичного гастронома № 1 («Елисеевский») Юрия Константиновича Соколова Верховный суд РСФСР приговорил 11 ноября 1983 года к расстрелу. Невиданно суровый

приговор был воспринят как политический: хотели скомпрометировать хозяина Москвы.

Тогда ходили слухи, что на пост генерального секретаря — после Брежнева — претендует член политбюро и первый секретарь московского горкома Виктор Гришин. У него были свои сторонники, которые верили в звезду своего шефа.

Занимались директором «Елисеевского» следователи управления КГБ по Москве и Московской области. Следователи предлагали ему назвать всех, с кем он делился, кому раздавал дефицитные продукты. Соколов не подозревал, что его ждет расстрел, и помог следствию. Посадили несколько сот торговых работников, в том числе начальника Главного управления торговли Мосгорисполкома Николая Петровича Трегубова. О деле Соколова стало известно всему городу. Поползли слухи о том, что арест директора гастронома № 1 — начало борьбы с коррупцией в высших эшелонах, что уже идут обыски у сильных мира сего и находят миллионы. Словом, Андропов действует!..

Правда, возникает вопрос: отчего такие показательные процессы не устроили в областях, где ситуация была много хуже, чем в Москве? Где людям вовсе нечего было есть — они каждую субботу приезжали в столицу за колбасой? Ответ напрашивается: тамошние партийные секретари не были соперниками Юрию Владимировичу.

Андропов, став главой партии, вызвал секретаря парткома аппарата ЦК и поинтересовался, с каких сумм высшие чиновники платят взносы? Выяснилось, что аппаратчики неплохо зарабатывают, публикуя статьи и книги, сочиняя сценарии и внутренние рецензии, нанимаясь консультантами фильмов, художественных и документальных. Андропов велел это прекратить. Он также поинтересовался, кто из сотрудников ЦК состоит в дачном кооперативе? Работникам центрального аппарата запретили обзаводиться дачами.

Наполнить прилавки или вообще улучшить жизнь генсек не мог. Потому железным голосом, в котором один из его подчиненных услышал «сталинский металл», обещал навести порядок и покончить с коррупционерами. Всем понравилось. Ничего, что в магазинах пусто. Зато кого-то из начальников посадят. Что еще может доставить такое удовольствие! Как показывает исторический опыт, борьба с коррупцией, как правило, — это или устранение конкурентов, или борьба за популярность.

Ныне конкуренты или недоброжелатели предают гласности отдельные элементы неприглядного бытия высшего чиновничества. Как правило, последствий это не имеет. Среди

привилегий — полная безнаказанность. О чем свидетельствует хотя бы счастливое избавление от ответственности родственников высших чиновников, которые попадают в дорожно-транспортные происшествия.

Среди нашей политической элиты не действуют элементарные принципы. Обещал — выполни, обманул — признайся, что-то сделал неправильно — извинись. В политике, конечно, главное интересы, но мораль и порядочность тоже многое значат. Если ты будешь надувать, то и тебя обманут. Так и существуем: один этаж обманывает другой — и наоборот. Только одни считают копейки, а другие миллионы…

Законы барской любви

Начальник военной контрразведки генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов и первый заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Иван Александрович Серов ненавидели друг друга. Сталин поделил Лубянку на два конкурирующих ведомства. Между госбезопасностью и органами внутренних дел развернулась борьба не на жизнь, а на смерть.

Абакумов, который в войну и сразу после войны был у Сталина в фаворе, жаловался в политбюро: «Тов. Серов известен своими провокационными выходками и склоками, которые он иногда допускает, поэтому пора положить конец этому и предупредить его».

Абакумов писал Сталину, что Серов возит из Германии барахло вагонами, что «Звезду» Героя Советского Союза маршал Жуков дал ему по дружбе. Обычно такие доносы ломали карьеры. Но Сталин ценил Серова, и его не тронули.

Серов не оставался в долгу и доносил Сталину: «Операция министерства государственной безопасности по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам».

Серов составил обширную жалобу на военных контрразведчиков в оккупированной Германии — подчиненных Абакумова: «Пьяные работники «Смерш» поехали в поле близ г. Галле приводить в исполнение приговоры Военного Трибунала. Спьяну трупы были зарыты настолько небрежно, что наутро проходящие по дороге около этого места немцы увидели торчащими из земли две руки и голову. Затем они разрыли трупы, увидели в затылках у трупов пробоины, собрали свидетелей и пошли заявить в местную полицию. Нами были приняты срочные меры».

Серов и Абакумов вели между собой настоящую войну. Абакумов, став министром госбезопасности, собирал на Серова материалы, велел организовать за ним слежку. Серов обратился к Сталину с личным письмом:

«Я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов. Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счеты не только со мной. Опасаются и другие честные товарищи.

Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше

скомпрометировать органы МВД. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память Ленина, а проводили раздельно и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание. Абакумов навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями».

И что же? Какова реакция вождя? Его очень даже устраивала конкуренция двух силовых ведомств. Он побаивался излишнего укрепления одного из них. И был доволен вендеттой двух генералов. Следил за тем, чтобы один не съел другого и чтобы Серов и Абакумов продолжали доносить друг на друга.

В жестко выстроенном обществе нет места политической борьбе. Зато его раздирают внутриведомственные баталии. Это борьба за влияние и ресурсы.

Продажей советской литературы за рубежом занималось объединение «Международная книга», входившее в Министерство внешней торговли. Борис Стукалин, председатель Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, резонно ставил вопрос о передаче «Межкниги» в его ведомство.

В долгой беседе с министром внешней торговли Николаем Патоличевым приводил все новые и новые аргументы в поддержку своей позиции. Когда Патоличеву, опытнейшему чиновнику, познавшему всю механику работы аппарата, возразить уже было нечего, он признался:

— Ты, наверное, прав. Но вот что я тебе скажу — министерство, у которого что-то отбирают, идет не в гору, а под гору. Поэтому я тебе «Межкнигу» не отдам!

Ведомственный интерес берет верх над государственным. Это хозяина не смущает. Ему важно оставаться единственным арбитром, к которому вынуждены апеллировать даже высшие чиновники государства. И ему нужно, чтобы все ощущали свою уязвимость. Карать и миловать вправе только он один.

Член политбюро и первый заместитель главы правительства Николай Вознесенский докладывал Сталину реальную ситуацию в экономике страны, ничего не пытался скрыть. А это вождь ценил. Он не любил, когда от него что-то утаивают.

— Чем Вознесенский отличается в положительную сторону от других заведующих? — «Заведующими» Сталин иронически именовал членов политбюро, курировавших деятельность

нескольких подведомственных министерств. — Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. А Вознесенский, если не согласен, входит ко мне с возражениями, с разногласиями. Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле. Вот почему я предпочитаю их согласованиям возражения Вознесенского…

Впрочем, в конце концов Сталин расстрелял и Вознесенского.

Хозяина очень даже устраивают подчиненные с подмоченной репутацией, которыми управляет страх перед разоблачением, посему они превращаются в лакеев, готовых исполнить любое поручение. И он следит, чтобы запас компромата постоянно пополнялся.

За две недели до того, как нарком внутренних дел Николай Ежов лишился своей должности (а скоро лишится и жизни), Сталин заставил его своей рукой написать, на кого из крупных работников, прежде всего членов политбюро, в НКВД есть доносы, кто в чем обвиняется и подозревается. Получился довольно большой список. Не на машинке отпечатанный — это можно подделать, а рукописный. Этот документ Сталин хранил в своем архиве до самой смерти.

После поездки члена политбюро по стране в госбезопасность поступал рапорт. В нем описано все, в том числе такие интимные детали, которые легко могли стать поводом для освобождения от работы. Партийные руководители тоже люди: вдали от семьи и бдительного ока коллег, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо все фиксировали и докладывали начальству.

В этих доносах на членов политбюро не было ничего особенного: аккуратно записанные сомнительные, двусмысленные высказывания. Но важно не содержание, а сам факт наличия такого документа. При необходимости он легко обрастал другими такими же доносами и показаниями уже арестованных.

В кругу сильных мира сего забота о собственном материальном благополучии и обустройстве семьи считается вполне разумным делом. Нормы, обязательные для других граждан, на высших чиновников не распространяются.

Ядгар Насриддинова, выпускница Ташкентского института железнодорожного транспорта, пошла в родном Узбекистане по комсомольской линии. Добралась почти до олимпа. Ее перевели в столицу председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Но по Москве быстро распространились нехорошие

слухи — и настолько широко, что Насриддинову пришлось убрать с заметной должности.

Не желая обижать, ее назначили заместителем министра промышленности строительных материалов. И только в перестроечные годы возбудили уголовное дело. Предъявили обвинение — получение взяток и злоупотребление служебным положением. Взятки и вообще уголовщина — сами по себе вовсе не причина лишать высокого поста.

Многолетний хозяин Краснодара Сергей Федорович Медунов потерял должность только потому, что куда более влиятельный аппаратчик возмутился масштабом коррупции и воровства в крае. Хотя Медунов пользовался покровительством хозяина страны!

Когда Брежнев, старея, стал вспоминать свои военные годы, больше всех выиграл Медунов. Знаменитая «Малая земля», где воевал полковник Брежнев, находилась на территории Медунова. Первый секретарь крайкома позаботился о том, чтобы подвиг Брежнева был достойно увековечен. Леонид Ильич приехал в Новороссийск, растрогался, обнял первого секретаря.

Но ситуация в крае была такова, что Медуновым занялись чекисты; разработку санкционировал председатель КГБ Юрий Андропов.

«Андропову, — писал бывший второй секретарь Ставропольского крайкома Виктор Алексеевич Казначеев, — сообщили о валютных операциях Медунова по продаже за границу черной икры и других незаконных действиях краснодарцев на многие миллионы долларов, коррупции в торговле и иных сферах народного хозяйства».

Один за другим партийные работники оказались под следствием. Близкого к Медунову секретаря крайкома Тараду посадили.

«В крайкоме с согласия Медунова была создана четкая система подарков, — рассказывал на следствии бывший секретарь крайкома Анатолий Георгиевич Тарада. — Подарки и продукты вручались ответственным лицам в Москве, на отдыхе — в Сочи, Геленджике, при приезде в край. Я принимал участие в сборе подарков».

Анатолий Тарада получал деньги за то, что прикрывал существовавшую в крае теневую экономику, в основном подпольные цеха, которые гнали «левую» продукцию. Благодарные «цеховики» передавали ему деньги, а он делился с остальными. Говорят, что на следствии Тарада обещал назвать все имена, но в ту же ночь умер в камере.

В марте 1982 года Комитет партийного контроля отправил в секретариат ЦК записку «О многочисленных фактах

взяточничества среди руководящих работников Краснодарского края». Ее не стали рассматривать, вернули для проверки. Все подтвердилось. В конце мая записка в обновленном варианте вновь поступила в секретариат ЦК.

Брежнев не хотел обижать Медунова. Выслушав председателя КГБ, Леонид Ильич спросил:

— Что же делать?

— Возбуждать уголовное дело, — предложил Андропов, — Медунова арестовать и судить.

— Юра, этого делать нельзя, — отрезал Брежнев. — Он руководитель большой партийной организации, люди за ним шли, верили ему, а теперь его под суд?

Но в мае Андропов стал фактически вторым человеком в партийном аппарате. И он получил у Брежнева согласие переместить Медунова на менее видную работу — был такой эвфемизм в партийной канцелярии. Само по себе смещение любимца Брежнева показало аппаратную силу Андропова в тот момент, когда он готовился принять на себя руководство всей страной.

Есть еще одна реальная причина расстаться с подчиненным. Если скандал вокруг него становится широко известен. Особенно за границей. Начальникам не нужны подчиненные, которые создают проблемы. И не в состоянии сами с ними справиться!

В начале семидесятых обратил на себя внимание секретарь московского горкома по идеологии Владимир Николаевич Ягодкин — жесткими, нетерпимыми, ретроградными выступлениями. Люди, хорошо его знавшие, уверяли, что жесткость и нетерпимость — следствие нездоровья. Постоянные болезни усугубляли негативное восприятие окружающего мира. Он выискивал всяческую крамолу. Устроил чистку двух академических институтов — философии и экономики. Разогнал редколлегию журнала «Вопросы философии», где в начале семидесятых работали крупные ученые. Возмущался любым произведением литературы, где мог заподозрить критику Сталина. Разносил замечательные романы Федора Александровича Абрамова о трудной жизни послевоенной деревни, заявлял с обидой:

— Там говорится о том, что снято жизнью.

Ягодкин стал кандидатом в члены ЦК, депутатом Верховного Совета РСФСР. Почувствовал свою силу. Ему прочили большое будущее. Пошли разговоры о том, что Ягодкина вот-вот сделают секретарем ЦК КПСС по идеологии.

Но он сам себя погубил. Он постоянно ставил в пример центральному комитету постановку идеологической работы в

московском горкоме, чем нажил себе недоброжелателей. Получалось, что он один такой принципиальный работник, а в аппарате ЦК — одни либералы и ревизионисты. Он так неустанно выискивал врагов, что вызвал недовольство высшего руководства, которому вовсе не хотелось, чтобы врагов было так много, это подрывало важнейший тезис о морально-политическом единстве народа.

Заместитель главного редактора теоретического журнала партии «Коммунист» Владимир Владимирович Платковский, выступая с лекцией на тему об идеологической борьбе, заявил, что в партии существует ревизионизм. Поднялся шум. Первому секретарю московского горкома партии Виктору Васильевичу Гришину доложили: Платковский опровергает Брежнева. Ведь генеральный секретарь сказал, что все фракционные течения внутри партии окончательно изжиты…

Дело разбиралось на бюро горкома. Платковскому даже не дали оправдаться. Хозяин Москвы резко его оборвал:

— Кто дал вам право сеять раздор в партии?

Платковский умоляюще повторял:

— Товарищ Гришин, товариш Гришин…

А тот говорил металлическим голосом:

— Вы хотите сказать, что мы переоцениваем монолитность партии?

Платковский тут же был отправлен на пенсию…

15 сентября 1974 года несколько художников, которых именовали авангардистами, устроили вернисаж на московском пустыре. Авангардисты воспринимались идеологическим аппаратом как агенты врага. Живописцев разогнали, пустив в ход бульдозеры. Пострадали приглашенные на выставку иностранные корреспонденты. Европейские коммунистические партии запротестовали: Советский Союз, давящий бульдозерами неофициальное искусство, компрометирует социализм!

Помощник генерального по международным делам Александр Александров-Агентов обратился к Брежневу: «Кому все это нужно? Зачем это было делать? Неужели идеологические работники Московского горкома и наша милиция не понимают, что борьба с неприемлемыми для нас направлениями в искусстве не может проводиться с помощью милиционеров, брандспойтов и бульдозеров? Ведь это компрометирует СССР как государство и ленинскую политику в области культуры».

Брежнев согласился с мнением своего помощника: «Сделано не только неуклюже, но и неправильно».

Но другие высокопоставленные товарищи считали, что интеллигенцию непозволительно распустили. Секретарем ЦК по

идеологии сделали Михаила Васильевича Зимянина. Он позволил себе распекать главного режиссера Театра на Таганке Юрия Петровича Любимова:

— Ваш спившийся подонок Высоцкий — ну подумаешь, имел какой-то талантишко, да и тот пропил, несколько песенок сочинил и возомнил.

— Он умер, — напомнил Любимов, — нехорошо так о покойном, зачем так кричать, товарищ секретарь, а при ваших чинах это даже неприлично.

— Вы у меня договоритесь! — обещал Зимянин. — Все ваше окружение антисоветское!

— Ну, раз все антисоветчики, один вы советчик, то посоветуйте хоть что-нибудь. — Любимов не терял хладнокровия.

— Ах, вы еще это, шутить, я вам дошучусь!

Георгий Лукич Смирнов, один из руководителей отдела пропаганды ЦК, заговорил с Зимяниным о том, что диссидентов сажают, высылают за границу, отправляют в психушки. Но идеи-то можно одолеть только идеями. Зимянин возмутился самой постановкой вопроса:

— Ты что же, из партии хочешь дискуссионный клуб устроить?

Мысль о дискуссиях вызывала панический ужас.

Люди, понимавшие гибельность интеллектуального оскудения общественной жизни, пытались что-то предпринять. Сложилась группа партийных интеллектуалов, которая годами работала на Брежнева, писала ему речи и статьи. Эта группа старалась воздействовать на генерального секретаря, который чуть поддавался, потому что уважал умных и талантливых людей. Но поддавался чуть-чуть, потому что не хотел ссориться с аппаратной массой. Чутье у Брежнева было отменное.

Александр Евгеньевич Бовин, один из самых известных журналистов позднесоветского времени, вписал в проект речи генерального секретаря раздел о развитии демократии в советском обществе. Брежнев опасливо сказал:

— Чем-то буржуазным запахло. Ты, Саша, перепиши.

В декабре 1975 года во время работы над очередным партийным документом Леонид Ильич в узком кругу посетовал на то, что его не понимают некоторые коллеги. Помощник генерального по международным делам Александр Александров-Агентов заметил:

— А что вы хотите, если во главе московской идеологии сидит Ягодкин.

Другие помощники подхватили:

— Как же так, Леонид Ильич? Ведь это же чистый вред

партии, когда такой человек ее представляет. Все от него стонут. А тут он еще двуспальную передовую в «Новом мире» опубликовал — ведь если ее внимательно прочитать, ясно, что она против линии XXIV съезда в области культуры. И Ленина там нагло переврал.

Брежнев всех внимательно выслушал. А тут еще приехал вернувшийся из Рима первый заместитель заведующего международным отделом ЦК Вадим Валентинович Загладин. Он доложил Брежневу о разговоре с одним из руководителей итальянской компартии, который сказал:

— Вы утверждаете, что у вас нет оппозиции. Да у вас внутри партии оппозиция! Вот Ягодкин. Разве его позиция совпадает с линией вашего XXIV съезда?

Карьера рьяного идеолога закончилась. Ягодкина убрали из идеологического аппарата, назначив заместителем министра высшего и среднего специального образования по кадрам. А вскоре отправили на пенсию под предлогом слабого здоровья.

Сменившие его люди нисколько не были либеральнее. Просто держались осторожнее, остерегались привлекать к себе внимание.

Заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Филимонович Шауро неплохо играл на баяне и прославился тем, что практически никогда не выступал. Его крупная голова с зачесанными назад волосами на протяжении многих лет была неотъемлемым атрибутом всех торжественных собраний в Москве, посвященных культурным мероприятиям. Но никто не мог припомнить, чтобы он хотя бы раз что-то сказал.

Он всеми силами избегал необходимости высказать мнение. Выразить свое отношение. Оценить. Сказать «да» или «нет», если ему не было известно мнение высшего начальства. Предпочитал молчать. Шауро был настолько незаметен, что ему позволили руководить культурой великой страны два десятилетия. Идеальный подчиненный.

Глава восьмая. Правила престолонаследия

Властители всегда хотят, чтобы именно их наследники правили страной. Но почему этого желают подданные?

Люди покупают «Столичную», твердо зная, какого качества товар они получат. Избиратели ведут себя, как обычные покупатели в универсальном магазине: они ищут надежную торговую марку, зная, чего от нее ждать. А может быть, все проще? И стремление усадить на трон царского сына — всего лишь выражение древнего стремления человека иметь над собой сильного вождя? Прогресс рода человеческого ощутим, но не настолько.

Есть ли польза от завещаний?

23 января 1924 года тело умершего Ленина положили в гроб. На руках гроб вынесли из дома в Горках, где в бывшем имении московского градоначальника он провел последние годы, и доставили на станцию Герасимово. Спецпоезд прибыл в Москву на Павелецкий вокзал. Отсюда — и тоже на руках — тело донесли до Колонного зала Дома союзов. 27 января гроб отнесли на Красную площадь.

Пока шло прощание с Лениным, советские руководители поспешно отказывались от его наследства. 30 января 1924 года комиссия по организации похорон вождя рассмотрела вопрос «О запрещении тов. Дзержинским распространения «Завещания Ленина».

Комиссия горячо одобрила решение главного чекиста: «Запрещение подтвердить». Партийные чиновники публично клялись в верности усопшему вождю, но его воля, выраженная им столь ясно и недвусмысленно, уже ничего для них не значила.

Политическим завещанием первого руководителя Советской России принято считать его знаменитое «Письмо к съезду», которое он начал диктовать 23 декабря 1922 года. Но Ленин не оставлял завещаний! «Письмо к съезду», где речь шла о важнейших кадровых делах, он адресовал очередному, XII съезду партии, состоявшемуся при его жизни. Как и всякий человек, он не верил в скорую смерть, надеялся выздороветь и вернуться к работе.

«Письмо к съезду», как его ни толкуй, содержит только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека. Остальных менять не надо. Но получилось совсем не так, как желал Владимир Ильич. Сталин — единственный, кто остался на своем месте. Всех остальных он со временем уничтожил.

А само письмо Ленина стали считать «троцкистским документом», чуть ли не фальшивкой. Это характерная черта советской системы — желания вождя исполняются, лишь пока он жив и в Кремле. Поэтому нелепы разговоры о наследниках и преемниках.

Советские вожди наследников себе не готовили. Прежде всего, никто не собирался умирать. Во-вторых, сознание собственной абсолютной власти и безудержные восхваления подданных подкрепляли уверенность вождя в собственном величии. Он — гигант, рядом — пигмеи. Некому передоверить управление страной.

Еще только начиная свое президентство, Путин в разговоре в

узком кругу признался (его слова записал корреспондент «Комсомольской правды»): «Я не хотел бы никем понукать, хотел бы создать такой властный механизм, который бы работал сам. Но не выходит — вынужден всех держать в узде, чуть вожжи ослабил — и шестеренки заедает».

Начало этому положил Ленин. В «Письме к съезду» он перечислил недостатки руководителей партии, чтобы показать: ни один из них не годится в преемники… И его наследники тоже огорченно разводили руками: ну, кому доверишь страну? Некому! Приходится самому тащить тяжкий воз. Это укоренилось.

Хрущев рассказывал, как Сталин рассуждал на этот счет:

— Кого после меня назначим председателем Совета министров? Берию? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, он уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар, и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин.

Члены политбюро благоразумно молчали. Страшнее всех было самому Николаю Александровичу Булганину…

Сталин ловко манипулировал своей гвардией, периодически пугая соратников отставкой. На первом, организационном пленуме ЦК после XIX съезда партии в октябре 1952 года Сталин сказал:

— Я уже стар. Надо на отдых. Меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Но кто из членов ЦК рискнул бы сказать вождю: уходи? Страшно! Второй человек в партии Георгий Маленков поспешно спустился к трибуне:

— Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Началась овация и крики:

— Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Поднялся маршал Семен Константинович Тимошенко, бывший нарком обороны:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем. Иного решения быть не может.

Зал стоя аплодировал. Сталин долго смотрел в зал, потом махнул рукой:

— Ну ладно, пусть будет Сталин.

Упросили. Такие спектакли вожди устраивали всю жизнь,

регулярно проверяя своих подручных. И все знали, как правильно отвечать.

Однажды Брежнев сказал, что ему, наверное, пора на пенсию.

— Что ты, Леня! Ты нам нужен, как знамя. За тобой идет народ. Ты должен остаться, — твердили члены политбюро, повторяя, что надо генеральному секретарю создать максимально комфортные условия для работы, чтобы он больше отдыхал.

И Брежнев великодушно согласился остаться. Это был скорее пробный шар. Он хотел посмотреть, кто поддержит идею насчет пенсии. Но в политбюро люди были опытные, тертые, никто промашки не допустил.

Незадолго до смерти Константин Черненко позвонил министру иностранных дел Андрею Громыко:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо. Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку. Советуюсь с тобой…

Громыко не хотел рисковать:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешить? — переспросил с надеждой в слабеющем голосе Константин Устинович.

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно.

Многие годы имена Сталина и Молотова были неразделимы. Страна и мир воспринимали Молотова как ближайшего соратника и очевидного наследника вождя. Но Сталин не нуждался в наследнике! И сделал все, чтобы сокрушить репутацию Молотова: отобрал у него кресло председателя Совета министров, скомпрометировал, посадил его жену. Писатель Константин Михайлович Симонов, близкий в ту пору к высшему руководству страны, понимал, что делает вождь: «Сталин бил по представлению о том, что Молотов — самый твердый, самый несгибаемый последователь Сталина. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников».

Брежнев, заболев, наверняка лишился бы власти, если бы не успел очистить политический небосклон от вероятных соперников и недоброжелателей. Надежно обезопасил себя. Убрал всех, кто мог составить ему конкуренцию. Оставшиеся в политбюро были либо очень престарелыми людьми, либо даже сами понимали, что ни на что не могут претендовать.

Иван Капитонов, многолетний секретарь ЦК по кадрам, чуть ли не в единственном после ухода на пенсию интервью рассказал:

— Я думаю, люди у власти мало меняются. Психология одна и та же — устранить того, кто метит на твое место…

Рассуждения о том, что телевидение утратило способность определять настроения в стране, и о том, что политические ток-шоу надоели, поскольку одни и те же лица бесконечно жуют одни и те же темы, не принимают в расчет реальность.

Есть зрители, которые бесконечно верят в силу телевидения и которые в нем нуждаются. Телевидение не только вновь и вновь, каждодневно — если не ежечасно — подтверждает правоту представлений наших вождей о жизни, их взглядов на мир и на человеческую природу, но и придает им сил, вдохновляет и подбадривает.

Только непосвященные верят, будто разведывательные сводки или столько же секретные телеграммы послов формируют картину мира для наших вождей. Или что общение с людьми и поездки по стране помогают держать руку на пульсе, знать и понимать, о чем думают и чего желают люди.

На самом деле эта функция закреплена за телевизором. И он вполне справляется со своей задачей. Как современная кофемашина, как чудо-аппарат, готовящий чашку любимого напитка — на любой вкус. Какую кнопку нажал, такой напиток и получишь. Что попросил произнести с экрана, то и звучит. Но это не ты говоришь, это другие люди — с горящими глазами, с пылом, с жаром, с пеной у рта — декларируют именно то, что и хотелось бы услышать. Становится ясно: такова воля народа! Именно это нужно людям! Это вдохновляет. Практическому политику одобрение необходимо каждодневно. Поэтому вожди не устают от голубого экрана.

Преемники и сменщики

Когда в первые мартовские дни 1953 года врачи дали понять, что вождь безнадежен, его соратники пошли в сталинский кабинет в Кремле. Поговаривали, будто они искали черную тетрадь, куда усопший вождь записал нечто важное — политическое завещание.

Гадали, кого же престарелый вождь прочит на свое место?

Некоторые литераторы уверяют, что перед смертью Сталин хотел назвать своего наследника, да не успел. Но имена почему-то возникают разные.

Министр сельского хозяйства Иван Бенедиктов уверял, что вождь хотел передать дела Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко, недавнему руководителю Белоруссии: «Документ о назначении Пономаренко председателем Совета министров завизировали несколько членов политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли».

Но кроме самого Бенедиктова никто не смог подтвердить желание Сталина сделать Пономаренко главой правительства. Документы такие не найдены.

Пономаренко запомнился рассказом о посещении дачи вождя:

— По ходу застолья отошел что-то положить в тарелку, вернулся и чувствую, что сел в нечто мягкое и скользкое. Обомлел, не шевелюсь. Все уже курят на террасе, а я остался за столом один.

Его позвал Сталин. Пономаренко робко объяснил:

— Я во что-то сел.

Сталин взял его за локоть и поднял. Позвал Берию:

— Когда ты кончишь свои дурацкие шутки? Зачем подложил Пономаренко торт?

Судя по тому, что Сталин до последнего дня приглашал Берию к себе на дачу, его шутки очень даже развлекали вождя. Но мог ли он видеть испачканного тортом Пономаренко на своем месте?..

Одно время он, похоже, строил планы относительно младшего сына — Василия. Боевой летчик, генерал. Но Василий Сталин не вынес этой тяжкой ноши — быть сыном великого вождя. Слишком большие надежды возлагались на него. И слишком быстро отец в нем разочаровался.

Он никого не мог представить в роли своего наследника. Кто был столь же велик, как он сам? Не собирался Сталин уступать кому-то свое кресло. Или умирать… Поэтому и завещание не нашли.

А если бы и назвал кого-то наследником, разве бы его волю исполнили? Он еще не успел уйти в мир иной, а его власть над соратниками закончилась. Он еще дух не испустил, а они уже распределили должности.

На похоронах вождя в марте 1953 года выделялась делегация Лубянки — члены коллегии и парткома Министерства внутренних дел с венком «И.В. Сталину от сотрудников государственной безопасности страны». Впереди процессии генералы на красных подушечках несли награды Сталина. Затем ехала машина с орудийным лафетом, на котором стоял гроб.

Но умерший вождь уже мало кого интересовал. Новые руководители, освободившиеся от Сталина, не собирались играть роль его наследников и вообще хотели, чтобы затянувшаяся панихида по вождю быстрее прекратилась.

Маленков в последние сталинские годы держал в руках весь аппарат. Его и воспринимали как законного наследника. Тогда на этот счет ни у кого не было сомнений. Об этом свидетельствовал номер партийного билета члена президиума, секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров Маленкова. У него был билет номер три. Первый выписали Ленину, второй — Сталину, третий — Георгию Максимилиановичу. Маленков считался самым близким к Сталину человеком и его законным наследником. Хрущеву достался партбилет за номером четыре.

Маленков был фактически правой рукой Сталина. Без Георгия Максимилиановича не решалось ни одно дело — ни в ЦК, ни в правительстве. Он пропускал через себя все бумаги, поэтому от него зависел и партийный аппарат, и все министры. В 1952 году на XIX съезде Маленков делал основной доклад.

Но он проиграл борьбу за власть, и хозяином страны стал Хрущев. Считалось, что Никита Сергеевич, в свою очередь, намеревался передать свое кресло Александру Шелепину, которого очень молодым сделал председателем КГБ, а потом секретарем ЦК. Дескать, поэтому предлагал Шелепину возглавить Ленинград. Работа руководителем крупнейшей Ленинградской области придала бы ему авторитета.

По словам сына Хрущева, Никита Сергеевич говорил в домашнем кругу о Шелепине:

— Жаль, а посидел бы несколько лет в Ленинграде, набил бы руку, и можно было бы его рекомендовать на место Козлова.

Фрол Романович Козлов был вторым секретарем ЦК, пока его не свалил удар. Так что Хрущев искал себе не преемника — даже отметив семидесятилетие, он был бодр и свеж. Ему нужен был надежный помощник, которому он бы перепоручил весь партийный аппарат страны.

Разговоры о том, кого прочит себе в преемники Брежнев, продолжались многие годы. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен рассказал, что в октябре 1976 года польский руководитель Эдвард Герек откровенно поделился с ним:

— Брежнев говорил со мной о своем преемнике. Хотя он еще достаточно здоров, но уже начинает подыскивать себе замену. Речь идет о Романове.

Григорий Васильевич Романов был первым секретарем ленинградского обкома. Через четыре года, в мае 1980-го, французский президент вновь встретился с Гереком в Варшаве. Герек вернулся к вопросу о преемнике Леонида Ильича:

— Намерения изменились. Брежнев больше не прочит себе в преемники Романова.

Одно время наследником считался член политбюро и секретарь ЦК по сельскому хозяйству Федор Давыдович Кулаков — сравнительно молод, динамичен и целеустремлен. В феврале 1978 года получил «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда. А в реальности его позиции в политбюро не были такими уж сильными. Напротив, его постепенно стали оттеснять от власти. В июле 1978 года Кулаков скоропостижно скончался.

Вероятным сменщиком Брежнева стали называть руководителя Белоруссии высокого и улыбчивого Петра Мироновича Машерова. Говорили, что Леонид Ильич решил перевести Машерова в Москву и для начала поставит во главе правительства — вместо Косыгина. И когда первый секретарь ЦК компартии Белоруссии погиб в октябре 1980 года под Минском в автомобильной катастрофе, пошли разговоры о том, что он пал жертвой кремлевских интриг, подковерной борьбы, когда решалось, кому быть наследником Брежнева…

А в реальности? Машеров признался жене, что о переводе в Москву с ним никогда не говорили. Вручая ему «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда, Брежнев бросил крайне обидную фразу: «Вы сложились как местный деятель». Прямым текстом напомнил: республиканский уровень — твой потолок.

Телевидение безжалостно показывало тяжелобольного человека, и страна была уверена, что Леонид Ильич уже определился с преемником. Гадали, кто он? Из уст в уста передавали рассказы о том, как секретаря ЦК по кадрам Капитонова будто бы вызвал Леонид Ильич.

— Видишь это кресло? — спросил Брежнев, указывая на свое кресло. — Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого.

Тогдашний руководитель Москвы Виктор Васильевич Гришин тоже считал хозяина Украины Владимира Васильевича

Щербицкого человеком, наиболее близким к «Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность председателя ЦК партии. Осуществить это Брежнев не успел. Недели за две до пленума ЦК он скончался».

Но это всего лишь слухи. Леонид Ильич ценил Щербицкого. Но прочил его не на свое место, а на пост главы союзного правительства. От этой должности украинский секретарь уклонился.

А вот бывший секретарь ЦК Валентин Фалин писал, что в одном из разговоров с Черненко Брежнев сказал ему:

— Костя, готовься принимать от меня дела.

«Не исключаю, — добавил Фалин, знавший толк в кремлевских интригах, — что те же слова в это же самое время слышал от него и кто-то другой. При всех дворах практикуются подобные игры».

Когда Брежнев сделал председателя КГБ Андропова секретарем ЦК и с Лубянки перевел на Старую площадь, все решили, что больше всего шансов стать преемником у Юрия Владимировича. Но Андропову тоже сообщали, что такие же авансы делались и Черненко, и Щербицкому, и это заставляло его дополнительно нервничать…

В реальности Леонид Ильич уходить не собирался. И о скорой смерти, как и любой нормальный человек, он не думал, поэтому его разговоры относительно преемника никто не воспринимал всерьез. Да и в его окружении всем было выгодно, чтобы он оставался на своем посту как можно дольше.

Андропов занял место Брежнева в ноябре 1982 года потому, что к этому времени уже занимал должность второго человека в партии.

Кому достается кресло?

Сейчас, наверное, не все помнят, но в позднесоветские годы смерть высших руководителей вызывала любые чувства, кроме сожаления и сочувствия. Видя, как меняет друг друга череда кремлевских старцев, страна была уверена, что каждый сам подбирает себе наследника. В реальности слово генсека ничего не стоило после его смерти.

Помощник Андропова Аркадий Иванович Вольский рассказал историю, казавшуюся сенсационной: генсек, оказавшись в больнице, распорядился: «Заседания секретариата ЦК должен вести Горбачев». А тот, кто вел заседания секретариата, считался вторым человеком в партии. Следовательно, Юрий Владимирович хотел, чтобы полномочия второго лица перешли от Черненко к Горбачеву. Но его воля не была исполнена!

Конечно, Константин Устинович Черненко и по своим данным, и по состоянию здоровья не мог быть лидером государства. Но таков был механизм советской власти, что после смерти Андропова именно Черненко возглавил страну. Мнение Юрия Владимировича не могло сыграть сколько-нибудь значимой роли при избрании его преемника. Аппарат живет своими законами. Даже ленинские кадровые пожелания в свое время оставили без внимания, не то что предсмертную волю Андропова.

Когда Андропова отвезли в больницу, откуда он уже не выйдет, в руках Черненко оказались все рычаги управления страной. Аппарат ориентировался на второго секретаря ЦК. Так что приход к власти Черненко после смерти Юрия Владимировича был так же предрешен, как и утверждение генсеком Горбачева.

В последние два месяца жизни тяжелобольного Черненко именно Михаил Сергеевич уже фактически руководил текущими делами страны. Он вел заседания политбюро и секретариата ЦК. Он и был кандидатом номер один в генсеки.

Есть только одно исключение — Борис Ельцин покинул Кремль, твердо выразив желание, чтобы президентский пост занял Владимир Путин, «монархический наследник республиканского президента», как выразился тогда Александр Солженицын. Но Борис Николаевич сам, что называется, передал власть из рук в руки. Совершенно особый случай.

Так как у нас действуют законы престолонаследия?

Вождь собирается жить и править вечно.

По собственной воле оставить высший пост? В нашей стране? Немыслимо! Пенсия — конец жизни. Прежний вождь немедленно

исчезает. Хрущев еще официально не был лишен своих должностей, но новые люди на телевидении, радио и в газетах вычеркивали его фамилию из новостных выпусков. А на московских улицах снимали его портреты.

Тоже интересное наблюдение: только что его славили со всех трибун. И нисколько не удивились, когда его обвинили во всех смертных грехах. Наш человек привык: сегодня начальник, небожитель, за три версты шапку ломаешь, а завтра он — никто. Система!

Поэтому вождь не думает о преемниках и никого из подручных не видит в роли наследника! Сменяющие друг друга вожди верят в собственную гениальность, а трудности в стране объясняют происками внешнего врага и неумелостью подданных, которые не в состоянии реализовать правильные идеи.

Так что без страха система не работает. Террор — самый действенный инструмент удержания страны в повиновении и сплочении народа против придуманных врагов. При этом власть нуждается в постоянном подтверждении того, что она выступает от имени всего народа. Поэтому любое несогласие, сомнения, недоуменные вопросы — удар по самолюбию, серьезная травма. Нужны только те, кто видит в тебе вождя, кто не сомневается в твоем превосходстве, кто смотрит на тебя снизу вверх.

Мир состоит из врагов и неврагов. От одних надо избавляться, за другими присматривать. Все, кто не аплодирует, кто не восторгается, — враги…

Впрочем, когда он уходит в мир иной, его мнение и оценки в любом случае не имеют значения. Начинается новая эпоха, и хозяином страны становится тот, кто в момент смерти предшественника сумел взять в руки государственный аппарат.

Прогнозы — дело неблагодарное. Как заметил один видный политический деятель, нет специалистов по будущему, есть только специалисты по прошлому… Впрочем, понимание прошлого может кое-что прояснить и в дне сегодняшнем.

Рецепт бессмертия

Сколько вождей, глядя на беснующуюся у их ног восторженную толпу, с тревогой думали: неужели это когда-нибудь закончится — овации, радостные крики, клятвы в вечной преданности? Неужели им, таким великим, тоже придется уйти из жизни, как простым смертным? И какие-то жалкие существа будут глумиться над их могилами?

Все диктаторы пытались продлить свой век. Даже когда они приказывали молчать всей стране, то прислушивались к своим докторам.

При советской власти многие врачи озаботились тем, как продлить жизнь вождей. Известный большевик Александр Александрович Богданов создал Институт переливания крови. Он верил, что массивными переливаниями можно «омолодить» изношенные организмы новых руководителей страны. Академик Александр Александрович Богомолец, видный патофизиолог, засел за теорию долголетия. Он тоже возлагал надежды на переливание крови.

«Академик А.А. Богомолец, доктор Казаков и другие, — вспоминал министр здравоохранения Борис Васильевич Петровский, — изучали результаты стимулирующих доз перелитой крови для омоложения, а также голодание, введение цитоксических сывороток, лизатов, веществ различных трав, гормонов. Однако все методы оказались неэффективными».

Игнатий Николаевич Казаков пытался стимулировать своих высокопоставленных пациентов переливаниями крови и введением различных сывороток и гормонов. К Казакову обратился и Сталин. Заодно доктор обещал избавить вождя от псориаза, хронической болезни кожи. Провел курс лечения белковыми препаратами — лизатами. С точки зрения современной медицины, метод малоэффективный и даже знахарский. Но Сталину лечение немного помогло.

Казакова назначили директором и научным руководителем Государственного научно-исследовательского института обмена веществ и эндокринных расстройств. Не пожалели ему валюты на импортное оборудование. Но пятно на коже генсека стало вновь увеличиваться! Казакова арестовали и расстреляли.

Рассказывают, будто Сталин не заботился о своем здоровье, гнал докторов, а лечил его помощник — Поскребышев. Это апокриф. Проблема долголетия волновала вождя, и Сталин не мог обойтись без врачей. А Поскребышев первым глотал все таблетки, которые прописывались генсеку! Средневековый способ

избежать отравления — свидетельство того, что Сталин боялся за свою жизнь и никому не доверял. В результате в последнюю свою ночь, когда ему так нужны были помощь и сочувствие, он остался совсем один.

На многих властителей произвело впечатление то, что в Пхеньяне для поддержания физического здоровья северокорейского вождя Ким Ир Сена создали целый медицинский научно-исследовательский институт с неограниченным бюджетом. Северокорейские врачи ездили на Кавказ, изучали жизнь долгожителей. Его сыну Ким Чен Иру помимо экологически чистых овощей, выращиваемых на специальной ферме, со всего мира доставляли экзотические продукты — например, печень редкого вида акулы — для улучшения кровообращения.

4-е главное управление при Министерстве здравоохранения занималось только поддержанием сил в слабеющих вождях. В современном мире вожди совсем иначе относятся к своему здоровью и намереваются жить долго. И медицина очень и очень обнадеживает. Жить больше ста лет и прилично себя чувствовать, вести полноценную жизнь — вполне реальное дело.

Главное — сохранить власть над страной. Дал слабину, позволил кому-то рядом набрать политический вес — и лишился всего. Поэтому вожди неустанно очищают кадровое поле от возможных конкурентов и наследников.